

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL VECTOR-L

научный журнал

2 2015

issn 2307-5473

Учредители:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национально исследовательский университет)

Челябинское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия журнала:

Хвощев В.Е.
(главный редактор);

Балакин В.С., д. и. н., проф., ЮУрГУ;
Бурмейстер А.Н., заслуженный проф. Гренобльского ун-та;
Малышев М.А., проф.-исследователь, УАЕМ;
Придворова Ю.В., дизайнер, ЮУрГУ;
Сибиряков И.В., д. и. н., проф., ЮУрГУ;
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, проф.-исследователь, УАЕМ;
Мария Луиза Бакарлетт, проф.-исследователь, УАЕМ.

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,

email: vek@susu.ac.ru

Формат 70x108 1/16

Усл. п. л. 13,47

Тираж - 500 экз.

Номер заказа 35/92

Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

© Издательский центр ЮУрГУ, 2015

© Издательство НОЦ «КПСР», 2015

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Авторы	Authors
Оскар Хуарес Сарагоса (6)	Óscar Juárez Zaragoza (6)
Михаил Малышев (6)	Mijail Malishev (6)
Марко Антонио Монрой Хименес (14)	Marco Antonio Monroy Jiménez (14)
Мигель-Анхель Собрино Ордонес (14)	Miguel Ángel Sobrino Ordoñez (14)
Мария дель Росарио Ортега Абасоло (29)	María del Rosario Ortega Abasolo (29)
Педро Каналес Герреро (29)	Pedro Canales Guerrero (29)
Роман Тамайо Серрано (42)	Román Tamayo Serrano (42)
Манола Сепульведа Гарса (42)	Manola Sepúlveda Garza (42)
Фернандо Диас Ортега (54)	Fernando Díaz Ortega (54)
Монсеррат Паулина Годой Понтонес (54)	Montserrat Paulina Godoy Pontones (54)
Саудабаев И.А. (62)	Saudabaev I. A. (62)
Русских Л.В. (62, 71)	Russkikh L.V. (62, 71)
Михалева А.А. (71)	Mikhaleva A.A. (71)
Боженева А.С. (79)	Bozheneva A. S. (79)
Трошкин Е.И. (79)	Troshkin E.I. (79)
Юдичев Г.И. (87)	Yudichev G.I. (87)
Сосновских Е.Г. (87)	Sosnovskih E. F. (87)
Бредихин Д.С. (97)	Bredikhin D.S. (97)
Нарская Н.В. (97)	Narskaiy N.V.(97)
Мейер Э.Е. (110)	Meye E.E. (110)
Тимофеев А.А. (110)	Timofeev A.A. (110)
Некрасов А.А. (117)	Nekrasov A.A. (117)
Гутенев М.Ю. (117)	Gutenev M.Y. (117)
Цибуля К.В. (126)	Tsibulya K.V. (126)
Батурин Л.М. (126)	Baturin L.M. (126)
Екимова Е.Р. (135)	Ekimova E.R. (135)
Докучаева С.В. (135)	Dokuchaeva S.V. (135)
Храмцова Е.А. (142)	Khramtsova E. A. (142)
Хвощев В.Е. (142)	Khvoshchev V.E. (142)
Ларионова С.С. (149)	Larionova S.S. (149)
Пеннер Р.В. (149)	Penner R.V. (149)

POLITICAL VECTOR-L № 2 2015
COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-I № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	6
НИРС (МЕКСИКА)	
Оскар Хуарес Сарагоса, Михаил Малышев	
Фридрих Ницше: борьба за аристократию	6
Марко Антонио Монрой Хименес, Мигель-Анхель Собрино Ордонес	
Категория «структура» в философии Хавьера Субири	14
Мария дель Росарио Ортега Абасоло, Педро Каналес Герреро	
Неограниченное предложение земли в окрестностях Тoluки.	
Изучение локального явления, связанного с функционированием	
гасиенды «Ля Гавия» в колониальную эпоху.....	29
Роман Тамайо Серрано, Манола Сепульведа Гарса	
Иерархическая система обязанностей и муниципальные хронисты.	
Сантьяго Нуйоо, Тлахиако, Оахака, Мехико (2006-2014)	42
Фернандо Диас Ортега, Монсеррат Паулина Годой Понтонес	
Конфликт власти в электоральном процессе	
в муниципиях Мехикалцинго и Чапультепек	54
НИРС (РОССИЯ)	
Саудабаев И.А., Русских Л.В.	
Политическая активность: многовариантность интерпретации	62
Михалева А.А., Русских Л.В.	
Кросс-культурные исследования	71
Боженева А.С., Трошкин Е.И.	
Медицина как обуславливающий фактор здоровья.....	79
Юдичев Г.И. Сосновских Е.Г.	
Взаимозависимость целей потребления искусства	
и жанровой характеристики.....	87
Бредихин Д.С., Нарская Н.В.	
Отношение студенчества к фактическому браку	97
Мейер Э.Е., Тимофеев А.А.	
Советская историография русско-шведской войны 1808–1809 годов.....	110
Некрасов А.А. , Гутенев М.Ю.	
Свобода человеческой личности в философии Н.А. Бердяева	117
ОЛИМПИАДА «ПРОМЕТЕЙ»	
Цибуля К.В., Батурин Л.М.	
Политико-антропологический портрет Екатерины II	126
Екимова Е.Р., Докучаева С.В.	
И.В. Сталин	135
Храмцова Е.А., Хвощев В.Е.	
Политическая антропология харизматической личности.....	142
Ларионова С.С., Пеннер Р.В.	
Тебя спроси: «Кто герой?» – Что ты ответишь? К вопросу	
об осмыслении образа героя в патриотическом воспитании	149
Требования к публикациям	153

POLITICAL VECTOR-L № 2 2015
COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

CONTENTS

From the editors.....	6
SRWS (Mexico)	
Óscar Juárez Zaragoza, Mijail Malishev Friedrich Nietzsche: the struggle for the aristocracy.....	6
Marco Antonio Monroy Jiménez, Miguel Ángel Sobrino Ordoñez The category "structure" in the philosophy of Javier Zubiri	14
María del Rosario Ortega Abasolo, Pedro Canales Guerrero The unlimited supply of land around of Toluca. Case study: conformation of hacienda "La Gavia" in the colonial epoch	29
Román Tamayo Serrano, Manola Sepúlveda Garza The hierarchical scale system and the municipal writers, Santiago Nuyoo, Tlaxiaco, Oaxaca, México (2006-2014)	42
Fernando Díaz Ortega, Montserrat Paulina Godoy Pontones Power struggles in the election process in the municipalities of Mexicalzingo and Chapultepec (1868–1869).....	54
SRWS (Russia)	
Saudabaev I. A., Russkikh L. V. Political activity: multivariance of interpretation	62
Михалева А.А., Русских А.В. Cross-cultural studies	71
Bozheneva A. S., Troshkin E.I. Medicine as a factor causing health	79
Yudichev G.I., Sosnovskih E. F. Interdependence consumption purposes art and genre characteristics	87
Bredikhin D.S., Narskaiy N.V. The ratio of students to the actual marriage	97
Meye E.E., Timofeev A.A. Soviet historiography of the Finnish war 1808–1809	110
Nekrasov A. A., Gutenev M.Y. Freedom of the human personality in philosophy N. A. Berdyaev.....	117
OLYMPIAD «PROMETEI»	
Tsibulya K.V., Baturin L.M. Political Portrait of Catherine II in the Context of anthropological Identity	126
Ekimova E.R., Dokuchaeva S.V. J.V. Stalin	135
Khramtsova E. A., Khvoshchev V.E. Charismatic personality: the role and place in politics.....	142
Larionova S.S., Penner R.V. You were asked: "Who is the hero?" – what would you say? About the meaning of the hero in the patriotic education	149
Requirements concerning the publication	153

От редактора

В очередном номере журнала опубликованы совместные работы преподавателей и студентов различных направлений подготовки. Следуя традиции, мы разместили ряд статей своих мексиканских коллег на испанском языке. Все они снабжены аннотациями на русском и английском языках. Читатель может сделать полнотекстовый перевод заинтересовавшей его статьи самостоятельно. Структура журнала содержит две большие части: «НИРС» (научно-исследовательские работы студентов России и Мексики) и «Олимпиада Прометей», где представлены работы студентов Южно-Уральского государственного университета младших курсов. В ближайших выпусках редакция планирует сохранить выбранную логику и стимулировать научное творчество бакалавров, магистров и аспирантов социально-гуманитарного профиля под руководством опытных преподавателей.

From the editors

Current issue of the journal contains collaborative works of faculty and students from various study programs. Following tradition, a number of articles of our Mexican colleagues are published in Spanish. All of them are supplied with summaries in both Russian and English. Readers can translate the entire text of any article of interest independently. The issue is divided into two main parts: "RWS" (research works of Russian and Mexican students) and «Olympiad Prometheus» where works by junior students of the South Ural state university are published. In the upcoming issues, the editors plan to retain the current format to continue to stimulate research activities of bachelor, master and PhD candidate students in social and political sciences under the guidance of experienced faculty members.

УДК 141.13

Оскар Хуарес Сарагоса, Михаил Малышев

Фридрих Ницше: борьба за аристократию

Авторы настоящей статьи ставят своей целью проанализировать и сопоставить две концепции аристократии: ницшеанскую и платоновскую с учетом тех последствий, которые они имеют для философов и нефилософов.

Ключевые слова: Аристократия, идентичность, различие, покорность, творчество.

Оскар Хуарес Сарагоса - докторант Гуманитарного Факультета Автономного университета Штата Мехико

Доктор философии Михаил Малышев - профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико, научный руководитель диссертации Оскара Хуареса Сарагосы

UDC 141.13

Óscar Juárez Zaragoza, Mijail Malishev

Friedrich Nietzsche: the struggle for the aristocracy

This article aims to analyze and contrast two conceptions of aristocracy: Plato and Nietzsche, while some glimpses therefore having regard to the philosophy and the relationship with the non-philosophers.

Keywords: Aristocracy, identity, difference, submission, creativity

Óscar Juárez Zaragoza is Postgraduate student of Humanitarian Faculty of Autonomous University of Mexico State

Doctor in Philosophy Mijail Malishev is researcher-professor of the Faculty of Humanities of Autonomous University of Mexico State, adviser of the thesis of Óscar Juárez Zaragoza

CDU141.13

Óscar Juárez Zaragoza, Mijail Malishev

Friedrich Nietzsche: la pugna por la aristocracia

El presente artículo tiene como objetivo analizar y contrastar dos concepciones de aristocracia: la platónica y la nietzscheana, al tiempo que vislumbra algunas de las consecuencias que tienen respecto a la filosofía y la relación con los no filósofos.

Palabras-clave: Aristocracia, identidad, diferencia, sometimiento, creatividad

Óscar Juárez Zaragoza es Doctorante de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Doctor en Filosofía Mijail Malishev es Profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México, asesor de la tesis de Óscar Juárez Zaragoza

La *genealogía de la moral* es la obra dedicada a recuperar una noción de aristocracia distinta a la que reinó durante tanto tiempo; la vigencia de esta "*aristocracia plebeya*", según Friedrich Nietzsche, se debe a una transvaloración de los valores efectuada en los inicios de la filosofía que, desafortunadamente, ha quedado en el olvido. Por ende hay que recuperar ese sentido primigenio de lo aristócrata que la filosofía degradó en metafísica y, posteriormente, en religión. "Para mí es evidente, primero, que esta teoría busca y sitúa en un lugar falso el auténtico lugar nativo del concepto "bueno": ¡el juicio "bueno" no procede de aquellos a quienes se dispensa "bondad"! Antes bien, fueron "los buenos" mismos, es decir, los nobles, los poderosos, los hombres de posición superior y elevados sentimientos quienes se sintieron y se valoraron a sí mismos, y a su obrar como buenos, o sea como algo de primer rango, en contraposición a todo lo bajo, abyecto, vulgar y plebeyo. Partiendo de este *phatos de la distancia* es como se arrogaron el derecho de crear valores, de acuñar nombres de valores: ¡qué les importaba a ellos la utilidad! El punto de vista de la utilidad resulta el más extraño e inadecuado de todos precisamente cuando se trata de ese ardiente manantial de supremos juicios de valor ordenadores de rango, destacadores del rango: aquí el sentimiento ha llegado precisamente a lo contrario de aquel bajo grado de tempera-

tura que es el presupuesto de toda prudencia calculadora, de todo cálculo utilitario, -y no por una vez, no en una hora de excepción, sino de modo verdadero. El *pathos* de la nobleza y de la distancia, como hemos dicho, el duradero y dominante sentimiento global y radical de una especie superior dominadora en su relación con una especie inferior, con un "abajo" -éste es el origen de la antítesis "bueno" y "malo". (El derecho del señor a dar nombres llega tan lejos que deberíamos permitirnos el concebir también el origen del lenguaje como una exteriorización de poder de los que dominan: dicen ¡"esto es esto y aquello", imprimen a cada cosa y a cada acontecimiento el sello de un sonido y con esto se lo apropian, por así decirlo). A este origen se debe el que, de antemano, la palabra "bueno" no esté en modo alguno ligada necesariamente a acciones "no egoístas": como creen supersticiosamente aquellos genealogistas de la moral. Antes bien, sólo cuando los juicios aristocráticos de valor *declinan* es cuando la antítesis "egoísta" "no egoísta" se impone cada vez más a la conciencia humana, -para servirme de mi vocabulario, es el *instinto de rebaño* el que con esa antítesis dice por fin su palabra (e incluso sus palabras). Pero aún entonces ha de pasar largo tiempo hasta que de tal manera predomine ese instinto, que la apreciación de los valores morales quede realmente prendida y atascada en dicha antítesis (como ocurre, por

ejemplo, en la Europa actual: hoy el prejuicio que considera que "moral", "no egoísta", *désintéressé* son conceptos equivalentes domina ya con la violencia de una "idea fija" y de una enfermedad mental)" (1, 2005, 37-38)

Esta larga cita nos da una visión clara de la transformación radical que la filosofía experimenta a partir de este pensador. Efectuemos algunos análisis para precisarlo mejor. La recuperación de la **verdadera aristocracia** se enmarca en una concepción del ser radicalmente distinta a la establecida por Platón.

Al señalar la condición *histórica* de toda construcción de verdad se *desanuda* al ser de su vínculo con la eternidad, *no hay una verdad eterna*, lo que hay son *verdades históricas producidas* por sujetos ubicados en el tiempo, con temperamentos e intereses específicos capaces de determinar lo verdadero en función de estos últimos. Deshecho el nudo de la *verdad* y la *eternidad* la filosofía tiene como primera consigna el descubrimiento del *origen* o *génesis*, en el tiempo y el espacio, de la verdad que nos rige, en la cual los seres humanos desenvolvemos cotidianamente nuestra existencia para cuestionarla como la *única* posibilidad de verdad. La *genealogía* como método filosófico sólo puede efectuarse bajo el reconocimiento de que no hay verdad eterna; toda construcción de verdad no es sino histórica y, por ende, tiene una *génesis* que se puede rastrear y explicar a partir de sus

motivaciones. El reclamo que Nietzsche efectúa respecto a la condición *a-histórica* privativa de los filósofos destruye, sin miramiento alguno, cualquier alegato de verdad eterna, bajo ninguna circunstancia se puede seguir creyendo en la inmovilidad de la verdad; ésta se nos revela como hija del tiempo, incapaz de trascender las fronteras que éste le traza, de desbordar los límites de esa paternidad. La postura de una "*verdad eterna*" es el producto de un ejercicio de venganza de los *plebeyos* respecto a los *verdaderos nobles*, quienes en algún momento fueron derrotados por el espíritu gregario de una nobleza falsa. La verdad es producto de las motivaciones de los hombres que la crean, nunca del ejercicio de una contemplación de algo permanente.

La pugna entre Nietzsche y Platón respecto a la aristocracia se hace evidente. Al apostar por la verdad como eterna la aristocracia se asegura la permanencia de su condición. Al ser inmovible la verdad el grupo que llega a su contemplación, a su conocimiento también es inmovible, quien la posee la posee para siempre, actitud que se muestra como *apropiamiento* de la verdad y de las ventajas que conlleva el tenerla; *avaricia filosófica en su máxima expresión*. Tesoro que una vez descubierto no se comparte con nadie y mucho menos se modifica, esa es la actitud del filósofo griego, lo que no pocos han llamado la *metafísica de la inversión*.

Inversión que se efectúa a través del tiempo que se le dedica a la preparación del sujeto para la contemplación y apropiación de la verdad, pero esa inversión efectuada en el tiempo, paradójicamente, una vez que produce los dividendos, éstos se hacen pasar por eternos, es decir, la posesión del tesoro de la verdad que se conquista en el tiempo se sustrae, de manera inexplicable, a los efectos de lo temporal. Delirio por la posesión continúa de la verdad y las ventajas de poseerla. Visión aristocrática de la permanencia que asegura el ejercicio avaro de quien la posee, no la comparte ni permite que las ventajas de poseerla se donen hacia los otros. Aristocracia de la acumulación, aristocracia de conservadores, una vez que se conquista se hace todo lo posible por no perderla, obligando al ser a permanecer en sus goznes bien sujetados para garantizar su funcionamiento y su posesión. El deseo de posesión constante de la verdad lo lleva al extremo de postularla como eterna, así una vez que se accede a ella no queda otra tarea más que resguardarla de cualquier amenaza de sustracción. La riqueza de la verdad no se gasta, por el contrario se incrementa.

El filósofo alemán apuesta por una aristocracia del *despilfarro*. Mientras que la platónica es de la inversión, la de Nietzsche es del *despilfarro*. El tesoro de la verdad, al ser histórico, es susceptible de *creación* y *recreación*. El verdadero aristócrata no es el que una vez encontrada la

verdad se dedica a resguardarla para no perderla, sino por el contrario es el que se percata de que puede crear tantas verdades como su poder, su condición de hombre superior, su egoísmo y su dominio del lenguaje le permitan. *Despilfarro* de la voluntad de poder; experimenta tantas verdades como puedas crear, libera al ser de sus goznes y permite el juego libre de la voluntad. Se percibe, inmediatamente, la diferencia entre una y otra concepción; *la metafísica de la inversión* parte de una imagen de la verdad como tesoro primigenio ajeno a quien lo contempla, que no se puede incrementar o crear, lo único que se puede hacer es, después de haber realizado el trabajo para tener acceso a él, disfrutar de su cercanía y resguardarlo de la intromisión de los no preparados, de la *doxa*, de los que no han trabajado para su conquista, de los ociosos o parias respecto a la verdad. *La metafísica del despilfarro* parte de la convicción de que el tesoro de la verdad es producto de la aristocracia creativa, no remite a ningún *logos* del universo o del ser, es producto de la *logología*, de la capacidad del aristócrata de dominar el lenguaje y determinar lo que las cosas son o deben ser (asevera Nietzsche: dicen esto es esto o aquello). La fuente de la riqueza veritativa del aristócrata nietzscheano está en su voluntad de ser, en su poder desplegándose, por ello no hay necesidad de resguardar la riqueza veritativa, si la fuente está en el propio aristócrata no requiere de

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

nada ni de nadie para explotarla al máximo, tampoco hay necesidad de su cuidado, pues esa fuente es inagotable, mientras se tenga voluntad de poder habrá recursos para crear las verdades que se necesitan, de ahí la repulsa que experimentan por la inversión, el trabajo y la avaricia. Su rango de hombres de posición superior, su fuerza les permite, según el filósofo alemán, disponer del recurso inagotable para crear y recrear al ser, ¡Crea tus propios valores! Es el lema que tienen los verdaderos aristócratas dice el pensador alemán.

Nietzsche distingue, con toda claridad, la aristocracia creativa de la aristocracia conservadora de valores. La creativa intenta dar lugar a la mayor cantidad de éstos pues con ello hace patente su poder, la conservadora se conforma sólo con unos valores que se hacen pasar por eternos y con esto da muestra de una salud precaria, de un modo de ser pusilánime y timorato. Hombre y super-hombre son las imágenes que utiliza para representarlos, el hombre significa el sometimiento a lo establecido, la actitud cobarde, la incapacidad para cambiar lo vigente; super-hombre significa el valiente, poderoso, arrojado a crear nuevos modos de vida, nuevas maneras de ser que implican un rasgo superior de ser humano. Poderoso se opone a famélico tanto como hombre a super-hombre; aristocracia conservadora se opone a aristocracia creativa, hay una pugna irremediable que transformará de forma radical nuestra existencia.

El tiempo, visto desde esta perspectiva, es el receptáculo, el medio en donde los verdaderos aristócratas crean sus verdades. Hijos del tiempo no tienen otra ocupación que crear su *verdad*, para esto, como se dijo anteriormente, hay que demoler la estatua-idea de una verdad permanente, hay que hacer filosofía a martillazos, sólo sobre las ruinas de la verdad eterna se puede acceder al juego orgiástico de la creación de verdades temporales propias de los intereses de los aristócratas. La verdad no puede ser producto del *desinterés objetivo* que la filosofía y la ciencia han señalado como uno de sus rasgos, la verdad responde a los intereses de los verdaderos aristócratas, ahora bien, ¿cuál es su mayor interés? Desplegar su poder. El único y más apremiante interés que el aristócrata tiene consiste en la manifestación de su voluntad de ser, mostrar a los demás su posición superior, crear el ser, sin importarle en lo más mínimo lo que pasa con los otros, sin preocuparse por quién comiera sus frutos.

Los recursos de los que dispone son los suficientes para hacerlo: un *pathos* de la distancia, el aristócrata, en virtud de su poder, se aleja de aquello que le impide crecer, lo que quiere es desplegar su voluntad de ser y ésta no puede estar sometida a los intereses colectivos, no es con los otros con los que se crece, sino, más bien, es a pesar de los otros, contra los otros que no hacen otra cosa sino promediar el crecimiento colec-

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

tivo, el despliegue de la voluntad no puede someterse al promedio, debe buscar llevar a su culmen su propio crecimiento. El verdadero aristócrata-filósofo toma distancia de la colectividad y no se somete, ni por error, a los intereses de ella, más bien busca el aire libre de las montañas, de los lugares elevados para poder experimentar la expansión de su voluntad de ser. La aristocracia conservadora se preocupa por los otros en la medida que los somete y garantiza su *estatus superior*, ocupación que *somete* al tiempo que *resguarda*. La aristocracia creativa se desvincula totalmente de los otros para poder desplegarse de la mejor manera, los otros no son sino impedimentos que se deben librar o en su defecto utilizar para lograr sus metas. Friedrich Nietzsche también se inspira en Homero sólo que su inspiración son los héroes de la *Odisea* y la

Ilíada que no reparan en sacrificar lo que sea (hijas, esposas, hombres y recursos) con tal de conseguir la gloria, gloria de nombres no de pueblos

El aristócrata nietzscheano se sabe poderoso, se sabe dominador del lenguaje, capaz de hacer que las palabras y las cosas sean lo que él quiere que designen. Mientras que el platónico apuesta por la escucha de un *logos*, que no es producto del ejercicio filosófico sino de un ser más allá de cualquier intervención humana, el nietzscheano sabe que la verdad es creación, que esa creación es producto de los seres humanos con la suficiente fuerza de efectuarla. De ahí que la fórmula poder, dominio del lenguaje, egoísmo y *pathos* de la distancia sea indispensable para que un individuo sea considerado aristócrata.

Bibliografía

1. Nietzsche, Friedrich. (2005). *Genealogía de la moral*. Madrid, Alianza.
2. Nietzsche, Friedrich. (1999). *El viajero y su sombra*. Madrid, Edaf.

УДК141.13

Марко Антонио Монрой Хименес, Мигель-Анхель Собрино Ордонес

Категория «структура» в философии Хавьера Субири

Данная работа посвящена категории «структура» в творчестве Субири, ключевого пункта его философии, фундамента, конституирующего реальность и, одновременно, методологический аспект «структурного анализа» реальности. Эти два элемента «структуры» испанского философа могут быть выявлены, если исходить хронологического прочтения творчества Субири, ибо они приводят к предположению о том, что «структурный аспект» лежит в основе единства как его доктрины, так и его метода. Еще ранее Эльякурия, отметив присутствие «структуры» в мышлении Субири, не обратил, однако, внимание на «фундаментальность» этого «аспекта», который может объяснить причину постоянного и не вполне проясненного употребления данной категории в философии басконского мыслителя.

Ключевые слова: Структура, конструкт, знаки, система, единство, реальность, процесс, дескрипция, структурный анализ

Марко Антонио Монрой Хименес - докторант Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико

Доктор философии Мигель-Анхель Собрино Ордонес - профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико, научный руководитель диссертации Марко Антонио Монроя Хименеса

UDC 141.13

Marco Antonio Monroy Jiménez, Miguel Ángel Sobrino Ordoñez

The category “structure” in the philosophy of Javier Zubiri

This paper refers to the category “structure” in the thought of Xavier Zubiri involving a key point in his philosophy as the foundation of the constitution of reality and as a methodical look for “structural analysis” of realities. These two elements show the “structure” in Spanish philosopher may be involved if we look at a chronological reading Zubiri work because it sheds a conjecture of a “structural vision” from which his unit as a doctrine and method is considered. While Ellacuría had already noted this as a point of presence of the “structure” in Zubiri, it does not affirm the fundamentality of this “vision” which may explain why the constant use and not as clear in this category in the philosophy of Basque thinker.

Keywords: structure, construct, notes, system, unity, reality, process, description, structural analysis

Marco Antonio Monroy Jiménez is Doctorate of Humanitarian Faculty of Autonomous university of Mexico State

Doctor in Philosophy Miguel Ángel Sobrino Ordoñez is reseacher-professor of the Humanitarian Faculty of Autonomous University of Mexico State, adviser of the thesis of Marco Antonio Monroy Jiménez

CDU 141.13

Marco Antonio Monroy Jiménez, Miguel Ángel Sobrino Ordóñez

La categoría “estructura” en la filosofía de Xavier Zubiri

Este trabajo se refiere a la categoría “estructura” en el pensamiento de Xavier Zubiri que implica un punto clave en su filosofía: como fundamento de la constitución de la realidad y como aspecto metódico para su “análisis estructural” de las realidades. Estos dos elementos que muestran la “estructura” en el filósofo español pueden implicarse si se atiende a una lectura cronológica de la obra zubiriana, ya que arroja una conjetura de una “visión estructural” desde la cual se considere su unidad como doctrina y método. Si bien, Ellacuría ya había señalado esto como punto de la presencia de la “estructura” en Zubiri, no afirma la fundamentalidad de esta “visión” que puede explicar por qué el uso constante y no tan claro de esta categoría en la filosofía del pensador vasco.

Palabras clave: Estructura, constructo, notas, sistema, unidad, realidad, proceso, descripción, análisis estructural

Marco Antonio Monroy Jiménez es Doctorante del Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Doctor en Filosofía Miguel Ángel Sobrino Ordóñez es Profesor-Investigador de la Facultad de Humanidades de la UAEM, asesor de la tesis de Marco Antonio

I . Introducción

Las siguientes reflexiones en torno a la filosofía Xavier Zubiri (1898-1983) tienen como eje la exposición y análisis de una noción de la cual hace uso frecuente pero no del todo explicitado. Su dilucidación es necesaria, porque consideramos que al patentizar su relación y funcionalidad con el resto de conceptos de su sistema puede llegar a esclarecer la articulación de la totalidad. La profundidad de esta cala radica en la importancia que algunos conceptos toman dentro de su concepción filosófica, pues en ellos más que una mera referencia, se tiene un punto de guía que permite ahondar en la significación general de su construcción teórica. Y si bien, el examen puede marcar un camino a seguir, es necesario ser cautos para no reducir todo el constructo teórico a la expresión de un determinado tema o concepto, sino, por el contrario, se buscará que la interpretación sea amplia y general, en la medida en que se indaga la función y posición adecuadas que el filósofo vasco le otorgó a la categoría a la cual nos referiremos. De acuerdo con lo anterior nos hemos propuesto analizar los usos y significados que otorga a la categoría de "estructura" en la construcción de su filosofía. El tema lo hemos elegido tras haber visto que en los comentarios realizados hasta ahora en torno a su propuesta filosófica, éstos se han centrado en el análisis de conceptos como

"sustantividad", "respectividad", "inteligencia", etc.; sin embargo, el concepto de "estructura" subyace en un relativo olvido; pareciera quedar al margen de los estudios rigurosos, pues dentro de éstos en ocasiones toma la connotación de concepto secundario o sin relevancia alguna en el contexto propio de la reflexión zubiriana.

Una lectura general de la obra de Zubiri, permite observar que la idea de "estructura" tiene una gran importancia y novedad en la construcción de su pensamiento, pues en todo momento se vale de este concepto para explicar tanto la constitución de la realidad, del hombre, de la inteligencia, etc. En lo que sigue, trataremos de explicitar los usos y significados que el concepto de "estructura" asume en el pensamiento zubiriano. Hemos seguido esta opción debido a que sólo en algunas de sus obras es donde la idea de "estructura" es expresa de manera más clara; mientras que en otros libros está presente de manera implícita o de forma vaga; por tal motivo, el análisis no se realizará desde una perspectiva diacrónica; por el contrario, los haremos en función de aquellos pasajes y temas que nos han parecido más significativos. En virtud de lo anterior, la importancia que le adjudicamos al concepto está alejada del uso numérico y constante que se pudiera observar en los textos de Zubiri, aspecto que llamó la atención a Ignacio Ellacuría al estudiar *Sobre la esencia**. Si existe una

relevancia más allá del uso cuantitativo de la noción de "estructura, siguiendo a Ellacuría, es porque ella parece tener una real importancia en la producción filosófica de Zubiri, y expresa un aspecto importan-tísimo de su propia filosofía, pues en el análisis que hace por ejemplo, de la esencia, concluye que ésta es: *principio estructural de la sustantividad*. De lo anterior se deduce que el manejo de la idea de "estructura" es un dato importante para ser tenido en cuenta debido a la significación que le adjudica al analizar la realidad. De igual modo es necesario tener presente que en los extensos análisis estructurales que realiza está la clave para entender el empleo de dicho concepto y entender como articula su pensamiento. De lo dicho caben algunos interrogantes que delimitan nuestra problemática: ¿Qué es la estructura para Zubiri? ¿Cuáles son los elementos, propiedades y funciones que la componen? ¿De qué tipo es esta estructura? ¿Cuál es la visión que se logra mediante el estudio de la realidad desde la perspectiva estructural? El intento de respuesta a ellas darán cuerpo al presente ensayo.

II. La "estructura" como contenido doctrinal, apoyatura metódica y visión de la realidad

Consideramos pertinente, antes de entrar a la discusión que nos ocupa, marcar la probable génesis que la idea de

"estructura" tuvo en la filosofía zubiriana. Para ello, contamos con el artículo de Ellacuría, y con pasajes de las obras de Zubiri con los que es posible hacer una serie de conjeturas. En primer lugar, es imposible plantear el origen exacto por el cual la idea de "estructura" tomó cuerpo en el pensamiento de Zubiri, ya que él mismo, a diferencia de otras nociones, no le dedicó una explicación amplia y directa que indicara el camino por el cual comienza a utilizarla. Sólo por medio de referencias críticas es como sabemos que nace de manera casi inadvertida. Como noción, aunque no explicitada de manera clara, es posible hallarla en su libro *Sobre la esencia*. Ellacuría, será quien en un artículo publicado en 1974 – pero bosquejado desde 1971-: *La idea de estructura en la filosofía de Zubiri*, se interrogará sobre el sentido que ésta adquiere al momento de explicar la constitución de la realidad: "No todas las veces se emplea el término en la obra de Z. con el mismo significado, pero siempre apunta a lo mismo, a una concepción estructural de la realidad. [...] antes de la presencia de un concepto estricto de estructura hay en Z. una visión estructural de la realidad" (Ellacuría, 1999). Zubiri al atender estas observaciones quedará sorprendido, pues al parecer no se percató en su momento de la forma o el mismo uso que le había dado. Por tanto,

* Ignacio Ellacuría afirma que no menos de 312 veces y en 157 páginas aparece el término 'estructura' en la obra zubiriana *Sobre la esencia*.

creemos, que es a partir del cuestionamiento de Ellacuría cuando se definirá y elevará de modo más consciente ésta idea a un rango filosófico, poniéndola en función precisa con las demás nociones para explicar lo que es la realidad. Tan es así que en trabajos posteriores a la publicación de *Sobre la esencia*, recopilados en *Sobre el hombre* (1998), *Inteligencia sentiente. Inteligencia y realidad* (1998), *Estructura dinámica de la realidad* (1995), *Sobre la realidad* (2001), encontramos expresiones más claras de lo que se entenderá por *estructura*, y cómo a partir de ella, se conformará la visión que de la realidad postula.

A pesar de haber sido en sus inicios una idea de la cual no tuvo plena conciencia del peso que él estaba dando a la idea de "estructura", ello no justifica la suposición de que fuera una mera ocurrencia o que no tuviera el bagaje cultural como para usarla adecuadamente. Varias son las vías que se podrían citar para explicar la forma en que esta idea tomó cuerpo en su pensamiento. Una, y al parecer la más definitiva, según referencias del mismo autor encontradas en sus obras, es la que alude a los estudios que realizó de las lenguas semitas, donde se encuentra una forma lingüística llamada "estado constructo" del nombre, forma del todo distinta a la de nuestro idioma; la diferencia radica en que el genitivo no recae sobre el sujeto, sino sobre lo real de lo que se habla. Zubiri explica esto en el ejemplo "la casa de Pedro", donde en

nuestras lenguas, el genitivo recae sobre Pedro, siendo "la casa de-Pedro", mientras que en las lenguas semitas, el carácter genitivo recae en algunos casos sobre la casa, quedando "casa-de Pedro" (Zubiri 2008a: 289-290). Lo anterior queda mucho más claro en palabras de Zubiri: "El estado constructo, como recurso morfológico oriundo de una mentalidad propia, nos ha descubierto la conceptualización de una estructura de la realidad, según la cual la realidad misma es entonces *primo et per se* unidad de sistema. Con el cual la expresión "estado constructo" ya no designa un mero recurso morfológico, sino una estructura real" (Zubiri 2008a: 355).

Ésta es la hipótesis más fuerte para explicar la génesis de la idea de "estructura", porque este mismo sentido de pertenencia que se expresa en el ejemplo referido, es lo que en otro contexto encontramos en el contenido de sus obras. Esto es evidente cuando declara que las "notas" que constituyen a una determinada realidad pertenecen en modo propio a ella y no por vía modal, ni por relación, son: las "notas-de".

Atendiendo a varios pasajes de sus obras (Zubiri, 2006b:37; 2008a: 512; 1998: 45), observamos que la idea de "estructura", tomará su primera acepción de lo que Zubiri entenderá por realidad. Advirtamos que en el contexto de su pensamiento ésta no puede ser comprendida como un "modo de ser", ni como una "sustancia"; ni mucho menos debe ser leída primariamente

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

desde los conceptos del "Ser" y la "existencia"; pues para él éstos han sido los errores clásicos que se dieron de manera recurrente en la reflexión filosófica. Si esto es así, tenemos que partir de la consideración zubiriana que postula la realidad como fundamento de todo lo real, y por ende, entiende a aquella primordial y radicalmente como una "sustantividad": "Lo primero es la *realitas*, y el *esse* es justamente su acto segundo. Es *realitas in essendo*, pero no es el *esse reale*. [...] la realidad, [...] empieza [...] por ser algo previo al ser" (Zubiri, 1995: 27). Al esbozar la realidad como fundamento, lo que se pretende es plantearla de modo anterior al momento conceptual, afirmativo o intelectual, pues ésta no adquiere actualidad, o existencia, ni ninguna otra cualidad por la aprehensión; ya que lo real, "está siendo" lo que es antes de la captación inteligente. Esta anterioridad o *prius* es lo que conforma respecto de la inteligencia el carácter que la realidad y las cosas tienen, el cual es sólo en orden de la aprehensión y no en el orden real, donde no se puede establecer un tipo de anterioridad, pues la cosa empieza siendo lo que es en el conjunto de sus elementos. Por tanto, describir la realidad desde esta perspectiva implica seguir el análisis que realiza Zubiri de la

misma, el cual, en términos generales, estará matizado por la visión estructural, en la que es entendida como un sistema de estructuras –reales y de sentido– sobrepuestas unas a otras de manera respectiva y dinámica.

Este análisis de la realidad aparece como un proceso, no de "desvelamiento", sino como un paulatino ir aprehendiendo una a una todas aquellas estructuras* que la van constituyendo. Para explicar estas estructuras, se procede de forma inductiva o deductiva. En lo que nos atañe lo haremos de forma inductiva, siguiendo los planteamientos desde lo que entiende por "sustantividad", pasando por la "estructura primaria o esencial", hasta llegar a la realidad misma. Son estos los tres momentos más significativos con los que principalmente referiremos la idea de "estructura" en el pensamiento de Zubiri. De este modo, se afirma en primer término, que el carácter real y formal de la realidad, es el de ser una "sustantividad" entendida como la "suficiencia" plena que tiene algo en su "constitución", que en este sentido es completa, pues lo que se precisa con ella es solamente "estar siendo" en la realidad, sin hacer consideraciones en este momento sobre la capacidad que se tenga para ejercer una acción, porque ahí

* Es preciso anotar aquí que en esta descripción, Zubiri, hará uso en sus obras de una serie de conceptos que nos remitirán a la idea misma de estructura, que algunas veces usará como sinónimos y en otras como independientes de ésta, por lo que hay que tenerlos presentes en todo momento, estos son: sistema, unidad, constructo, organización, solidaridad, configuración, constitución, totalidad, construcción, configuración, orden, constelación, sustantividad.

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

entraría en juego la observación de que hay hombres o cosas que tienen una mejor capacidad para actuar en la realidad; por ejemplo, un minusválido respecto de una persona con sus miembros sanos tendría menos capacidad de acción en la realidad, pero ambos tienen la "suficiencia constitucional" para "estar siendo" en ella. Con ésta idea de la "sustantividad" se quiere hacer mayor énfasis en lo que la cosa es en la "totalidad" de sus componentes, pues todo lo que está conformando a algo tiene por ello una importancia radical para el conjunto que integra; todas las cualidades o propiedades que una cosa tiene –que a una serán llamadas "notas"–, estarán constituyéndola de manera primordial. Por nota entiende Zubiri todo aquello que en la cosa está presente y que al estarlo está constituyendo de manera plena a la misma, sin marcar una distinción entre ellas (accidentales y esenciales), pues toda nota, por serlo de la cosa cobrará una importancia radical, sin que se pueda decir lo que la cosa es sin esa referencia al conjunto de elementos que le constituyen. "[...] lo que está <<noto>> (gnoto) por oposición a lo que está ignoto, con tal que se elimine toda alusión al conocer, [...] En sentido estricto nota no es cualidad, sino algo meramente notó; es pura y simplemente lo presente en mi impresión" (Zubiri, 2006a: 33).

Por tanto, al ser entendida la "sustantividad" como aquella "constitución" que tienen las cosas reales para "estar siendo" desde sí mismas, hallaremos en

ésta la primera referencia que tomará la idea de "estructura", expresada como la "constitución suficiente", o también como totalidad constitutiva, pues al declarar que la cosa es solamente en "la unidad" de todos sus elementos nos da la connotación de ser un "sistema" perfectamente determinado para ser real, y que sólo puede ser tal en esa unidad. Este uso que hace Zubiri es claramente perceptible en la mayoría de sus obras, ya que, aunque no se aclare de manera suficiente en todas, se está expresando la idea de "totalidad" en la conformación de la cosa. La "suficiencia constitucional" es expresada en el conjunto de notas que le pertenecen a las cosas en modo propio y que tienen como función principal hacerles presentes en la realidad. Esta expresión de la estructura como "constitución" nos habla, en primera instancia, de la "configuración interna" que una cosa presenta, misma que tiene una importancia radical pues sólo en y por ella la cosa es tal; "[...] la estructura primaria de la cosa es la <<constitución>>. [...] así entendida es de carácter "físico" y no lógico; es también rigurosamente individual. [...] es, en efecto, la *compango*, la *complexión* o estructura <<física>> primaria de la cosa real" (Zubiri, 2008a: 137). Esta totalidad constitutiva que las cosas tienen está en el conjunto de notas (constitutivas, constitucionales y adventicias)* que le dan actualidad en la realidad, las cuales son "de suyo"; y al declararlas así, se afirma la

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015

PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

pertenencia "en propio" a la cosa como "constitución primaria". Son notas que no dependen de una relación intrínseca o extrínseca para estar en el sistema, sino que pertenecen en sí mismas a la plenitud constitutiva de la cosa. En este sentido, la "sustantividad" como estructura toma la connotación de "unidad" y "totalidad" de los elementos que sólo son posibles por la relación con esa unidad: "El *de suyo* es el carácter primario, no diré que define, pero sí que es aquello en que primariamente, a mi modo de ver, consiste la realidad" (Zubiri, 1995: 57).

La articulación de la "sustantividad" por estas notas es de tipo interno; sin embargo, esto no lleva a pensar que la cosa se agote en sí misma o que se trate de algo aislado, pues esta misma configuración es a su vez externa. Por la que se halla puesta en relación intrínseca con las demás cosas de la realidad mediante las notas "de suyo", que al ser así concebidas toman la connotación de ser respectivas; por ello serán "notas-de", donde el "de" expresa el modo de pertenencia "en propio" a la cosa, mientras que el carácter respectivo de las mismas se encuentra al afirmar que estas son "de" la cosa y a su vez "de" las demás cosas. De este modo, las notas tienen la característica de estar "co-determinadas" unas con otras de manera "cíclica y

clausurada", pero también tiene la propiedad de estar co-determinando a las demás cosas de la realidad mediante la condición respectiva de las mismas. El carácter estructural de este conjunto de notas estará visto en lo que propiamente formará: un "constructo", con el cual la "sustantividad" cobrará la acepción de ser un "constructo de notas".

Sin embargo, no será el concepto de "constructo" el que de manera más completa nos acerque a la idea de "estructura", porque éste, a su vez, se verá referido como "sistema de notas", y en ésta no se hace sólo referencia a la construcción en cuanto tal de las notas, sino que implica ahora la "función" y "posición" que cada una está ejerciendo en el conjunto. Lo específico y radical de la estructura como sistema es determinar la posición y función de cada uno de los elementos de la "sustantividad". Por tanto, lo real es un "sistema estructural de notas" y esto es la "sustantividad" misma: "la realidad [...] es precisamente una sustantividad que está dotada de una estructura, y de un sistema constructo de notas. Sistema constructo de notas significa que cada nota es intrínsecamente *nota-de*; [...] en tanto en cuanto este sistema constructo de notas expresa en su constructividad lo que es esta unidad primaria, esas notas son, respecto de esa

* Notas adventicias son notas que de manera inescencial están constituyendo lo que lo real es en realidad. Notas constitucionales: expresan la constitución propia del sistema que forman. Notas constitutivas: son aquellas notas "infundadas" o propiamente dichas son la esencia de la cosa.

unidad, un *extractum*, es decir, una estructura" (Zubiri, 1995: 41-42). La "sustantividad" como primer momento referencial de la estructura, está comprendida por el conjunto de notas que son pertenencia real y física de las cosas, y lo que éstas propia y radicalmente constituirán serán "sistemas de notas"; propio de éstas es el tener en sí una unidad o "cohesión interna" a lo que su realidad es en sí misma. *Es una unidad estructural: estructura es precisa y formalmente el ser unidad de un <<de>>* (Zubiri, 1998: 49). Tiene la estructura la característica de ser una unidad respectiva que determina la posición y función de todos sus elementos. La significación que logra la idea de estructura es hacernos ver que las cosas no son agregados adicionales de notas, sino que por el contrario, son conjuntos ordenados, interna y externamente, de elementos.

En la noción de "sustantividad" hallaremos referida una segunda idea de "estructura" que nos permite acceder a la visión estructural con la que Zubiri analiza la realidad, pues lo que primariamente se aprehende de la cosa es la constitución en plenitud, sin consideraciones sobre la diferencia de notas que le conforman, pues a una, todas son "de" la cosa, las cuales en un momento ulterior de la aprehensión se presentan como "adventicias", "constitutivas" y "constitucionales". Al resaltar esa estructura que subyace en la "sustantividad" y que será considerada propiamente como "la esencia" de las cosas, que

está expresada en las notas constitutivas, lo que hay que precisar es que estas en cuanto tales formarán un "subsistema" dentro del "sistema sustantivo", pero que no tendrá por sí mismo suficiencia, sino que la toma de su relación con lo que la sustantividad es en totalidad, no pudiendo pensarse de una manera independiente o de modo sustancial. Con esta idea, se derrocará la creencia tradicional que hacía ver a la esencia de las cosas con una importancia mayor y separada de lo que propiamente formaba. Esencia será en este contexto el "subsistema" que da "forma" y "figura" de realidad a la cosa que constituye, por esto será esencia "de", sin poderse llamar "esencia" a secas. Esta estructura es aquella mediante la cual las demás notas "constitucionales" y "adventicias", cobrarán sentido respecto del sistema que están formando y por la cual, el conjunto de notas se configura en una unidad perfectamente ordenada para determinar la "figura de realidad"; también por ésta y así entendida es que no se puede establecer un más o un menos en la conformación y constitución, sino que la "función estructurante" de la esencia es determinar efectivamente la posición y función de cada una en el sistema sustantivo.

Es preciso decir que la esencia no será el principio generante de las cosas, sino que en cuanto estructura: "la esencia primariamente no es algo formalmente <<definiente>> sino algo formalmente <<estructuran-te>>. [...] la

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

unidad estructurante de lo puramente quidditativo en su intrínseca diferencia esencial es justo la esencia constitutiva" (Zubiri, 2008a: 225). El subsistema co-determina al conjunto total de notas y viceversa; por ejemplo, las notas constitutivas que le dan figura al hombre son las notas "psico-biológicas", las cuales son el subsistema dentro de la sustantividad que le hacen ser: "animal de realidades" y que tomadas en totalidad es lo que le da su modo de realidad: "persona". Este momento de la "realidad sustantiva" tomará la connotación de ser en el sistema: "configuración", lo que aunado a la característica de respectividad y totalidad nos complementa la idea de estructura. Estos dos tipos de entender la estructura en nada se contradicen sino que se integran, porque la unidad total que las cosas tienen es por lo que no se puede hablar de un momento mayor o menor en la constitución, pues todas las notas constitutivas y consti-tuyentes conforman la "sustantividad" en cuanto tal. Y referir la esencia como estructura primordial es para afirmar que dentro de la "sustantividad" hay un principio que configura al resto, pero que en sí mismo no tiene significación propiamente dicha, ya que en cuanto tal, sólo el "sistema sustantivo" la tiene. Esto nos indica una de las maneras de entender el análisis estructural, pues la esencia no será un sistema agregado a la sustantividad o viceversa; la sustantividad no es algo adicional

ni accidental de la esencia, sino que ésta es un momento constitucional sobre-puesto en el conjunto en que se presenta, siendo en él "respectivo" y "codeterminado".

Vista la articulación de la sustantividad se afirma en general que es un conjunto de estructuras que se hallan sobrepuestas unas a otras –en el caso del hombre estas son: vida, sentir, inteligir, voluntad, sentimiento–, pero siempre de manera ordenada y funcional, siendo por esto que la primera acepción que tendrá la noción de estructura en el pensamiento de Zubiri será como: "constitución", "configuración" y "conformación" plena de la "sustantividad". Estructura es constitución efectiva de la realidad para ser real. Así afirma: "El constructo es esencialmente respectivo. [...] este constructo es la expresión de una unidad primaria y real en que la sustantividad consiste: una unidad que no brota de ningún sujeto, sino que es la unidad misma del sistema, del constructo... La realidad es estructural precisamente porque está actualizada en un sistema de notas en estado constructo" (Zubiri, 1995: 87).

Aunado a esto, hallamos un uso que tendrá la idea de estructura de manera más general y, habiendo dicho que las cosas son sistemas de notas o sustantividades que están respectiva y dinámicamente co-determinadas, hay que agregar que lo estarán precisamente en la realidad; que en cuanto tal,

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

será la estructura envolvente en que se hallan las diversas cosas. Por esto el sentido que tomará la estructura en este momento es denominado como el "orden" u "organización" que tiene la realidad para estar constituida por las distintas cosas reales. Apelamos de nueva cuenta a la idea de realidad para abordar esta significación, donde es preciso anotar que la realidad para Zubiri es una formalidad cuyo carácter físico y real está dado por la presencia de las cosas que le integran; por esto, si las cosas son "sustantividad" éstas tendrán por carácter principal la respectividad; por ello se afirma que el "sistema sustantivo" está instaurado por ésta en unidad coherencial y dinámicamente en la estructura fundamental que es la realidad; la que, entendida como estructura, será comprendida también como un "sistema constructo" por la unidad que tiene en los elementos que le conforman y cuya suficiencia constitucional no es la misma que se aducía en la sustantividad individual pues, a diferencia de ésta, la pérdida de uno o más momentos no indica, como en la otra, la modificación o la extinción de la misma, sino que en este caso, esta suficiencia es vista como la capacidad de "instauración" dinámica de las cosas reales en ella. De éste sentido, se resaltarán tres propiedades fundamentales de la misma: respectividad, funcionalidad, dinamismo.

El carácter respectivo que se ha destacado proviene de la cualidad que las notas tienen en

el sistema y que consiste en ser primordial y radicalmente "de" las demás; en este sentido, no sólo las notas del conjunto serán "de" las demás, sino que incluso la sustantividad misma en el orden de la realidad cobrará ese carácter por el cual será "de" las demás realidades. Y esto es así por la doble dimensión de las estructuras sustantivas. Toda estructura guarda en sí misma la constitución de tener un "in" y un "ex" que le hace estar siendo en esta doble dimensión de interioridad y exterioridad. Mediante el primero, es "de" sí misma su propia realidad; es decir, en su conjunto de notas es suficiente para estar en la realidad; sin embargo, no estará cerrada en sí misma, sino que está abierta a la realidad y a las demás cosas reales, lo que es precisamente la dimensión expresada en el "ex", siendo a su vez el medio de plasmación de su complejidad en la realidad, pues la constitución que la "sustantividad" tiene sólo es tal en cuanto plasmación en la realidad; en este sentido, en el pensamiento de Zubiri no se puede hablar de sustantividad-meramente internas o individualizadas. En esta respectividad, dicha en ambos sentidos "in" y "ex", las cosas adquirirán tanto su función como su posición determinada en la estructura en que se fundamenta.

Esta dimensión estructural de la realidad puede ser explicada mediante las dos dimensiones que toda realidad sustantiva tiene: la "dimensión talitativa" y la "dimensión trascendental". "La talidad" es expresada como

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015

PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

aquella dimensión por la cual una cosa real es "tal" cosa en la realidad: tal color, tal perro, etc. Es la determinación del modo de realidad por el contenido propio de su constitución; que cumple con el fin radical y primario de determinar el modo de realidad que constituye, es "tal" realidad. Mientras que la "dimensión trascendental" rebasa la mera "dimensión talitativa" del contenido donde ya no es "tal" cosa, sino que es tal "realidad"; es este color, este perro etc., pero en concreto y en modo individual. Por tanto, la idea de "estructura" tomará la connotación de ser en el ámbito de la realidad, el "orden" o dimensión respectiva que las cosas tienen para consigo mismas y con las demás realidades. Es la disposición que tienen las cosas en la realidad para "estar siendo" en sí mismas en dimensión respectiva. Por lo tanto, la realidad tendrá como característica el ser "funcionalidad", entendida como la condición que tienen las cosas reales para actuar en la realidad desde su propio carácter real, sin depender para ello exclusivamente del contenido propio de la misma, ni de la actividad inteligente que ponga abstractamente la función que ésta cumple, sino que ésta es la propiedad que las cosas tienen para actuar desde sí mismas, sin pensar en el tradicional dualismo causa-efecto y sin adjudicarle a las percepciones un rango primordial, sino que ésta tiene la connotación de ser real en tanto ejercida por una "sustantividad".

Relacionada la funcionalidad con la "causalidad" puede entenderse como la "funcionalidad" que tiene lo real para ejercer su acción desde sí misma; en este sentido, *causalidad* es *propia*mente funcionalidad, porque:

Tanto la "respectividad", la "funcionalidad" y la "causalidad" estarán inscritos en la característica principal de la realidad que es el "dinamismo"*; entendiendo por esto un "dar de sí"; idea que pretende hacer ver que la realidad es en sí misma activa, sin necesitar de lo que en la tradición filosófica se había postulado como necesario para que se diera el movimiento en la realidad: el sujeto *substante*. Con la afirmación de la realidad dinámica por sí misma en cuanto su carácter real Zubiri pone fin a la problemática clásica que se venía refiriendo desde el dualismo causa-efecto, que sostenía que dado un efecto automáticamente se interrogaba por la causa, pudiendo llegar en ese proceso hasta un infinito de causas o bien, postulando como se había hecho "la causa primera", "Dios" o el "Ser", pues ante la pregunta de qué da movimiento a la realidad surgía como respuesta por antonomasia. Al ser expuesta la realidad mediante el dinamismo como un "dar de sí" se le confiere por ello la capacidad que no se reduce solo al movimiento sino que abarca el actuar y la acción, pues en todas estas funciones el hombre y las cosas están "dando de sí", sin precisar de la fuerza externa que les estimule; es decir, están actuando desde sí mismas

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

en la realidad. En resumen, la realidad como estructura tendrá el carácter de ser el "sistema constructo" que de manera respectiva funcional y dinámicamente está co-determinando y organizando a las cosas reales.

III. Conclusiones

Después del análisis realizado, digamos finalmente que partiendo de las tres maneras en que Ellacuría presenta el término "estructura" en la obra zubiriana, podemos afirmar que la visión estructural justifica el empleo de la estructura como apoyatura verbal y como utilización técnica. Es decir, que no negamos lo que sostiene Ellacuría, pero al revisar la obra zubiriana hasta la *Inteligencia sentiente*, podemos conjeturar que la categoría "estructura" en Zubiri, tanto como doctrina y como método, adquieren claridad en cuanto el

origen, uso y significado si atendemos a una visión estructural que fue paulatinamente desarrollando, a la par que un método estructural una fundamentación doctrinal para la constitución de realidad. De aquí que adquiera sentido porque presenta la esencia como una estructura de notas en sus dos órdenes: talitativa y transcendental.

Podemos concluir también que cuando Zubiri menciona lo estructural tanto como análisis y como idea, no lo hace refiriéndose a una dialéctica ni a un pensamiento estructura-lista, sino que su propuesta estructural difiere de estas dos, precisamente porque en su noción de estructura subyace una metafísica, donde la ciencia es incorporada y se constata que lo estructural funciona como

* En este análisis de la realidad es donde se pueden abordar las varias estructuras referidas como dinamismos. Éstos, afirma Zubiri, conforman la realidad. Por ahora basta, ante la imposibilidad de detallar cada uno, con hacer el recuento que muestra la visión estructural de la realidad: 1.- Dinamismo de variación 2.- Dinamismo de la alteración 3.- Dinamismo de la alteridad 4.- Dinamismo de ciudad 5.- Dinamismo de convivencia.

Bibliografía

1. Ellacuría, I. (1999). "La idea de estructura en la filosofía de Zubiri". En *Ídem, Escritos filosóficos II*, El Salvador: UCA Editores (publicado anteriormente en la *Realitas I*, pp., 71-139).
2. Zubiri, X. (1993). *Sobre el sentimiento y la volición*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
3. Zubiri, X. (1995) *Estructura dinámica de la realidad*, Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri, (2ª ed.).
4. Zubiri, X. (1998). *Sobre el Hombre*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
5. Zubiri, X. (2001a). *Sobre la realidad*, Madrid: Alianza Editorial / Fundación Xavier Zubiri.
6. Zubiri, X. (2001b). *Inteligencia y Razón*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
7. Zubiri, X. (2002). *Inteligencia y Logos*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
8. Zubiri, X. (2004^{12a}). *Naturaleza Historia Dios*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
9. Zubiri, X. (2005). *El hombre: lo real y lo irreal*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
10. Zubiri, X. (2006a). *Inteligencia sentiente. Inteligencia y realidad*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
11. Zubiri, X. (2006b). *Estructura dinámica de la realidad*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri..
12. Zubiri, X. (2008b). *Espacio, Tiempo, Materia*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
13. Zubiri, X. (2009). *Cinco lecciones de filosofía*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.
14. Zubiri, X. (2010). *Cursos Universitarios Volumen II*. Madrid: Alianza Editorial/Fundación Xavier Zubiri.

УДК 141.13

Мария дель Росарио Ортега Абасоло, Педро Каналес Герреро

**Неограниченное предложение земли
в окрестностях Толуки.
Изучение локального явления, связанного
с функционированием гасиенды «Ля Гавия» в
колониальную эпоху**

Неограниченное предложение земли, категория, предложенная Руджиеро Романо, авторы документально подтверждают на примере успешного функционирования в восемнадцатом веке гасиенды иезуитов, «Ля Гавия» основанной на землях, принадлежащих индейцам в Новой Испании

Ключевые слова: неограниченное предложение земли, сословная собственность, рынок, рента, прибыль

Мария дель Росарио Ортега Абасоло – маэстрант Гуманитарного Факультета Автономного университета Штата Мехико,

Педро Каналес Герреро - профессор-исследователь Гуманитарного Факультета Автономного университета Штата Мехико, научный руководитель диссертации Марии дель Росарио Ортега Абасоло

UDC 141.13

María del Rosario Ortega Abasolo, Pedro Canales Guerrero

**The unlimited supply
of land around of Toluca.
Case study: conformation
of hacienda “La Gavia” in the colonial epoch**

The *unlimited supply of land*, category, proposed by Ruggiero Romano, allows authors to prove, with historical documents, their validity in New Spain. The authors present the formation of a Jesuit hacienda, La Gavia, near the Valley Toluca, in the eighteenth century, on the ancient Indian property.

Keywords: Unlimited supply of land, feudal property, market, income, profit.

María del Rosario Ortega Abasolo, graduate student of the Humanitarian Faculty of the Autonomous University of Mexico State

Pedro Canales Guerrero, the researcher-professor of the Humanitarian Faculty of the Autonomous University of Mexico State, adviser of the thesis of María del Rosario Ortega Abasolo

CDU 141.13

María del Rosario Ortega Abasolo y Pedro Canales Guerrero

**Oferta ilimitada de tierra en torno
al valle de Toluca.
Estudio de caso: conformación de la hacienda
de “La Gavia” en la época colonial**

Utilizando la categoría de *oferta ilimitada de tierra* propuesta por Ruggiero Romano, los autores demuestran documentalmente la validez de dicha categoría en la conformación ventajosa, sobre la antigua propiedad india, de una hacienda jesuita, La Gavia, en el siglo XVIII de la Nueva España

Palabras claves: oferta ilimitada de tierra, propiedad estamental, mercado, renta, ganancia

María del Rosario Ortega Abasolo es estudiante del Posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Pedro Canales Guerrero es profesor-investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México, asesor de la tesis.

Introducción y categorías de análisis

El presente trabajo expone un estudio de caso donde se busca poner a prueba la pertinencia de la categoría oferta ilimitada de tierra, propuesta por Romano, para explicar la historia económica de América centro meridional, y no sólo su historia económica. El estudio de caso se centra en reconstituir con base en documentos históricos la formación de una gran propiedad de tierra en la región del valle de Toluca, desde el siglo xvi, con los primeros encomenderos de la zona que, aunque lo tenían prohibido, adquieren tierra bajo diferentes mecanismos, hasta el siglo xviii, cuando los jesuitas toman posesión y propiedad de la hacienda La Gavia, la mayor de las ubicadas en Mesoamérica en extensión territorial. Ruggiero Romano, en cita resumida, define así la categoría referida:

Oferta ilimitada de tierra "Significa sencillamente que [...] la frontera por conquistar estaba todavía abierta (como lo demuestran las "conquistas" que continúan aún en el siglo xix en Argentina, Brasil, Chile). [...] Asimismo, oferta ilimitada de tierra significa que incluso al interior de la misma propiedad ya formada existe aún una oferta de tierras, pues no toda la extensión del suelo nominalmente ocupado y registrado como propiedad privada se utiliza y explota en realidad. [...] Las consecuencias de esta oferta "ilimitada" de tierra, unida a la vigencia de determinadas

instituciones jurídicas, fueron de gran importancia en la organización del mundo agrario (y en general económico) americano. Esto no es nada nuevo y de por sí no nos dice mucho. Será entonces necesario recordar [...] que la concentración de la propiedad, al dificultar el acceso a ella por parte de "hombres nuevos", conduce a una gradual expansión de la renta en perjuicio de la ganancia (y del salario)." (Ruggiero Romano, 2004: 102-103)

Como se puede ver, la categoría implica varios fenómenos, y sus respectivos conceptos, que pueden ser contrastados uno a uno con documentación histórica. Primero, frontera abierta, es decir, territorios sin propietarios asignados, propiedad definida en los términos de conveniencia occidental, española, en este caso. Segundo, oferta *ilimitada* de tierras al interior de la propiedad, en el sentido que no son utilizadas en términos del mejor rendimiento, o, incluso, se hallan desocupadas. Tercero, la consecuente organización del mundo agrario y económico de la Nueva España, organización alcanzada por los criollos y conquistadores, utilizando mecanismos que el poder y las instituciones jurídicas les permitían, en un uso de la normas *de facto* más que *de jure*. Finalmente, en su definición, Romano subraya un segundo corolario del proceso histórico mismo: la expansión de la renta como mecanismo económico de enriquecimiento y la ausencia en

ello del mecanismo de la ganancia y del salario.

Este último corolario no es objeto de análisis del presente trabajo. En cambio, las primeras tres variables o factores, lo son. Mostraremos que la frontera territorial en buena parte del valle de Toluca no estaba cerrada, en particular en el territorio que constituiría la hacienda de La Gavia; que, en términos jurídicos, fue muy fácil constituir esa gran propiedad de más de 100 mil hectáreas, mil kilómetros cuadrados, una superficie equivalente a 33 kilómetros por lado. Igualmente, respecto a la segunda variable, mostraremos que en esta gran extensión de la hacienda había tierra sin ocupar, sin hacer fructificar; en este sentido, segunda prueba de la oferta ilimitada de tierra en esta región, a menos de 100 kilómetros de la capital del virreinato español más rico en población de América. Acerca del factor importante para la tercera variable, mostraremos a partir de la lectura de documentos históricos cómo funcionaban de facto los procesos jurídicos en la conformación de grandes propiedades como el caso de La Gavia.

Contexto histórico y catástrofe demográfica

Para entender mejor la demostración que presentamos, conviene reseñar muy brevemente los aspectos históricos y geográficos que inciden en el objeto de estudio. Según la lógica de la conquista militar y política por parte de la Corona española de tierras americanas a principios del siglo

xvi, ésta tenía el derecho sobre las tierras y personas conquistadas por sus ejércitos. Igualmente, como reconocimiento de los servicios prestados por particulares en dicha conquista, éstos recibieron tierras, unos, y, otros, indios encomendados. Por otro lado, el proceso militar y, sobre todo, el epidemiológico, hizo descender brutalmente la población indígena que podían repartir entre los encomenderos y aumentar la tierra disponible para repartir entre los conquistadores militares. Se ha propuesto como proporción del descenso demográfico desde 70 hasta 90 por ciento de la población existente al momento de la conquista y hasta un siglo después. Si estas son proporciones aceptables por casi todos, no hay acuerdo sobre las cifras absolutas; tampoco tenemos cifras indiscutibles sobre regiones específicas, ni siquiera sobre el momento de recuperación de la catástrofe, un siglo después de la conquista: los registros parroquiales, la mejor fuente para calcular la población, junto con los padrones, sólo se vuelve relativamente completa hacia finales del siglo xvii o principios del xviii. Esta es la situación documental parroquial para el valle de Toluca que nos ocupa. Los padrones son raros incluso para la primera mitad del siglo xviii y siempre son parciales, por lo que tampoco tenemos cifras inobjetable para la región, antes del siglo xix. Para este ejercicio, cabe aceptar las cifras de conjunto propuestas para el siglo xix, cuando –podemos postular–,

Espacio y poblamiento

Así, según hemos podido observar en muchas parroquias, a lo largo del siglo xviii, la línea de tendencia demográfica es estable: las coyunturales fuertes crisis de mortalidad son contrarrestadas, por tasas de 50 nacimientos por mil habitantes, en periodos cortos de una o dos generaciones. Por ello decimos que si tomamos los volúmenes de población de principios del siglo xix que nos muestran padrones como los propuestos por Dorothy Tanck (2005: 98), podríamos considerar que esa cifra es el piso de la población de principios del siglo xviii cuando se habría recuperado ya, en términos cuantitativos, la población originaria. Bajo este supuesto, lo que constatamos es una baja densidad demográfica en términos globales aunque altas densidades en los territorios propiamente indios y los pocos asentamientos de administración española. En el Mapa 1 se observa el territorio ocupado por la población india, incluidos sus espacios de cultivos campesinos, y la importancia demográfica en el mismo; igualmente, puede identificarse, por oposición, la propiedad correspondiente a la población europea ocupada con haciendas y ranchos, cuya actividad económica era el cultivo de granos y la cría de ganado ovino, bovino, caballar, mular o, también, la cría de cerdos. Como se puede apreciar a simple vista, el territorio de haciendas y ranchos a lo largo y ancho del valle formado por el río Lerma, que

corre de sursureste a nornoroeste, representaría cerca del 80%, propiedad correspondiente, por decirlo así, a menos del 10% de la población de origen español; igualmente, mayor proporción de territorios indios en el sur que en el norte del valle, con una suerte de vacío indio entre el sur y norte del valle; contrasta también el poblamiento más denso en la ladera de la cadena montañosa del este del valle por oposición a la parte oeste, dominada por la presencia del volcán y sus tierras altas, donde hallamos muy pocos asentamientos campesinos indios. Es precisamente en esta ladera oeste del valle y las tierras boscosas aledañas al volcán donde se halla la propiedad cuya formación constituye nuestro estudio de caso. El mapa muestra que la hacienda de La Gavia va a formarse en un espacio casi vacío de asentamientos demográficos indios y de tierras agrícolas; sin duda, constituían territorios de reserva y donde podían obtener los pueblos indios recursos de recolección y caza, dado que se trataba mayoritariamente de zonas de montaña y bosque. Este vacío, espacio de frontera agrícola por ocupar, se profundizó por la conquista epidemiológica, es decir, por la catastrófica disminución de la población india, lo que facilitó, como queda dicho, la adquisición abusiva de la tierra por parte de los españoles. Conviene subrayar que ese espacio más bien montañoso de frontera agrícola sería ocupado

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

no para cultivo sino para cría de ganado europeo. Lo anterior se explica fácilmente porque la oferta de granos ya existente rebasaba la demanda de un mercado monetario restringido a la ciudad de México y al consumo de algunas zonas mineras, los campesinos no compraban granos pues eran productores.

Mecanismos de apropiación ventajosa de la tierra

A continuación mostramos documentalmente, para el caso de La Gavia, bajo qué mecanismos más o menos legales y abusivos, de los propuestos por Gibson (1967: 281-283) y Romano (2004: 86-67), los españoles y los jesuitas, en este caso, conformaron territorialmente dicha hacienda.

El mecanismo más importante, desde el primer siglo de la conquista, fue la apropiación irregular de la tierra. Los encomenderos tenían derecho a recibir encomendados que debían entregarles tributo a cambio de ser adoctrinados en la religión católica, pero no ser propietarios de tierras en el mismo territorio que sus encomendados habitaban. Es precisamente en los términos de los pueblos indios de Zinacantepec y Amanalco donde el encomendero de esos pueblos, su hermano y los descendientes de ambos formarán buena porción de la hacienda a través de concesiones, ocupaciones abusivas, composiciones y compras reales. En los documentos hallados en los archivos históricos, relativos a conformación progresiva del

territorio de la hacienda, el apellido del encomendero y su descendencia, hijos, nietos y bisnietos es permanente, hasta el momento en que los jesuitas compran la hacienda y terminan de constituir el territorio. Juan de Sámano, sustituye a un primer encomendero y, junto con su hermano Antonio, y la descendencia de ambos (Sámano Turcios padre e hijo, Sámano Medinilla y su hijo Bernabé), aparecen en los documentos como compradores o arrendadores de tierras que conformarán La Gavia y también de tierras ubicadas claramente en el valle. Entre 1582 y 1630, hallamos nueve documentos que refieren compras de estancias de ganado mayor, menor y tierras de cultivo; las tierras correspondientes a lo que constituirá La Gavia son todas estancias de ganado y no para cultivo. También hay referencias de las primeras concesiones de tierra al encomendero y su hermano en el siglo xvi. Esto puede leerse en los documentos que reflejan la forma en que los jesuitas, vía De los Cobos, van constituyendo la propiedad legal de la gran Gavia; ahí se dice que De los Cobos compra las tierras que le fueron otorgadas al encomendero y al hermano de éste.

Otro de los mecanismos fue la ocupación de facto que, luego, lograban legalizar formalmente, también abusivamente, a través de mecanismos previstos por la Corona, empujada ésta por sus necesidades financieras: el trámite legal consistía en pagar

VECTOR POLÍTICO-I N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

una composición monetaria a la Corona a cambio de recibir los documentos que acreditaban la propiedad de la tierra ocupada y poseída informalmente, vale decir, ilegalmente. Este mecanismo queda documentado no sólo en el siglo xvi y xvii sino incluso en el xviii, al momento en que los jesuitas, por interpósita persona, llevan a cabo la compra y, mejor dicho, la conformación territorial de la hacienda más extensa de Mesoamérica, de la que habían sido parcialmente arrendatarios. Antes de esta compra, ya los jesuitas eran los mayores propietarios de Nueva España, así que, consolidaban su poder económico y cultural, pues además dirigían la educación de los criollos. Ésta debió ser su última adquisición territorial antes de ser expulsados en 1767 de todo el dominio español. Mostramos a continuación el relato documental que exhibe estos mecanismos y su impresionante eficacia, mezcla de la habilidad en los trámites legales o medianamente irregulares y de su capacidad de influir en el poder factual de la administración. Este es el resumen del relato de la composición del 88% de la superficie, y que se llevó a cabo en menos de seis meses.

Don Pedro Ximénez de los Cobos, de hecho, apoderado de los jesuitas, pagó \$34,000 a los herederos de los Sámano, pidió composición de las tierras, en septiembre de 1708, que se reconocían como parte de la hacienda de la Gavia, pero cuya propiedad no estaba amparada con títulos de pleno derecho; este detalle muestra el

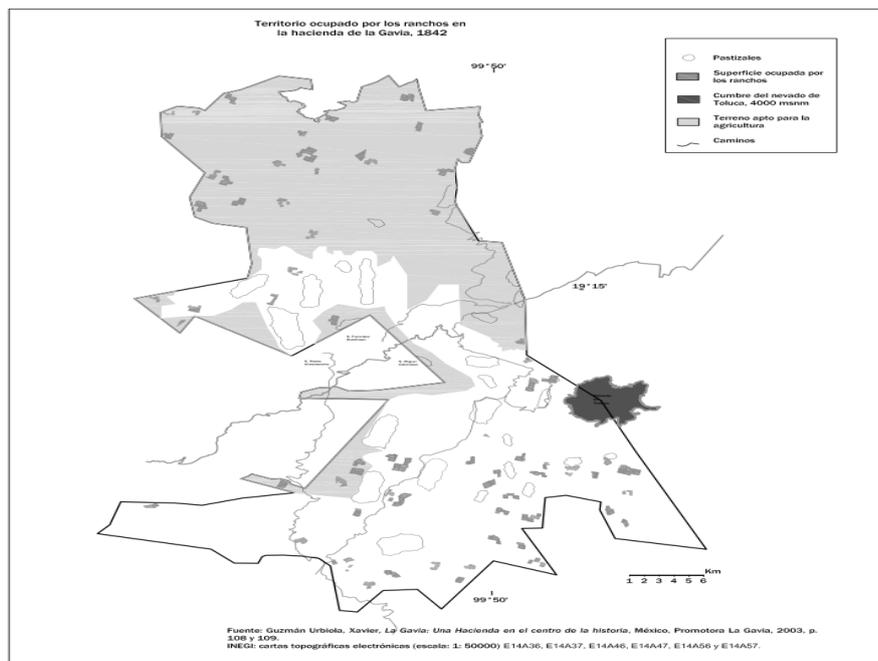
mecanismo de apropiación de la tierra por la simple posesión; igualmente, muestra la importancia que puede tener este mecanismo, dado que sólo se tenía título pleno de propiedad ¡del 12% de lo que sería el territorio de La Gavia!, hacienda que se compraba, en teoría, conformada. Como dijimos, todo el proceso de composición se logra en menos de seis meses, gracias al eficaz poder de los jesuitas y su apoderado (no reconocido como tal); el proceso total de compra venta dura 18 meses. Por obtener los faltantes títulos pagó \$500.00, por la extensión equivalente a más de 29 km por lado: al mismo precio que si hubiera comprado 50 mulas; la extensión incluía 30 sitios de los cuales 26 eran de haciendas de ganado mayor y 4 de menor más las de labor nombradas La Gavia y el Monte con todos sus ranchos, sitios de agostadero y pastos; con ello se mandaba guardar los linderos y la existencia de varias mercedes que no estaban comprendidas en la real cédula. Sin embargo, Ximénez todavía tuvo que pagar por dos sitios que supuestamente habían sido ya compuestos: compró en 1710 un sitio a don Miguel de Navarrijo y otro sitio, llamado de Altamirano, a Antonio de Coto en el año de 1712. En julio de 1712 le daban posesión, recorriendo físicamente todos los linderos. El 17 de octubre de 1715 don Pedro Ximénez de los Cobos firma la venta de La Gavia al Colegio de Tepozotlán por la cantidad de \$46, 213.00: la cifra no es lejana al monto inicial de

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

compra más el pago de la composición, el pago de las dos haciendas referidas y los costos de trámites y viáticos. Romano, ya citado, nos ayuda a comprender el bajo precio de la tierra, nulo dice él: la tierra no tiene precio, se paga lo que ella contiene, es decir, árboles, agua, edificaciones e, incluso, trabajadores. No son excepcionales los documentos recopilados en este estudio de caso donde se lee, diáfana e

ingenuamente, diríamos hoy, que la venta incluye a los trabajadores: en 1635, Juan de Sámano Salamanca compra un sitio de estancia para ganado mayor localizado en los montes de Tlanepantla en términos de Coyoacán nombrado Ystaque Aguatlataque, con todas sus pertenencias ¡y servidumbres! en 600 pesos de oro común. Por supuesto, no cualquiera puede comprar la tierra así definida, sólo los españoles, signo de la

Mapa 2



VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Oferta ilimitada de tierra al interior de la propiedad

El Mapa 2, representa la extensión total de la hacienda La Gavia, donde se identifica la extensión de las tierras cultivables, así como la extensión de las unidades de producción pecuaria; los cultivos servían para el consumo humano y pecuario interno de las propias unidades cuya utilidad final era la cría de animales: ovejas, cabras, caballos, mulas, reses, cerdos. Dada la distancia del mercado monetario (ciudad y minas) y la ausencia de caminos carreteros no habría sido redituable el comercio de granos. Las tierras no agrícolas, por oposición, son las montuosas que podrían ser fuente de madera para consumo en las minas, además de fuente de carbón, recolección y caza menor para los campesinos. Siguiendo el hilo conductor del presente trabajo, el mapa nos sirve para mostrar que la frontera agrícola de este espacio apenas si ha sido conquistada. En la extensión propia de la hacienda pudieron haberse hallado por algunos momentos pueblos indios, según consta en los documentos que nos hablan de litigios entre los pueblos y los propietarios sucesivos de la hacienda. El traslape eventual de las propiedades indias y españolas era facilitado por los mecanismos de apropiación irregular de la tierra por parte de los españoles pero también porque el propio vacío espacial favorecía que los indios usufructuaran recursos del bosque y pastos que la hacienda

consideraba como suyos – aunque en tiempos ancestrales hubieran sido comunales de los indios–. Hay evidencia de la actitud de los jesuitas y otros hacendados en los documentos, a tal punto que hay constancia de un intercambio de pago en ambas direcciones: los indios pagaban eventualmente por usufructuar pastos con mano de obra en los trabajos de la hacienda; hay también pago monetario eventual de la hacienda jesuita a los pueblos indios. Coyunturalmente, observamos tensión en este intercambio, sobre todo cuando los propietarios de la hacienda consideraban que los pueblos buscaban extender su territorio: con más tierra y pastizales propios no necesitarían intercambiar recursos por trabajo para la hacienda. Otra circunstancia afectaba la situación: no hay muchos asentamientos indios, como se constata en el mapa, lo que dificultaría conseguir mano de obra para la hacienda y los ranchos, más la conveniencia de un trato de buena vecindad necesario en ese espacio tan poco denso demográficamente. La baja densidad debió heredarse de tiempos prehispánicos; la geografía no es benigna para el cultivo del maíz en gran parte de ese territorio lo que explicaría que las fuentes coloniales tempranas no registren sino pequeños y pocos asentamientos en el espacio donde se formó La Gavia: desde tiempos prehispánicos la frontera agrícola estaba por ampliarse en la zona, si la población hubiera

VECTOR POLÍTICO-L Nº 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

crecido; no fue la población humana sino semovientes de diversa especie los que ocuparon la zona propicia en pastizales y granos europeos más resistentes a temperaturas bajas, en esos espacios vacíos de gente al momento de la conquista. Lo también limitado de la ocupación pecuaria en el extenso territorio se explica más por la limitada demanda monetaria de la carne que por la teórica dificultad de la crianza, de la siembra de pastos o por la falta de pastizales; de cualquier manera, la crianza extensiva era la regla.

Por otro lado, a La Gavia tampoco le faltaban los litigios con otras haciendas colindantes, favorecido esto, también, por la extensión y lo accidentado del territorio, lo cual hacía difícil la vigilancia efectiva de la propiedad, propiedad relativamente vacía, como nos muestra palmariamente el Mapa 2. La superficie ocupada por las unidades productivas de La Gavia no representa más del 6% del total de la superficie, es decir, 60 km², equivalente a una superficie menor a 8 km por lado, de un total de 1000 km², equivalente a 33 km por lado; si consideramos la superficie cultivada en proporción de la cultivable, el porcentaje casi se duplica, 11%. Cuando de los Cobos recibe la posesión recorren el perímetro en nueve días, reconociendo mojoneras y límites con otras haciendas, ranchos y pueblos. Al 6% de tierras cultivadas debe sumarse la superficie de los pastizales

utilizados extensivamente, 5600 hectáreas, 56 km², equivalente a una superficie de 7.5 km por lado; 5.6% del total del territorio y 11% de los pastizales de todo tipo. Al final de cuentas, sólo se ocupa el 22% del territorio con actividades productivas hispánicas. El 78% restante son espacios vacíos. Al rededor de 80 mil hectáreas constituyen la reserva de la propiedad de La Gavia, 39 hectáreas cultivables con granos europeos y 40 hectáreas pastizables. Queda con estas cifras indicativas demostrada la tesis de Romano: tierra (de frontera no abierta) sin hombres y hombres sin tierra.

Corolario

El corolario, cuya demostración no se buscaba probar, puede vislumbrarse derivadamente: la ausencia de mercado es causa y efecto de esta lógica económica. Se impide a *hombres nuevos* acceder a la tierra, concentrando la propiedad de ésta en el estamento más alto y menos numeroso, al tiempo que tampoco la roturan para la agricultura ni tampoco plenamente para la actividad pecuaria. Piensan con esto conservar ventaja en la oferta de sus productos, en este caso pecuarios, en el restringido mercado monetario. Obtienen ventaja, sin duda, pero nunca lograrán así influir en el crecimiento de la demanda monetaria por sus productos pecuarios porque ellos mismos coartan la circulación monetaria: compran pocos insumos, tienden a la autosuficiencia en la producción y el consumo;

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

tampoco retribuyen monetariamente a sus trabajadores. Además, la gran mayoría de la población es campesina –rara vez acude al mercado monetario – y, aunque ahorrarán individualmente no podrían acceder a la tierra para roturarla como hombres nuevos para ampliar la oferta de bienes en el

mercado monetario. La lógica económica reproduce el sistema de renta y no el de la ganancia, como postuló Romano. Esto significa que no hay mercado o no es libre ni generalizado. Sin mercado, tampoco hay crecimiento, menos aun desarrollo.

Bibliografía

1. Gibson, Charles, 2003. Los aztecas bajo el dominio español 1519-1810, México, Siglo XXI.
2. Guzmán Urbiola, Javier, 2003, La Gavia: Una hacienda en el centro de la historia, México, Promotora La Gavia.
3. Romano, Ruggiero, 2004. Mecanismo y elementos del sistema económico colonial americano, siglos XVI-XVIII, FCE, El Colegio de México, México.
4. Tanck de Estrada, Dorothy, 2005. Atlas ilustrado de los pueblos de indios: Nueva España, 1800 México, El Colegio de México; Zinacantepec, El Colegio Mexiquense.

Archivos históricos consultados

1. Archivo General de la Nación, México, Ramo Tierras, volúmenes 1556, 1802, 3596; Ramo Indiferente virreinal, caja 4349.
2. Archivo de la Notaría 1 de Toluca, México, 1585-1800.

УДК141.13

Роман Тамайо Серрано, Манола Сепульведа Гарса

**Иерархическая система обязанностей
и муниципальные хронисты.
Сантьяго Нуйоо, Тлахиако, Оахака, Мехико
(2006-2014)**

Данная статья сфокусирована на описании и анализе иерархической системы обязанностей, существующей в Сантьяго Нуйоо, штате Оахака. Эта организационная форма представляет собой один из многих вариантов системы поручений или системы управления, основанной на традициях и привычках. Предлагаемая схема призвана объяснить влияние местных органов власти на общественную жизнь и, в частности, отмечает роль муниципальных хронистов в политико-административной системе, связанной с сохранением культурного наследия.

Ключевые слова. Традиционное правление, гражданская власть, система поручений, муниципальные хронисты

Роман Тамайо Серрано – выпускник Национальной Школы Антропологии и Истории

Доктор антропологии Манола Сепульведа Гарса – профессор-исследователь Национальной Школы Антропологии и Истории, научный руководитель дипломной работы Романа Тамайо Серрано

UDC 141.13

Román Tamayo Serrano, Manola Sepúlveda Garza

**The hierarchical scale system
and the municipal writers,
Santiago Nuyoo, Tlaxiaco, Oaxaca, México
(2006-2014)**

This paper focuses in the description of the Santiago Nuyoo, Oaxaca "hierarchical scale system" (sistema escalafonario). This traditional organization form represents one of the multiples "cargo system", all of them government systems, based on traditional customs. The "municipal writers" (cronistas municipales) are treated as a new role in the political and administrative system; It's also analyzed the influence of this role in the cultural heritage safeguarding.

Keywords. Traditional governments, civil authorities, cargo system, municipal writers

Roman Tamayo Serrano is Graduate in Antropology of National School of Anthropology and History

Doctor in Antropology Manola Sepúlveda Garza is the researcher-professor of National School of Anthropology and History, adviser of the thesis of Román Tamayo Serrano

CDU141.13

Román Tamayo Serrano y Manola Sepúlveda Garza

**El sistema escalafonario
y los cronistas municipales,
Santiago Nuyoo, Tlaxiaco, Oaxaca, México
(2006-2014)**

El trabajo se centra en la descripción y análisis del *sistema escalafonario* existente en Santiago Nuyoo, Oaxaca. Esta forma organizativa representa una de las múltiples variantes del *sistema de cargos*, o sistema de gobierno basado en usos y costumbres. Ofrecemos un esquema para explicar los roles que integran a las autoridades locales y sus principales cambios. Tratamos a los *cronistas municipales* como un nuevo rol en el sistema político administrativo y analizamos su influencia en la salvaguardia del patrimonio cultural.

Palabras claves: gobiernos tradicionales, autoridades civiles, sistemas de cargos, cronistas municipales.

Román Tamayo Serrano es Licenciado en Antropología de la Escuela Nacional de la Antropología e Historia

Doctora en Antropología Manola Sepúlveda Garza es Profesora-Investigadora de la Escuela Nacional de Antropología e Historia, asesora de tesis de Román Tamayo Serrano

Introducción

La mixteca alta oaxaqueña que conocemos hoy es día es producto de múltiples cambios ocurridos a lo largo de su historia. De manera general puedo señalar que los municipios de la región comparten un pasado prehispánico; la colonización española (siglo XVI a principios del XIX) en la que sobresale un proyecto específico para los pueblos nativos (República de Indios) acompañado de la evangelización católica con la cual se instauró diversas instituciones para el ejercicio del culto, la producción y la gobernabilidad local. En el siglo XIX, el gobierno nacional emitió una serie de leyes encaminadas a la privatización de las tierras, sin embargo, en el caso estudiado no tuvieron mayores efectos, pues aunque existían títulos de propiedad privada (1890) la mayor parte del territorio permaneció como propiedad comunal y con la organización de antaño.

En la Revolución de 1910 los indígenas se sumaron al movimiento armado buscando la restitución de sus tierras. En 1923 el gobierno de la posrevolución les reconoció como municipio y con la reforma agraria lograron el reconocimiento de buena parte de la superficie que habían tenido desde los títulos otorgados por la Corona Española. Este proceso implicó una serie de conflictos con los poblados vecinos para delimitar los territorios de cada uno de ellos (Monaghan, 1999: 268). Finalmente, el 21 de abril de 1948

el gobierno les restituyó las tierras en forma de Bienes Comunales (4397 has) a 1071 jefes de hogar y organizó centros de alfabetización (6).

Con la confirmación del municipio y la restitución de Bienes Comunales, se redefinieron las autoridades del Ayuntamiento, se formaron las que regirían la problemática de las tierras y se respetaron las referidas al templo católico. Las primeras hasta 1983, se constituían por: presidente, secretario, tesorero, regidor y síndico; las segundas por el Comisariado de Bienes Comales (presidente, secretario y tesoro-ro) y el Comité de Vigilancia (presidente, secretario y vocal); y las terceras se componen por los ayudantes de la iglesia (catequistas) y por los encargados de festejar al santo (mayordomías). En las primeras décadas del S. XX las autoridades eran nombradas por los *Tata mandones* (hombres que mandan) quienes eran mayores de edad y desde su infancia habían cumplido con las exigencias del *sistema de cargos*. Pero a partir de la restitución de tierras (1948), las autoridades civiles unidas a los centros de alfabetización representaban el vínculo de estos pueblos con el Estado Nacional.

Con la restitución de las tierras, las escuelas y en los años cincuenta la expansión del cultivo del café, se formaron los *caciques agrarios*, quienes facilitaron el vínculo de los indígenas con el gobierno federal ya que eran bilingües (hablaban

VECTOR POLÍTICO-L № 2 2015

PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

español y mixteco). Sin embargo, hacia el interior funcionaron como "capataces del colectivo." En los años sesenta y setenta, con las políticas gubernamentales de apoyo al campesinado (encabezaba el Instituto Nacional Indigenista) surgió una generación de maestros (*promotores culturales bilingües*) que lucharon contra el cacicazgo, ocuparon los cargos de mayor jerarquía (presidente municipal y presidente de Bienes Comunales) y encaminaron a la sociedad local hacia la "modernización" (apertura de caminos, escuelas primarias, agua potable, clínica de salud, entre otros).

Durante los años ochenta se transformaron los esquemas organizativos a nivel del ayuntamiento y desde ese entonces hasta nuestros días, se han presentado cambios que replantean el *sistema de cargos*. Este trabajo se enfoca a analizar el esquema organizativo que rige la sociedad nuyoteca actual y da un especial énfasis a los cronistas municipales que se formaron en el año 2006 y que su presencia ha contribuido al rescate de la identidad local y del patrimonio cultural.

Las preguntas iniciales de esta investigación fueron: 1) cómo han incidido los proyectos gubernamentales de los años setenta a la fecha, la migración acentuada a partir de los años noventa, la expansión del mercado de bienes y servicios, y las telecomunicaciones en la población de Nuyoo y en su sistema organizativo. 2) ¿Acaso la cultura también se ha convertido

en un recurso que ha sido empleado por las autoridades locales y los cronistas municipales para formular proyectos que tengan incidencia en ámbitos económicos, políticos y organizativos? Para poder resolver mis interrogantes realicé siete estancias de campo entre el 2010 y el 2014; me apoyé en material estadístico obtenido del Inegi, Sedesol y el Imss; y me di a la tarea de construir un marco teórico que ayudara al análisis de los datos.

Hay dos ejes conductores en este trabajo: el papel de los maestros en la historia de los pueblos mixtecos durante el siglo XX como intermediarios entre la sociedad local, el Estado y el mercado, y su sincretización con las estructuras locales; y el quehacer actual de los cronistas municipales que más allá de concretar una política de rescate cultural (ahora de "moda") logra incidir en la estructura político administrativa y se asemejan a lo que alguna vez fueron los *Tata mandonés*.

Características generales

Santiago Nuyoo se ubica en el distrito de Tlaxiaco y pertenece a la región de la mixteca alta del estado de Oaxaca. Tiene una extensión de 5827.7 hectáreas (58.277 km²) (8). Colinda al norte con los municipios de Santa María Yucuhiti, Santo Tomás Ocotepec y San Esteban Atlatlahuca; al este con San Esteban Atlatlahuca, Santa Catarina Yosonotú y Santa Lucía Monteverde; al sur con Santa Lucía Monteverde; al oeste con Santa María Yucuhiti y San Pedro Yosotatú (4). El municipio se

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

integra por seis agencias municipales: San José Yucunino de Guerrero, Yucubey de Cuitláhuac, Loma Bonita de Juárez, Tierra Azul, Plan de Zaragoza y Unión y Progreso, y alrededor de 30 parajes o pequeños caseríos. A estas se le suma la cabecera municipal, mejor conocida como Centro.

El municipio forma parte de la Sierra Madre del Sur y su temperatura oscila entre 12 y 20° C, dependiendo de la agencia. Yucunino de Guerrero, por ejemplo, está en la parte alta (2720 msnm), es la zona más fría y su temperatura es de 12 a 14°C; mientras que Tierra Azul está en la parte baja (1550 msnm) y su temperatura varía de 20 a 22°C (2). Los climas hacen de Nuyoo un lugar privilegiado para la producción. Sin embargo, el suelo accidentado frena dicha posibilidad. La principal actividad económica en las partes bajas es la producción de café orgánico. La introducción de este cultivo data del siglo XIX, sin embargo, se extendió en los años cincuenta del siglo XX (Monaghan, 1999: 264). Además, se produce el plátano "de bolsa" tanto para consumo como para la venta. Las familias trabajan la milpa (combinación de maíz, frijol y calabaza) en las zonas cálidas, mientras que en las más frías se siembra la papa y el haba. La producción de animales domésticos es nula, solamente en Plan de Zaragoza, que tiene superficies planas, se pueden observar algunas cabras, borregos y bueyes.

Según el censo del 2010 la población de Nuyoo era de 1966 habitantes: 926 hombres y 1040 mujeres, distribuidos en 484 familias y 529 hogares, el 60% habla mixteco (7). La cabecera municipal es donde se encuentra el mayor número de habitantes (20.4 %) y hay más y mejor calidad en los servicios (teléfono, Internet, banco, escuelas, servicios de salud, etc.). Esto es reflejo de la polaridad social que existe en la distribución de recursos y servicios: tienden a concentrarse en la cabecera municipal y se van diluyendo en los poblados.

Las agencias en su conjunto concentran el 54.1 % de los habitantes y los parajes el 25.5 %. El que el 75 % de toda la población viva en caseríos dispersos es reflejo de las actividades agrícolas. Los que viven en el Centro es, en buena parte, porque tienen o han tenido un cargo de representación, o porque sus familias residían en el lugar desde antes de la dotación de tierras.

La entrada de la carretera en los años setenta dio pie a que los nuyootecos tuvieran mayor contacto con los grandes centros comerciales como Putla Villa de Guerrero y Tlaxiaco, también facilitó la entrada del mercado de servicios a la zona e influyó en el cambio de los hábitos de consumo de la población. De los años setenta a la actualidad, Nuyoo pasó de ser una sociedad "tradicional" en la que todavía se practicaba el trueque a una sociedad monetarizada y dependiente de la comerciali-

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

zación del café, del mercado laboral externo y de los servicios.

La migración es un fenómeno que tuvo mayor auge en la década de los noventa, los migrantes son hombres jóvenes, aunque cada vez más se presenta la salida de familias completas que viajan hacia Tlaxiaco, la Ciudad de México, Baja California, Tijuana y EUA (1: E1). El fenómeno migratorio también ha incidido en la forma de vida y en el sistema organizativo: los migrantes dejan un vacío, pues cada vez son menos los jóvenes que siguen la escala de ascenso, lo cual ha llevado a la asamblea a reorganizar la normatividad del sistema.

El sistema escalafonario

Santiago Nuyoo se organiza tanto en un sistema de usos y costumbres establecido desde la época Colonial, como en un sistema constitucional que fue introducido por el gobierno desde que Nuyoo se fundó como municipio en 1825 (Inegi, 1997:188), y ratificó en 1923 en que el gobierno posrevolucionario confirmó a Nuyoo como municipio y luego cuando el gobierno restituyó la tierra en forma de Bienes Comunes. Con lo dicho hasta ahora podemos decir que el sistema organizativo de Nuyoo es dinámico y ha cambiado según las exigencias del Estado.

El sistema escalafonario se integra por tres instancias organizativas: el ayuntamiento, Bienes Comunes y el templo católico, que están bajo el mando de la asamblea general

de comuneros. Esta última se integra por todos los comuneros reconocidos por el "censo general de comuneros" y entre sus tareas debe seleccionar a nuyootecos para integrar los roles de las autoridades locales. Los criterios utilizados son: estado civil, antecedentes en el sistema, disponibilidad económica y grado de estudios.

Los roles que integran a las autoridades están dispuestos de manera jerárquica en una escala y son complementarios, por ejemplo, para ser presidente municipal se necesita haber sido mayordomo, presidente de Bienes Comunes, agente de policía (o Comandante), regidor y tesorero. Quienes completan la escala obtienen el reconocimiento de la población mediante el título de *mayor*, es decir, un estatus en el que el nuyooteco es considerado como sabio, pues al haber desempeñado los roles de mayor jerarquía acumuló un buen capital económico, social y cultural. Cuando una persona es *mayor*, la asamblea le delega roles de menor jerarquía o le ofrece la posibilidad de integrarse al cargo vitalicio de cronista municipal.

Para el estudio del sistema escalafonario en Nuyoo construí un esquema en el que se engloben los roles que integran a las autoridades locales. Para ello empleé los conceptos *cargopuesto*, *cargo*, *comisión* y *representantes* agrarios. De forma general puedo decir que los cargos son una institución regida por normas locales en la que los

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

individuos ofrecen un servicio gratuito de manera constante a la comunidad durante algún tiempo, y por ser un redistribuidor de recursos. Las tareas que implica están regidas por su grado de importancia y requieren del reconocimiento de la comunidad (Topete, 2010:296-297).

Los *cargos-puestos* son las autoridades que oscilan entre la normatividad local y la constitucional. Son *cargos* en la medida en que los representantes siguen las normas del sistema escalafonario: forjar una carrera en el sistema y son elegidos a través de una asamblea general; son *puestos* en la medida en que los representantes desempeñan sus tareas bajo la normatividad constitucional y perciben un salario.

Las *comisiones* son todas aquellas actividades que son delegadas por las autoridades locales y que, además, tienen un fin específico, el cual, no necesariamente tiene que beneficiar a toda la población. Una vez cumplidos los objetivos de una comisión, se desvanece y en raras ocasiones se vuelve a convocar (Topete, 2010:296-297). Finalmente, los *representes agrarios* son las autoridades que conforman el comisariado y el consejo de vigilancia de Bienes Comunales, vinculan a los nuyootecos con las instancias de gobierno federal (antes Delegación Agraria, luego Secretaría de la Reforma Agraria y Registro Agrario Nacional). Estas autoridades son elegidas en la *asamblea general de comuneros*, forman parte de la escala de

ascenso del sistema escalafonario, no perciben compensación económica y sus tareas se norman por leyes constitucionales y locales (*estatuto comunal*).

El actual sistema político-administrativo de Santiago Nuyoo se integra por: 1) las autoridades del ayuntamiento: presidente, síndico, tesorero, delegado, equipo de apoyo, comandante de policía y seis regidurías (obras, educación, hacienda, salud, ecología, mercado). Además, en cada una de las agencias hay un agente de policía, un secretario y un tesorero. También existen comités y los encargados del registro civil, del centro comunitario de aprendizaje, de la oficina de correos y del grupo de cultura; 2) las autoridades agrarias: comisariado de bienes comunales (presidente, secretario y tesorero) y el consejo de vigilancia (presidente, secretario primero y secretario segundo). Ambos con suplentes; 3) las autoridades eclesiósticas: encargados del templo (sacristanes, comité administrativo y catequistas) y cargos ceremoniales (mayordomías, cargadores y floristas).

El sistema escalafonario nuyooteco ha sufrido cambios en su estructura con el paso de tiempo. Actualmente asamblea ha creado estrategias para integrar a los migrantes, a los jóvenes y aquellos que profesan otra religión sin importar que hayan o no forjado una carrera en la escala de ascenso, sin embargo, exige que tengan estudios universitarios o una carrera técnica. La asamblea

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

también delega las mayordomías a aquellos que han quebrantado la ley, es una especie de "castigo" que evita que el delincuente llegue a prisión (1: E2). Con estas estrategias se pretende dar continuidad al sistema escalafonario, pero se tergiversa el sentido original de esta forma de organización que ahora ha estrechado sus vínculos con el Estado y en cierta forma con las exigencias del mercado. Con lo dicho hasta ahora puedo decir que las formas organizativas tradicionales de los pueblos indígenas continúan siendo funcionales en la medida en que no se contrapongan con los intereses del Estado.

Cronistas Municipales

El cargo vitalicio de cronista municipal se integra por gente mayor que fungió como *promotor cultural bilingüe* en los años setentas, han completado la escala de ascenso del sistema organizativo, tienen buen capital económico, social y académico, y están dispuestos a sacrificar buena parte de su tiempo y financiar los gastos que conlleva el cargo.

Las políticas gubernamentales que buscan reconocer la pluriculturalidad de los pueblos indígenas a través del rescate y preservación de tradiciones, objetos materiales, lugares de "gran belleza", la fabricación de artesanías y proyectos turísticos, se iniciaron en 1982 con la creación del Museo Nacional de Culturas Populares. Sin embargo, fue a principios del nuevo milenio cuando se dio un boom en la creación de proyectos

encaminados a salvaguardar el patrimonio cultural debido a las nuevas políticas establecidas por la Unesco.

En este contexto, los cronistas surgieron (2006) para rescatar la historia y reforzar las tradiciones locales. La disminución y pérdida de éstas se intensificó con las políticas gubernamentales de los años sesenta y setenta que buscaban integrar a los pueblos indígenas a la cultura nacional a través de la educación; las oleadas migratorias de las últimas décadas; la mayor presencia de leyes más acordes al sistema normativo constitucional; y sobre todo como respuesta a las políticas gubernamentales de rescate cultural impulsadas en el nuevo milenio.

Los temas que el grupo de cronistas trabaja están orientados a conocer la historia antigua, en especial lo referente al origen, no sólo la fecha en que se formó el municipio, sino la fundación del poblado que debe situarse en la época Colonial. Esta fecha resulta importante, sobre todo para defender la superficie territorial, reforzar la identidad del grupo, cumplir con las exigencias de las políticas del Estado entorno a la salvaguarda del patrimonio cultural y con ello generar proyectos culturales.

La idea de ver a la cultura como un recurso valioso que está en constante pugna me hizo darme cuenta que el trabajo de los cronistas conlleva intereses (Yúdice, 2002:16). En específico los de las autoridades del Ayuntamiento, quienes emplean los materiales generados por los

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015

PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

cronistas para crear discursos encaminados a construir una idea de los que es la cultura nuyooteca a través de capsulas de video y artículos en internet. Para legitimizar esos discursos, las autoridades del Ayuntamiento han generado proyectos como el museo comunitario, la creación del grupo de cultura integrado por jóvenes, la gestión de un proyecto turístico, la enseñanza de la lengua mixteca y los conocimientos generados por los cronistas en las escuelas locales.

Así, tras ocho años de trabajo, el grupo de cronistas se ha convertido en una fuente de información "confiable" en cuanto a temas históricos. Además, se han ganado un estatus superior al otorgado a los *mayores*, han legitimado su rol y son considerados por la población como intelectuales, embajadores e intermediarios entre los intereses de la población y los del Estado, ya que trabajan con la cultura local, la investigan y generan conocimientos, los cuales han tenido incidencia en la identidad de los locales, en especial en la de los niños y jóvenes que han retomado tradiciones (lengua, danzas, vestimenta, gastronomías, entre otros). Además, la creación de un *cargo vitalicio* ocasionó que se re-*jerarquizara* la escala de ascenso del sistema, pues ahora el *cargo* de cronistas es superior al de *mayor*.

Una de las críticas hacia el grupo de cronistas es que no se colocan como partícipes de la historia, consideran que lo que han vivido es irrelevante, pues le

dan importancia a hechos históricos que tienen más de cien años. A esto se le debe sumar que su trabajo se centra únicamente en Nuyoo, no buscan vínculos con la historia de otros municipios, lo cual crea una ficción de que cada municipio es autónomo y no tienen relación con los otros. Y esto no es necesariamente verdad, pues aunque existen divisiones territoriales implementadas con la reforma agraria, los mixtecos de la región tienen etapas históricas y vínculos culturales en común.

Conclusiones

Santiago Nuyoo es un municipio en el que conviven aspectos "*tradicionales*" y "*modernos*". En lo que se refiere a las actividades económicas, se centra en la producción de la milpa (maíz, frijol y calabaza), el cultivo del plátano y el café. Este último ha sido el cultivo dominante que le da sustento económico a la población.

Para poder entender cómo es el municipio en la actualidad y su organización, es necesario echar un vistazo al pasado. A grandes rasgos podemos señalar que con la incorporación masiva de la lengua hispana (a través de los centros escolares y los medios masivos de comunicación), la entrada del mercado de servicios, la implementación de las normas de organización político-administrativas más acordes con los principios constitucionales que rigen al Estado, y las oleadas migratorias acentuadas desde los años noventa (que continúan hasta nuestros días) han transformado

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

la ruralidad de Nuyoo. En este proceso las tradiciones y la organización socio-política también han cambiado, además, el foco productivo y de empleo que antes existía en la zona se ha desplazado a lugares lejanos.

Los profesores han jugado un papel fundamental en la historia y en la organización de Santiago Nuyoo, a veces como héroes y otras como villanos. Sus tareas no sólo se han orientado a la educación, sino que se han vinculado con el sistema escalafonario y han incidido en su estructura al ocupar los roles de mayor jerarquía y fungir como intermediarios entre la sociedad nuyooteca, el Estado y en los últimos tiempos el mercado.

El cargo vitalicio de cronista municipal es, en buena parte, producto de las nuevas políticas gubernamentales que buscan el rescate del patrimonio cultural y de la necesidad de conocer la historia local como una forma de reforzar la identidad. El quehacer

de los cronistas se enmarca en las políticas de salvaguardia propuestas por la Unesco, pero va más allá, pues logran incidir en la estructura político administrativa con la creación de proyectos que tienen incidencia en la identidad local, el medio geográfico, el sistema escalafonario y la economía.

La creación del cargo vitalicio de cronista municipal resulta interesante porque hizo que se rejerarquizara la escala de ascenso. Además, nos muestra las semejanzas que existen entre los cronistas y los *Tata mandones*, pues ambos se consideran intelectuales locales e intermediarios. Sin embargo, los primeros ya no participan activamente en las asambleas generales y su palabra no tiene tanto peso como la que tuvo la de los *Tata mandones*, aunque si tienen un cargo reconocido dentro del organigrama del Ayuntamiento.

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Bibliografía

1. Entrevistas: E1 Magdalena López (esposa del Cronista Timoteo García) y Rangel García, migrante, Centro, 2011; E2 Mario Bautista, Ex Síndico Municipal (2008-2010), Centro, 2012.
2. Finanzas de Oaxaca (2010), "Plan municipal de desarrollo, Santiago Nuyoo, 2010-2013" [En línea], disponible En: http://www.finanzasoaxaca.gob.mx/pdf/inversion_publica/pmds/0810/481.pdf, [Accesado el día 24 de junio del 2011]
3. Inegi (1997), "División territorial del Estado de Oaxaca de 1810 a 1995, Tomo I", Inegi, México.
4. Inegi (2014), "Prontuario de información geográfica municipal de los Estados Unidos Mexicanos, Santiago Nuyoo, Oaxaca, Clave geoestadística 20481" [En Línea], disponible en: <http://www3.inegi.org.mx/sistemas/mexicocifras/datos-geograficos/20/20481.pdf> [Accesado el día 11 de febrero del 2015]
5. Monaghan, John. (1999), *The covenants with earth and rain: exchange, sacrifice, and revelation in Mixtec society*, University of Oklahoma press, Oklahoma, USA, pp. 268.
6. Ran, "Santiago Nuyoo" [en línea], disponible en: <http://phina.ran.gob.mx/phina2/Sessiones>, consultado el 6 de octubre del 2015.
7. Sedesol (2014), "Catalogo de localidades" [En Línea], disponible En: <http://www.microrregiones.gob.mx/catloc/LocdeMun.aspx?tipo=clave&campo=loc&ent=20&mun=481> [Accesado el 18 de febrero del 2015]
8. Sedesol, "Unidad de Microrregiones, Cédulas de Información Municipal (SCIM)" [en línea], disponible en: <http://www.microrregiones.gob.mx/zap/datGenerales.aspx?entra=zap&ent=20&mun=481>, consultado el 2 de octubre del 2015.
9. Topete, Hilario. (2010), 'Los lugares comunes y los vacíos en los estudios sobre los sistemas de cargos religiosos', *Argumentos*, vol.23, no. 62, enero-abril, México.
10. Yúdice, George. (2002), *El recurso de la cultura. Uso de la cultura en la era global*, Gedisa, España.

УДК141.13

Фернандо Диас Ортега, Монсеррат Паулина Годой Понтонес

Конфликт власти в электоральном процессе в муниципиях Мехикалцинго и Чапультепек

Настоящая статья представляет собой сравнительный анализ двух локальных образований -Мехикалцинго и Чапультепек, которые отделились от административного подчинения Калимайя, и это отделения было соответственно вызвано двумя политическими сообществами, но если во втором случае последнее было гетерогенным в силу своей поляризации, то в первом случае это сообщество оказалось политически гомогенным.

Ключевые слова: Чапультепек, Мехикалцинго, электоральный процесс, политическое сообщество, отделение

Монсеррат Паулины Годой Понтонес – выпускница Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

Доктор Гуманитарных наук Фернандо Диас Ортега – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико, научный руководитель дипломной работы Монсеррат Паулины Годой Понтонес

UDC 141.13

Fernando Díaz Ortega, Montserrat Paulina Godoy Pontones

Power struggles in the election process in the municipalities of Mexicalzingo and Chapultepec

This article is a comparison of two localities, and Mexicalzingo Chapultepec, which achieved its separation from the municipality of Calimaya. The segregation of these locations was driven by their respective political communities, but in the case of Chapultepec political community is considered heterogeneous because the political community was divided For Mexicalzingo is a homogeneous political community.

Keywords. Chapultepec, Mexicalzingo, election process, political community, separation

Montserrat Paulina Godoy Pontones is Graduate in History of Humanitarian Faculty of the Autonomous University of Mexican State.

Doctor in Humanities Fernando Díaz Ortega is Professor-researcher of the Humanitarian Faculty of the Autonomous University of Mexican State, adviser of the thesis of Montserrat Paulina Godoy Pontones

CDU 141.13

Fernando Díaz Ortega y Montserrat Paulina Godoy Pontones

Conflictos de poder en el proceso de elección de los municipios de Mexicalzingo y Chapultepec (1868-869)

El presente artículo es una comparación de dos localidades, Chapultepec y Mexicalzingo, que lograron su separación del ayuntamiento de Calimaya. La segregación de estas localidades fue impulsada por sus respectivas comunidades políticas, pero en el caso de Chapultepec su comunidad política es considerada heterogénea porque la comunidad política se encontraba dividida. En el caso de Mexicalzingo es una comunidad política homogénea.

Palabras-claves. Chapultepec, Mexicalzingo, proceso electoral, comunidad política, separación

Montserrat Paulina Godoy Pontones es Licenciada en Historia de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Doctor en Humanidades. Fernando Díaz Ortega es Profesor-Investigador de la Facultad de Humanidades, de la Universidad Autónoma del Estado de México, Director de la tesis de Montserrat Paulina Godoy Pontones

El objetivo principal de este trabajo consiste en comparar los conflictos de poder que tuvieron lugar en torno a las erecciones, ambas en 1869, de los municipios de Chapultepec y Mexicalzingo, quienes pertenecieron al municipio de Calimaya a partir del primer decreto que se expidió para organizar a los ayuntamientos en el Estado de México, (Salinas, 1996; 37) y que en 1869 lograron su separación definitiva de éste, al mismo tiempo.

Estas localidades comparten las siguientes cuatro características; la primera, buscaron ser cabecera; la segunda, es que fueron localidades sujetas siempre de Calimaya; la tercera, cuando fueron localidades sujetas de Calimaya eran consideradas importantes dentro del territorio de ésta; la cuarta, fueron cabecera. (García, 1999; 438) (Loera, 2006; 46). Son cuatro los intentos de segregación que se tiene registrados: el primero, en 1650, las localidades de San Miguel Chapultepec, La Concepción [Coatipac] y San Antonio [Otompan] establecieron un litigio para poder conformarse como ayuntamiento; el segundo intento, en 1645, en el cual el registro es que fueron ayuntamientos por separado, San Miguel Chapultepec, San Antonio [Otompan], San Andrés [Ocotlán] y Santa María Concepción [Atipac]; el tercero, 1701, San Mateo Mexicalzingo, Sta. María Nativitas Tarimoro, San Andrés Ocotlán, La Concepción [Coatipac] y Sta. María, se les otorgó licencia para hacer

elecciones de gobernador y oficiales; el cuarto, en 1743, le concedió a Mexicalzingo separarse de Calimaya para conformarse como ayuntamiento (García, 1999; 469,470); en 1849, Santa María Nativitas, San Miguel Chapultepec, San Lorenzo Cuautenco y San Mateo Mexicalzingo, buscaron formar un nuevo municipio, a partir de una asamblea para conformar la cabecera en Mexicalzingo (Salinas, 1996; 39).

El primer momento en el que Chapultepec y Mexicalzingo fueron localidades sujetas a Calimaya fue en 1560 por las "Ordenanzas de Congregación, dictadas por el Virrey Luis de Velasco" en donde se les ordenó que debían reconocer a un solo gobernador y su territorio pertenecería a Calimaya (Loera, 2006; 48-50), el segundo momento fue cuando se les ordenó a Ocotlán y Mexicalzingo congregarse en Chapultepec.

Los procesos de erección de los municipios de Chapultepec y de Mexicalzingo tuvieron un desarrollo distinto en 1869: en el primer caso la segregación fue impulsada por la oligarquía del lugar en contra de los intereses de la mayoría indígena de los vecinos, mientras en el segundo caso el protagonista principal fue el conjunto de los vecinos que expresaba su interés común a través de asambleas. En el primer caso también se celebraron asambleas, pero éstas no siempre representaron los mismos intereses.

Los actores involucrados en el objeto de estudio se agruparon, de acuerdo con sus ámbitos de influencia político-territorial, en

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

cinco grupos. El primer grupo es de carácter estatal y está integrado por el Gobernador y el Congreso del Estado de México, que eran los encargados de aprobar las erecciones de nuevos municipios. El segundo grupo, ubicado entre el estatal y el municipal, se compone, principalmente, del jefe político, del Distrito de Tenango del Valle demarcación a la que pertenecían las unidades municipales involucradas en este estudio. El tercer grupo corresponde al ámbito municipal y está compuesto por los ayuntamientos y los distintos cargos que integran estas autoridades colegiadas: alcalde, regidor y síndico. El cuarto grupo es el intramunicipal, conformado por los actores de los pueblos de Chapultepec y Mexicalzingo: alcaldes auxiliares, la comunidad política de Mexicalzingo, básicamente indígena, y comunidad política de Chapultepec, esta última dividida entre la oligarquía criollo-mestiza, que concentraba el poder político y económico de la localidad, y los indígenas. Estos actores intramunicipales no siempre manifiestan los mismos intereses en cuanto a la segregación de los dos nuevos municipios.

La comunidad política de ambos casos, Chapultepec y Mexicalzingo, para cuál es homogénea y cuál es heterogénea, no se puede categorizarla a partir de razón económica de los asistentes, si no por su participación en las asambleas realizadas. En Chapultepec la comunidad

política heterogénea, se dividió en dos grupos por su tendencia a favor y en contra de la segregación. En Mexicalzingo la comunidad política es homogénea por mantener un interés en común.

Las localidades mencionadas, mantuvieron una estrategia que fue la realización de las asambleas para legitimar las posturas (a favor y en contra) en este proceso, como forma de presión hacia autoridades superiores (al gobernador y al congreso) y como forma de legitimar al interior su postura. El hecho de que se hagan las asambleas es porque hay una tradición de organización política entre la base (indígenas). El propio hecho de que la oligarquía de Chapultepec hiciera una asamblea fue con el propósito de justificar las intenciones. Las comunidades políticas de Mexicalzingo y Chapultepec fueron actores activos en la segregación de sus localidades, el conflicto entre las localidades se puede ver de tres formas; Calimaya-Mexicalzingo, Calimaya-Chapultepec y Chapultepec-Mexicalzingo. Por otro lado, la comunidad política de Chapultepec en las asambleas (siempre pacíficas y legales) que se llevaron a cabo la separación de los dos pueblos.

La principal conclusión acerca de la asamblea celebrada en Chapultepec en 1868 es que la localidad de Chapultepec pretendió convertirse en cabecera de un municipio que abarcara cinco pueblos —La Concepción, San Bartolo, San

VECTOR POLÍTICO-L N.º 2 2015

PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Andrés y Mexicalzingo, además de Chapultepec—, así como cinco ranchos —San Cristóbal, La Madre de Dios, Mesón, Ateneo y Arancenal—; pese a contar únicamente con apoyo en un pueblo —La Concepción— y dos ranchos: San Cristóbal y Puerta del Cercado de Atinco (que quizá sea el mismo Ateneo mencionado antes). De las seis asambleas celebradas en 1869 se derivan tres conjuntos de conclusiones en relación con el proceso de segregación de la localidad de Chapultepec que culminara con el decreto de 7 de octubre de 1869. En primer lugar, las pretensiones de la extensión del nuevo municipio, que en 1868 involucraban 10 localidades, se redujeron, en la primera asamblea celebrada en 1869, a la cabecera y La Concepción, si bien al final del proceso el municipio de Chapultepec terminó por incluir sólo a la primera.

En segundo lugar, la comunidad política de la localidad de Chapultepec se dividió en dos grupos que, además de tener características étnicas y socioeconómicas dispares, discrepaban en torno a la pertinencia de que Chapultepec se separara de Calimaya y se manifestaron a través de asambleas diferenciadas tanto por sus asistentes como por los objetivos y argumentos que en ellas se emplearon. El primero era minoritario, estaba dirigido por criollos y mestizos con un poder adquisitivo relativamente alto, y se expresó a través de tres asambleas —una celebrada en 1868 y las otras

dos al año siguiente— donde evidenció su deseo de crear un nuevo municipio que tuviera como cabecera el pueblo de Chapultepec. El segundo grupo era mayoritario, estaba integrado y dirigido por indígenas con poder adquisitivo bajo, y se manifestó a través de cuatro asambleas, donde expusieron su desacuerdo con la segregación al pretender que implicaría perder sus tierras y que tendrían que hacerse cargo de los gastos que implicaría el mantenimiento del nuevo ayuntamiento.

El tercer conjunto de conclusiones, que se compone de tres, se refiere a cuestiones importantes para la conceptualización de las asambleas celebradas por la comunidad política de Chapultepec. La primera: en estas asambleas pudo participar la totalidad de los varones adultos de la localidad de Chapultepec, lo que indicaría que la extensión de dicha comunidad política debe catalogarse como de masculina universal homogénea, a diferencia de la establecida en la legislación estatal vigente en 1868-1869, que era masculina restringida interclasista heterogénea. Segunda: la erección del municipio de Chapultepec implicó el triunfo de la minoría, la expresada en el grupo criollo-mestizo, sobre la mayoría indígena que se oponía a tal separación, lo que contraviene un principio fundamental de la democracia en el sentido de que las decisiones dependen de la voluntad de la mayoría. Tercera: la amplia participación señalada no debe obviar que hubo niveles

VECTOR POLÍTICO-I № 2 2015 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

muy dispares de participación, pues la mayoría de los asistentes participaron en una sola de las asambleas y sólo una pequeña minoría asistió a la totalidad de las asambleas de uno de los dos grupos.

Por otro lado, solo hay una conclusión respecto a la comunidad política de Mexicaltzingo, la cual celebró solo dos asambleas, la primera en 1868 en la cual la comunidad política resistió con éxito el intento de Chapultepec de anexarlo al nuevo municipio y hubiera sido gobernado por la élite criollo-mestiza. En la segunda, en 1869, decidieron promover su separación de Calimaya y formar un Ayuntamiento propio. Las asambleas en Mexicaltzingo se hicieron para legitimar las posturas por un lado como forma de presión hacia autoridades superiores (al

gobernador y al congreso) y por otro, como forma de legitimar al interior su postura.

Las asambleas de estas comunidades se diferencian por los intereses que tienen en común, mientras que en Chapultepec se celebraron 7 asambleas de una comunidad política dividida y la minoría ganó sobre la mayoría, en Mexicaltzingo solo dos asambleas se llevaron a cabo y los intereses en común permitieron lograr soluciones que beneficiaran a la comunidad en general.

La característica de las asambleas de Chapultepec y Mexicaltzingo es porque hay una tradición de organización política entre la base (indígenas) y se expresa en la pervivencia de tradiciones democráticas propias de los pueblos de indios novohispanos.

Bibliografía

1. Bobbio, Norberto y Nicola Matteucci (1986), *Diccionario de política: L-Z*, México, Siglo XXI, pp. 881-1751.
2. Bobbio, Norberto y Nicola Matteucci (1987), *Diccionario de política: A-J*, México, Siglo XXI, pp. 1-880.
3. Camacho Pichardo, Gloria (2011), "Los Ayuntamientos en el Estado de México. Intentos autonomistas de los pueblos durante la primera república federal (1824-1835)", en María del Carmen Salinas Sandoval, Diana Birrichiaga Gardida y Antonio Escobar Ohmstede (coords.), *Poder y gobierno local en México (1808-1857)*, Zinacantepec, Estado de México, El Colegio de Michoacán/ Universidad Autónoma del Estado de México, pp. 330-349.
4. Díaz Benítez, María Azucena y Diego Mendoza Depine (2009), *La erección del Municipio de Luvianos y su segregación de Tejupilco (1956-2005)*, Toluca, Estado de México, Universidad Autónoma del Estado de México.
5. García Castro, René (1999), *Indios, territorio y poder en la provincia Matlazincá. La negociación del espacio político de los pueblos otomianos, siglos XV-XVII*, Zinacantepec, Estado de México,

VECTOR POLÍTICO-L № 2 2015
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

6. García Castro, René (2011), "Auxiliares municipales y jueces conciliadores: dos mecanismos de control de los Ayuntamientos del Estado de México en la primera mitad del siglo XIX", en María del Carmen Salinas Sandoval, Diana Birrichiaga Gardida y Antonio Escobar Ohmstede (coords.), *Poder y gobierno local en México (1808-1857)*, Zinacantepec, Estado de México, El Colegio, pp. 303-327.

7. Cortes generales y extraordinarias de la Nación española (1812), *Constitución Política de la Monarquía Española*, http://cadiz2012.universia.es/pdf/doc_0007_cons_1812.pdf. Consultado el 19 de marzo de 2010.

8. LI Legislatura del Estado de México (LEM LI) (1993), *Ley Orgánica Municipal del Estado de México*, decreto número 164, 2 de marzo.

9. Libre y Soberano de México, en Reynaldo Robles Martínez (comp.), *Las constituciones del Estado de México y sus reformas 1824-2008*, Toluca, Instituto de Estudios Legislativos de la LVI Legislatura del Estado de México, 2008, pp. 342-481.

10. Loera Chávez y Peniche, Margarita y José Guadalupe Palacios Balbuena (2002), *Entre el Xinantécatl y el Chicnahuapan. Historia de "El llano de Mexicaltzingo"*, Toluca, México, Fundación Octavio Rangel Carmona, 189 pp.

11. Muciño Escamilla, Marxin Rebeca (2008), *Organización político-territorial de los pueblos de Calimaya. La consolidación de grupos de poder local 1820-1855*, Toluca, Estado de México, Universidad Autónoma del Estado de México, 162 pp.

12. Palacios Balbuena José Guadalupe (1998), *Mexicaltzingo: monografía municipal*, Toluca, México, Instituto Mexiquense de Cultura, 167 pp.

13. Salinas Sandoval, Ma. Del Carmen (1996), *Política y sociedad en los municipios del Estado de México (1825-1880)*, Zinacantepec, Estado de México, El Colegio Mexiquense, 340 pp.

14. Salinas Sandoval, Ma. del Carmen (1996), *Erección de municipalidades y municipios en el Valle de Toluca, siglos XIX*, en *Revista de la Universidad de México*, no. 541, 36-41 pp.

15. Salinas Sandoval, Ma. Del Carmen (2001), *Los municipios en la formación del Estado de México (1824-1846)*, Zinacantepec, Estado de México, El Colegio Mexiquense, 261 pp.

16. Loera, Margarita (2006), Una Historia de larga duración en el Valle de Toluca. La lucha por el origen étnico, la territorialidad y la autonomía política en Calimaya y sus pueblos sujetos, en *Historias*, enero-abril, no. 63, p.46.

Archivos

A. Archivo Histórico Municipal de Calimaya

B. Acervo Documental del Archivo Histórico Municipal de Mexicaltzingo

УДК 316.334.3:329

Саудабаев И.А., Русских Л.В.

Политическая активность: многовариантность интерпретации

Статья содержит анализ такого многогранного понятия, как «политическая активность». Рассмотрены определения данного понятия с точки зрения различных предметных областей – политической, социологической, психологической наук. Выявлен характер связи между такими категориями, как «политическое участие», «политическая деятельность», «электоральное поведение» и т.д. Указаны особенности данных понятий, их признаки и критерии, а также степень обобщенности.

Ключевые слова: политическая активность, политическое участие, электоральное поведение, политическая деятельность, политика

Саудабаев И.А. - студент Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология».

Русских Л.В., доцент кафедры социологии Южно-Уральского университета, кандидат культурологи, e-mail: ludmilaruss@mail.ru

UDC 316.334.3:329

Saudabaev I. A., Russkikh L. V.

Political activity: multivariance of interpretation

The article contains an analysis of this multifaceted concept, as "political activity". Examined the definition this notion from the point of view of different subject areas - political, sociological, psychological sciences. The character of the relationship between such categories as "political participation", "political activity", "voting behavior", etc. Indicated similarities and differences of these concepts, their attributes and criteria, as well as the degree of generalization.

Keywords: political activity, political participation, electoral behavior, political activism, policy

Saudabaev I. A. - a student of the South Ural State University.

Russkikh L. V. , docent of the sociology department, cultural the South-Ural state university, studies PhD, e-mail: ludmilaruss@mail.ru

Термин «политическая активность» как и любой другой трактуется учеными в различных ключах. Нельзя сказать, что на сегодняшний день существует общепринятое понятие данного явления. Да и потребность в его унифицированном определении отсутствует: каждая наука, будь то социология, политология или психология, акцентирует внимание на специфических аспектах этого явления, которые непосредственно лежат в её предметной области.

Кроме того, углубляясь в данный вопрос, мы можем видеть, что термин «политическая активность» тесно переплетается с такими понятиями, как «политическое участие», «политическое поведение», «политическая деятельность» и др. Причем в определенных случаях политическая активность интерпретируется в качестве составного элемента некоторых из этих категорий или, наоборот, как их организованное единство. Другие же явления имеют синонимичную смысловую связь с интересующим нас термином, т.к. различия в их значениях практически отсутствуют. Попробуем разобраться в характере связи между обозначенными понятиями.

Логично, что изначально определения вышеназванных терминов мы будем давать, исходя из категорий политической науки. В энциклопедическом словаре по политологии под редакцией Аверьянова Ю.И. понятие «политическая активность» раскрывается как

«деятельность социальных групп или индивидов, связанная со стремлением усовершенствовать или изменить социально-экономический и политический порядок, социально-экономические и политические институты» [1, с. 365].

Исходя из этого определения, становится очевидным, что, проявляя активность в сфере политики, индивид, прежде всего, осуществляет определенную деятельность: исполняет конкретные действия, целью которых является влияние на политические (социально-экономические) процессы и институты. С этой точки зрения политическая активность - специфическая, имеющая характерный политический («окрас») деятельность. Выражаясь терминологическим языком, мы характеризуем явление политической активности через понятие «политическая деятельность».

Последнюю категорию Т.С. Болховитина раскрывает следующим образом: «Политическая деятельность ... являет собой множество пересечений политических субъектов, в которых воспроизводятся отношения политической власти, реализуется участие различных сил в борьбе за право участвовать в осуществлении государственной власти, выражаются и защищаются интересы различных социально-политических групп, развиваются процессы объединения людей в политические организации» [2, с. 233].

Автор данной трактовки делает акцент на том, что полити-

ческая деятельность в первую очередь реализуется в сфере властных отношений, в институциональном поле государственных органов. Аналогичного мнения придерживается и Г.И. Козырев: «Политическая деятельность – это реализация политической стратегии и тактики, осуществляемая, прежде всего, институционализированными субъектами политики ... это деятельность политических профессионалов, исполняющих свои функциональные обязанности» [3, с. 199–200].

Таким образом, используя для описания явления политической активности термина «политическая деятельность», мы должны понимать, что эта категория по большей части характеризует активность, деятельность узкого круга политических субъектов (государственных органов, групп давления, политических партий и т.д.), включенных на профессиональной основе в политические процессы, протекающие в рамках институтов государственной власти. Но, стоит учитывать, что, исполняя «свои функциональные обязанности», профессиональные политические субъекты, так или иначе, вовлекают в лимитированную сферу политической деятельности и рядовых граждан: «...и непрофессиональных, и неинституционализированных участников из общей политической деятельности полностью исключить нельзя» [3, с. 200]. Болховитина Т.С., формулируя смысл понятия «политическая деятельность», определение которого приведено нами выше, также указывает на то, что в

ходе «пересечений политических субъектов» государственной власти запускаются интеграционные процессы, объединяющие обычных людей в политические организации.

Теперь проясним характер связи между понятиями «политическая активность» и «политическое участие». Зачастую активность в сфере политики раскрывается через последнюю категорию. Как правило, под политическим участием понимают «вовлеченность граждан в политический процесс, те или иные политические акции» [3, с. 200]. Для описания характера этой вовлеченности А. Марш, например, разрабатывает классификацию политического участия, типы которого располагает в порядке от «неактивного» до «активистского» и даже «протестного» [4, с. 371]. Очевидно, что в основу данной типизации положена степень активности политических субъектов. С этой точки зрения, политическая активность выступает мерой интенсивности политического участия; политическая активность – своего рода «термометр» со «шкалой» от абсентеизма до «гладиаторской активности», показывающий «градус» вовлеченности индивидов в политические процессы.

Стоит отметить опасность ситуации, когда большая часть общества пассивна и не осуществляет участие в политике. Абсентеизм способен вызвать застой политической системы, а, следовательно, и всего общества. Равнодушно относясь к политическим процессам,

граждане собственноручно превращают себя в «марионеток» власти. В частности, подобная ситуация характерна для России. Н.К. Форсова в своей работе приводит следующие детерминанты политической пассивности российского общества: «Большой проблемой ... является ситуация социальной аномии ... Для современной России еще характерно наличие устойчивых стереотипов массового политического сознания, сформированных тоталитарным режимом ... восприятие государственной власти либо как источника благ, либо как причину всех бед» [5, с. 75].

Абсентеизм также приводит и к более серьезным последствиям: пассивность граждан в сфере политики может резко перерасти в радикальные формы политического поведения.

В связи с этим отметим важный момент, который помогает учесть категория «политическое участие». Он касается вопроса разграничения законной и выходящей за рамки санкционированных форм политической активности и поведения индивидов: «Введение в научный оборот понятия «политическое участие» связано со стремлением развести конструктивные и деструктивные, легальные и нелегальные формы политического поведения» [6, с. 412]. Вдобавок к этому, по мнению Р.Т. Мухева, политическое участие – совокупность исключительно легальных форм проявления политической активности: «использование категории «политическое

участие» исключает протестные и незаконные формы политического поведения ... и ориентируется на описание только конвенциональных форм политической деятельности ...» [6, с. 412].

Аспект профессиональности/непрофессиональности политических субъектов, отмеченный нами ранее, обнаруживается и при рассмотрении понятия «политическое участие». Так, С. Верба и Г. Алмонд интерпретируют смысл данного понятия как «действия частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность» [7, с. 123]. Авторами дефиниции подчеркивается обывательский характер деятелей, осуществляющих участие в политике для оказания того или иного воздействия на власть, её институты и их формирование.

Таким образом, описывая активность индивидов в области политики с помощью категории «политическое участие», мы должны понимать, что данное понятие раскрывает активность, выраженную преимущественно в конвенциональных формах, вовлеченность в политические процессы таких политических субъектов, как обычные граждане, которые далеки от профессиональной политической деятельности.

Следующим пунктом наших рассуждений станет анализ не менее часто употребляемой категории «политическое поведение». Возникновение в середине XX века под влиянием американской психологии в политологии поведенческого подхода –

бихевиоризма – обусловило закрепление термина «политическое поведение»: «Категория политического поведения воспринята из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении наблюдаемого поведения, т.е. только тех его проявлений, которые регистрируются со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в сфере политики» [8, с. 439].

Налицо смешение предметных областей двух наук: психологии и политологии. Последняя обогатила свой понятийный аппарат, заимствовав у психологии категорию «поведение». Особенность этого теоретического обмена двух предметных областей заключается в том, что перед политологами открылись новые пути изучения политических процессов и политической активности. Учёт психологических особенностей, мотивационного и эмоционального компонентов конкретного индивида, откладывающих определенный отпечаток на его политических действиях, предоставил возможность ученым глубже изучить явление политической активности, охарактеризовать его с качественной точки зрения.

Кроме того, термин «политическое поведение» стал базовым и воспринимается политологами как стартовая точка отсчёта и интерпретации любой политической категории, будь то политическая активность или деятельность. Использование понятия «политическое поведение» тем более уместно, если

учесть, что указанные явления представляют собой совокупность наблюдаемых, реальных политических действий – поведенческих актов. Данный тезис подтверждает А. Ю. Мельвил: «Поведенческий подход акцентирует очень важный исходный пункт всякого восприятия и изучения политики, а именно: непосредственно наблюдаемое, т.е. именно здесь и сейчас, единство окружающей реальности и индивидуального опыта человека. Этим началом дело, естественно, не ограничивается. Однако без него сложные образования – ... универсальные категории (власть, право и т.п.) – рискуют быть упрощенными ...» [8, с. 434]. Сходного мнения придерживается и упомянутый нами ранее Р. Т. Мухаев: «Категория «политическое поведение» является наиболее общим, родовым понятием, описывающим деятельностные начала политической практики» [6, с. 411].

Далее автор, продолжая раскрывать смысл понятия, констатирует факт – в политологии понятие «политическое поведение» наиболее широко применяется при изучении активности избирателей: «Преобладающая интерпретация политического поведения относится к анализу поведения избирателей» [6, с. 413]. Поведение и политические предпочтения избирателей выражаются через категорию «электоральное поведение» – массовую, чаще остальных повторяющуюся и потому более явную, легче наблюдаемую форму политической активно-

сти индивидов и социальных групп. Это обстоятельство детерминирует узость, ограниченность интерпретации понятия «политическое поведение», когда вопрос касается выделения конкретных реальных воплощений данного явления. Поэтому зачастую, пользуясь при определении сущности термина «политическая активность» категорией «политическое поведение», специалисты сводят её значение к смыслу понятия «электоральное поведение», тем самым упуская из виду другие формы политического поведения, усекая многогранное содержание данного явления.

Но, тем не менее, категория «электоральное поведение» позволяет предметно взглянуть на политические процессы, в частности дает возможность проследить мотивационную составляющую голосования на выборах. По мнению Н.А. Трегубова, интенции индивидов, участвующих в избирательном процессе, классифицируются следующим образом: «... мотивы голосования за кандидата могут быть «периферийными» (нерациональными) или «центральными» (рациональными). В свою очередь, рациональные мотивы электорального выбора могут носить либо политический (голосование за образ будущего), либо персональный (голосование за личные качества) характер» [9, с. 68]. Таким образом, для описания политических действий субъектов используются критерии рациональности и характера их направленности либо на пред-

полагаемую желаемую ситуацию, или же на конкретную персону, что позволяет детально изучать явление политической активности.

Теперь выясним, существуют ли какие-либо особенности или отличия в интерпретации интересующих нас терминов, когда функцию истолкования возлагает на себя социологическая наука. В «Российской социологической энциклопедии» под ред. Г.В. Осипова политическое участие интерпретируется как «вовлечение членов социально-политической общности на индивидуальной или групповой основе в процесс политико-властных отношений внутри данной общности» [10, с. 591]. Становится ясно, что данная трактовка практически идентична указанной выше и отражает те же характерные моменты политического участия.

Иначе дело обстоит с «активностью политической». Интерпретация этого понятия отлична от политологической: «политическая активность – форма активности социальной, реализуемая в сфере политической деятельности» [10, с. 7]. Как упоминалось вначале – каждая наука, так сказать, смотрит со своей колокольни. И социология не исключение. Мы видим, что понятие как таковое не раскрывается, а интересующее нас явление лишь представляется как особая разновидность социальной активности; читатель отсылается к другому термину. Следовательно, все аспекты, свойственные социальной активности, присущи и ак-

тивности в сфере политики.

Согласно вышеназванному источнику, социальная активность характеризуется сознательностью, направленностью на решение «стоящих перед обществом, классом, социальной группой» [10, с. 7] задач в определенный момент времени.

Таким образом, обобщая эти две дефиниции, мы можем вывести собственную: «политическая активность» – это совокупность разнообразных форм специфической, сознательной деятельности человека, целью которой является разрешение конкретных задач и проблем, возникающих в сфере политической жизни перед индивидами, их коллективами, социальными группами и обществом в целом в рамках определенного временного отрезка.

Подводя итоги и заканчивая анализ понятий, мы приходим к следующему выводу: термин «политическая активность» интерпретируется достаточно широко; данное явление представляется многогранным и, чтобы

учесть его особенности, ученые прибегают к использованию смежных категорий («политическая деятельность», «политическое участие» и т.д.), которые помогают раскрыть те или иные аспекты, характерные черты политической активности.

Нельзя с полной уверенностью сказать о том, что какой-то один термин является доминирующим, наиболее общим, а другой зависимым, сугубо частным. Не существует иерархии описанных нами понятий, как и некого стандарта – эталонного определения. Трактовки подверженных анализу явлений разнообразны и имеют право на существование, не исключают друг друга. Все понятия сплетены воедино, взаимопроникаемы и отражают с разных точек зрения процессы взаимодействия политической сферы с обществом в целом и «пересечения» индивидов внутри данных систем. Но, несмотря на это, мы можем полагать, что компонента активности – это тот элемент, без которого трудно помыслить

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-I № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Библиографический список

1. Политология: энциклопедический словарь / под общ. ред. Ю.И. Аверьянова. – М., 1993. – 431 с.
2. Болховитина, Т.С. Политика, политическая деятельность, политическое участие: теоретические интерпретации // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – №7 (102). – с. 231–236.
3. Козырев, Г.И. Основы социологии и политологии: учебник. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 240 с.
4. Политология: Учебное пособие / под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с.
5. Форсова, Н.К. Проблемы формирования гражданского общества в современной России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014, т. 14, № 4. – с. 74–76.
6. Мухаев, Р.Т. Политология: учебник. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
7. Алмонд, Г.А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – с. 122–134.
8. Мельвиль, А.Ю. Категории политической науки. – М., 2002. – 656 с.
9. Трегубов, Н.А. Мотивация голосования студентов на муниципальных выборах: результаты социально-политического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014, т. 14, № 4. – с. 67–73.
10. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

УДК 316.819

Михалева А.А., Русских Л.В.

Кросс-культурные исследования

В статье рассмотрены цель международных и межрегиональных (кросс-культурных) исследований, концепции кросс-культурных исследований. Более подробно представлены концепции кросс-культурных исследований: парадигма «ценностных ориентаций трудовой деятельности» Г. Хофстеде, концептуальная схема «индивидуализм – коллективизм» Г. Триандиса, парадигма «основных ценностных ориентаций человека» С. Шварца, парадигма стереотипов гендерных черт характера Д. Бест и Дж. Уильямса, «семь современных дилемм» Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера, культурные дефиниции «Я-концепции» Г. Маркуса и С. Китаямы. В каждой концепции отмечена суть межкультурных различий.

Ключевые слова: межкультурные исследования, кросс-культурные исследования, ценностные ориентации человека, национальные различия, конструкты.

Михалева А.А. - студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология».

Русских Л.В., доцент кафедры социологии Южно-Уральского университета, кандидат культурологи, e-mail: ludmilaruss@mail.ru

UDC 316.819

Mikhaleva A.A., Russkikh L.V.

Cross-cultural studies

In the article the objective of the international and inter-regional (cross-cultural) research, the concept of cross-cultural research. A more detailed presentation of the concept of cross-cultural research: the paradigm of «value orientations of employment» Hofstede, a conceptual scheme «individualism - collectivism», Triandis, the paradigm of «basic value orientations of the person» S. Schwartz, the paradigm of gender stereotypes traits D. Best and J. Williams, «seven modern dilemmas» F. Trompenaars and C. Hampden-Turner, cultural definitions of «self-concept» G. Marcus. Every concept marked the essence of intercultural differences.

Keywords: cross-cultural research, cross-cultural research, value orientations of the person, national differences, constructs.

Mikhaleva A. A., a student of the South Ural State University.

Russkikh L. V. , docent of the sociology department, cultural the South-Ural state university, studies PhD, e-mail: ludmila-russ@mail.ru.

Неотъемлемым спутником глобализации является увеличение контактов между различными культурами, которые охватывают практически все сферы общественной жизни – от бытового уровня до профессионального сотрудничества. Для многонациональной России этот вопрос является более чем актуальным. Контакты между различными культурами являются частью повседневной реальности, которая волнует рядовых граждан не меньше, чем экономический кризис и другие актуальные проблемы, связанные с жизнью обычных людей. В этой связи кросс-культурные вопросы стали предметом теоретического анализа, как в России, так и за рубежом [4, с. 178].

Цель международных и межрегиональных (кросс-культурных) исследований заключается в выявлении общего и специфического в изучаемых социальных процессах и явлениях, которые зависят от особенностей социально-экономической природы, культуры, истории отдельной страны или особенностей условий и образа жизни населения разных регионов [5, с. 49].

Изучению этих проблем посвящены многие концепции кросс-культурных исследований, которые получили широкое развитие как самостоятельное научное направление в конце XX века. К числу таких концепций можно отнести парадигму «ценностные ориентации трудовой деятельности», предложенную Г. Хофстеде, концептуаль-

ную схему «индивидуализм–коллективизм», разработанную Г. Триандисом, парадигму «основные ценностные ориентации человека», предложенную С. Шварцем, парадигму «стереотипы гендерных черт характера», разработанную Д. Бест и Дж. Уильямсом, «семь современных дилемм», предложенную Ф. Тромпенаарсом и Ч. Хампден-Тернером, культурные дефиниции «Я-концепции» Г. Маркуса и С. Китаямы [2, с. 82].

По мнению Ф. Вивьера для современных кросс-культурных исследований характерен поиск конкретных переменных, которые являются причинами культурных различий.

Одними из современных методов кросс-культурного исследования считаются методы кросс-культурной психологии. Работая в данном направлении Дж. Берри, Й. Пуртинга, М. Сегалл, Д. Пазо так определяют кросс-культурную психологию: это метод изучения сходных черт и различий личностей, относящихся к различным культурным и этническим группам, метод изучения отношений между психологическими, социокультурными, экологическими и биологическими переменными, а также изменений указанных переменных.

Одной из проблем, которую изучают в рамках кросс-культурных исследований, является проблема перехода от теоретических моделей и определения критериев к процессу эмпирического наблюдения. Данная проблема объясняется неравноценностью концепций и критериев в

различных культурах [2, с. 82].

Один из способов решения указанной выше проблемы предложили М. Сегалл и соавторы. Американские ученые предлагают использовать при проведении кросс-культурных исследований два подхода: етiс- и етiс- подходы.

В рамках етiс-подхода ведется поиск универсальных и общих психологических законов, которые не зависят от культурной среды. В рамках етiс-подхода изучаются психологические характеристики поведения в условиях каждой национальной культуры. Более валидны етiс-обобщения получают при проведении параллельного етiс-исследования внутри национальной культуры и сопоставлении полученных результатов. Сближение результатов исследований позволяет формулировать етiс-закономерности изучаемых культур.

Данные преимущества подходов обуславливают тот факт, что за последние десятилетия специалисты в области кросс-культурных исследований чаще используют психологические характеристики культур с целью объяснить межнациональные культурные различия, которые влияют, например, на процессы управления. Разработаны параметры культурной изменчивости, например, «параметры Хофстеде», «конструкты Триандиса», и другие оценочные методики, влияющие на процессы социального воздействия.

Популярности кросс-культурным исследованиям во многом способствовал Г. Хофстеде,

который выделил параметры национальной культуры. В 70-х гг. XX столетия, изучая проблему влияния ценностных ориентаций служащих, Г. Хофстеде провёл крупномасштабное исследование в мультинациональной корпорации «Ай Би Эм», насчитывающей более 40 филиалов в разных странах мира. В результате исследования анализу были подвергнуты 117 тыс. протоколов, которые позволили выделить различия в системе национальных ценностей [2, с. 83].

Г. Хофстеде построил четырехфакторную модель национальных культурных различий. Автором выделены четыре многомерных конструкта, основанных на:

- индивидуализме-коллективизме;
- дистанции по отношению к власти;
- маскулинности-фемининности;
- избегании неопределенности [1, с. 78].

Характеризуя индивидуализм, Г. Хофстеде отмечает, что он встречается в тех обществах, где связь между личностями основана на свободе: «каждый смотрит за собой и своей семьей». В свою очередь, коллективизм свойственен обществам, в которых люди с рождения являются членами сильных, сплоченных групп, обеспечивающих в течение всей жизни защиту людям взамен их безоговорочной лояльности.

Степень индивидуализма-коллективизма влияет на те подходы, которые используются при разрешении конфлик-

тов, построении моделей поведения, в рамках разработки систем вознаграждения работников и других важных процессов социального поведения.

Рассматривая дистанцию по отношению к власти, Г. Хофстеде определяет ее как степень готовности людей допускать различия, возникающие при обладании властью и правами. Каждой стране свойственен свой индекс дистанции по отношению к власти, который, по мнению Г. Хофстеде, может варьироваться от 0 (страны с малой дистанцией) до 100 (страны с большой дистанцией) [1, с. 80].

Малая дистанция по отношению к власти свидетельствует о том, что в такой стране работникам не свойственна боязнь своего руководства, а руководителям не всегда свойственны авторитарность и покровительство. В такой ситуации работник выражает готовность подчиняться консультативному стилю при принятии решений, при котором руководитель использует консультирование со своим подчиненным при принятии решения. Страны, в которых дистанция по отношению к власти приближалась к максимальному значению, отличаются тем, что работник боится не согласиться со своим руководителем, а руководитель авторитарен и покровителствен.

Третий конструкт «маскулинность–фемининность» представляет собой степень самовосприятия мужчин и женщин в различных национальных культурах. Конструкт позволяет опре-

делить ту степень, при которой ценность самоутверждения, денег и имущества начинают превалировать в обществе над ценностью воспитания детей, качества жизни и человеческих качеств. Согласно результатам исследования Г. Хофстеде для служащих-мужчин большое значение имеют ценности первой группы, а для женщин более важными являются ценности второй группы. Расчет данного показателя свидетельствует о том, что страны, для которых характерен высокий уровень показателя, отличаются предпочтением независимого, индивидуального типа принятия решений, а не групповым. Кроме того, для таких стран характерна сильная мотивация достижения целей, требование большего напряжения и занятие более важного места работы в жизни людей.

С помощью четвертого конструкта «избегание неопределенности» Г. Хофстеде смог определить степень, при которой население готово допускать неопределенность в различных сферах общественной жизни. Индекс избегания неопределенности определяет стратегию участия работников в переменах. Высокий индекс свидетельствует о предпочтении демократического пути в рамках организационных изменений и активного вовлечения работника в рамках реализации организационных перемен.

Проводя аналогичные исследования на Дальнем Востоке, канадскому ученому М. Бонду удалось выделить пятый конструкт: долгосрочную и кратко-

срочную ориентацию в жизни. Это произошло во многом благодаря тому, что М. Бонд обладал «восточным», китайским типом мышления в отличие от Г. Хофстеде, которому был свойственен «западный» тип мышления.

Углубленное изучение проблемы кросс-культурных исследований на примере индивидуализма–коллективизма провел Г. Триандис. Индивидуализм Г. Триандис связывает с такими характеристиками, как соперничество, уверенность в своих силах, эмоциональная дистанция, отчужденность от других членов группы. В свою очередь, для коллективизма характерны целостность групп, рассматривающихся как одна семья, небольшая дистанция среди членов группы, высокий уровень коммуникабельности и взаимозависимости.

Г. Триандис ввел понятие горизонтальных и вертикальных характеристик индивидуализма и коллективизма. Комбинации таких характеристик дают четыре типа национальной культуры:

- горизонтальный индивидуализм (например, Швеция);
- вертикальный индивидуализм (например, Франция);
- горизонтальный коллективизм (например, культура израильского киббуца);
- вертикальный коллективизм (например, российская культура) [6, с. 183].

Горизонтальные и вертикальные характеристики индивидуализма и коллективизма Триандиса связаны с конструктами Хофстеде. Отличием является то, что Г. Триандис делает акцент

на отсутствии противоположности индивидуализма и коллективизма.

Г. Триандисом введено понятие «культурного синдрома», под которым он понимает общепринятую систему убеждений, установок, Я-определения, нормы, роли и ценности, объединенные в рамках одной темы. Выделяются три вида синдрома:

1) сложность–простота – противопоставление информационного общества элементарному и первобытному («собирает грибы и ягоды»);

2) строгая регламентация–неопределенность–для общества характерна жесткая регламентация, имеющая множество норм, которые связаны с ответственным поведением и механизмами их соблюдения, противопоставление свободному обществу с относительно небольшим количеством норм и отклонений от них;

3) индивидуализм–коллективизм [6, с. 183].

В рамках теории детерминант индивидуализма и коллективизма Г. Триандис предположил, что коллективизм характерен для жестко регламентированной и простой культуры, а индивидуализм – для сложной и свободной культуры.

В рамках другой концепции кросс-культурных исследований выделяется теория «семи современных дилемм», которую разработали англо-датские ученые-практики Ф. Тромпенаарс и Ч. Хампден-Тернер.

Данные авторы рассматривают межкультурные различия

по трем направлениям:

- взаимоотношений с людьми;
- отношений ко времени;
- отношений к окружению.

При рассмотрении взаимоотношений с людьми выделяется пять основных дилемм:

- 1) универсализма-партикуляризма;
- 2) индивидуализма-коллективизма;
- 3) нейтральности-эмоциональности;
- 4) конкретности-диффузности;
- 5) достижений-аскриптивности.

Выбирая ответ по каждой дилемме, можно определить специфику межкультурных различий.

Группа различий «отношение ко времени», дающая представление о важности временного периода для определенной культуры (настоящего, будущего и прошлого), выделяет два типа отношений ко времени. Для отдельных обществ характерно преобладание планов на будущее, для других первостепенными являются прошлые

заслуги и достижения в отличие от настоящих.

Группа различий «отношение к окружению» предполагает выделение внутренних сущностей, которые оказывают влияние на жизнь человека и природу его недостатков и достоинств. Для одной культуры характерно возникновение мотиваций и ценностей изнутри. Другая культура оценивает мир и внешнюю среду, как влияющий фактор, оказывающий влияние на индивидуума. При этом для людей характерно восприятие окружающего мира как нечто неожиданного, соревнующегося с человеком.

Таким образом, являясь одним из актуальных вопросов современного общества межкультурные различия становятся объектом кросс-культурных исследований в рамках различных концепций. Каждая концепция вносит свой вклад в раскрытие сути межкультурных различий, с одной стороны, и с другой стороны, даёт ценную информацию для установления эффективных межкультурных коммуни-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-I № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Библиографический список

1. Белая, Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Форум, 2011. – 208 с.
2. Гусева, Н.И. Теоретические и методологические основы кросс-культурных исследований // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 3-4. – С. 82–86.
3. Жигальцова, Т.В. Эволюция кросс-культурного анализа в науках гуманитарного цикла // Вопросы культурологии. – 2014. – № 8. – С. 40–43.
4. Русских, Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 178–180.
5. Русских, Л.В. Мультикультурализм: интеграция или раскол? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 173–175.
6. Тезаурус социологии / Под ред. Тощенко Ж.Т. – М.: Юнити-Дана, 2013. – 415 с.
7. Триандис, Г.К. Культура и социальное поведение. – М.: Форум, 2007. – 382 с.

УДК 615.2 + 612.1

Боженева А.С., И-301, Трошкин Е. И.

Медицина как обуславливающий фактор здоровья

Статья посвящена изучению связи медицины, как системы научных знаний и практических мер, и здоровья человека. Медицина является одним из факторов, который напрямую влияет на показатели здоровья человека. Однако показано, что медицинское обеспечение не оказывает безоговорочное положительное влияние на здоровье человека. На основе изучения данных Всемирной организации здравоохранения и программ Министерства здравоохранения Российской Федерации, исследований специалистов данной области и теоретическом материале, были выявлены факторы, которые не позволяют выявить однозначное положительное воздействие медицины на здоровье человека.

Ключевые слова: медицина, здоровье, показатели здоровья, здравоохранение, воздействие медицины.

Боженева А.С., студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология».

Трошкин Е.И., доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета

UDC 615.2 + 612.1

Bozheneva A. S., I-301, Troshkin E.I.

Medicine as a factor causing health

This article is devoted to the study of the interconnection between the medical science as a system of scientific knowledge, practical measures and healthcare. Medicine is one of the factors which directly affect human health. However, it is shown, that medical maintenance does not have an unconditional positive impact on human health. Based on study of theoretical material, investigations of experts in this field, data of the World Health Organization and programs of the Ministry of Health of the Russian Federation, there were identified some factors that do not allow to identify that the impact of medicine on a human health is unambiguous positive.

Keywords: medicine, health, health indicators, health effects of medicine.

Bozheneva A. S., a student of the South Ural State University.

Troshkin E.I., docent of the sociology department, the South-Ural state university,.

Охрана собственного здоровья – это забота каждого. На сегодняшний день существует огромное количество факторов, негативно влияющих на здоровье: химические (токсины, различные загрязнения), физические (шумы, электромагнитные излучения, вибрации, электрический ток), общее состояние окружающей среды. Из-за обилия и разнообразия негативных факторов, человек не в состоянии сам справиться с ними и сохранить своё здоровье. Поэтому, необходимы институты здравоохранения, способные помочь ему в данной «борьбе за жизнь».

Целью данной статьи является показать, каково влияние медицины на здоровье. Можно ли смело утверждать, что медицина оказывает только положительное влияние на здоровье? Казалось бы, медицина должна благотворно влиять на здоровье человека. Именно она позволяет поддерживать здоровье в норме, сохранять его, улучшать и способствовать восстановлению. Однако, о качестве медицинского обеспечения в России нельзя сказать однозначно, поэтому, существует необходимость разобраться, какую роль выполняет медицина в рамках здоровья человека.

По уставу Всемирной организации здравоохранения, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». Однако это определение не может быть использовано для

оценки здоровья на популяционном и индивидуальном уровне. По мнению ВОЗ, в медико-санитарной статистике под здоровьем на индивидуальном уровне понимается отсутствие выявленных расстройств и заболеваний, а на популяционном – процесс снижения уровня смертности, заболеваемости и инвалидности [11].

Медицина – система научных знаний и практических мер, объединяемых целью распознавания, лечения и предупреждения болезней, сохранения и укрепления здоровья и трудоспособности людей, продления жизни – с правом отказа от лечения, если жизни человека ничего не угрожает [5, с. 25]. Слово «медицина» происходит от латинского словосочетания «ars medicina» – «лечебное искусство», «искусство исцеления», – и имеет тот же корень, что и глагол «medeor», «исце-ляю» [10, с. 519 – 520]. Эксперты ВОЗ в 80-х годах XX века определили ориентировочное соотношение различных факторов обеспечения здоровья современного человека, выделив в качестве основных четыре производные. Впоследствии эти выводы были принципиально подтверждены и применительно к нашей стране следующим образом (в скобках данные ВОЗ):

- генетические факторы – 15–20% (20%),
- состояние окружающей среды – 20–25% (20%),
- медицинское обеспечение – 10–15% (7 – 8%),

- условия и образ жизни людей – 50–55% (53–52%) [11].

Стоит заметить, что представленные факторы способны влиять как положительно, так и отрицательно. В рамках рассматриваемой темы, нас интересует фактор «медицинское обеспечение». Положительная сторона: медицинский скрининг, высокий уровень профилактических мероприятий, своевременная и полноценная медицинская помощь; отрицательная: отсутствие постоянного медицинского контроля за динамикой здоровья, низкий уровень первичной профилактики, некачественное медицинское обслуживание. И в данном случае проблема заключается в том, что превалирует наука о болезнях, а не наука о здоровье, то есть в первую очередь медицина направлена на излечение болезней, а не на сохранение имеющегося здоровья.

В этом, в частности, виноват и сам человек, который обращается к врачу чаще не для обследования и сохранения здоровья, а только тогда, когда чувствует сильную боль в организме или ощущает свою плохое самочувствие.

Надо отметить также, что в истории нашей страны периодически медициной предпринимались попытки борьбы именно за здоровье своих граждан. Так, проведенные по инициативе Н.А. Семашко широкомасштабные мероприятия по профилактике инфекционных и паразитарных заболеваний, которые давали в 20–30-х годах наибольшую смертность насе-

ления (чумы, холеры, оспы, тифа), позволили получить резкий скачок в прогнозируемой продолжительности жизни у нас в стране, и за 5–7 лет она выросла на 12–15 лет [9]. На Западе эти эффективные мероприятия получили название «первой противозидемической революции» и заслужили самые высокие оценки. Это явилось толчком к использованию опыта СССР в мировой практике, что дало к середине XX века заметные успехи в предупреждении и лечении инфекционных заболеваний.

В настоящее время, однако, структура заболеваемости в мире заметно изменилась, и инфекции составляют в статистике заболеваемости лишь около 10%. В то же время неинфекционные соматические болезни, функциональные расстройства психики, алкоголизм, наркомания составляют до 40% заболеваемости. Из многих сотен известных болезней в 85% случаев смертельных исходов причинами являются лишь десять (атеросклероз, гипертоническая болезнь, ожирение, иммунодепрессия, аутоиммунные болезни, метаболические нарушения, психические депрессии, злокачественные болезни). Но вот средств и методов предупреждения патологии именно такого характера медицина не имеет [1, с. 142]. Безусловно, стремление к излечению от болезней – огромный шаг, но не правильнее ли проводить профилактические осмотры и отслеживать состояние человека, чтобы исключить болезнь

при первых формах её проявления?

Существенным преимуществом здравоохранения в России является то, что по сей день оно государственное и в своей основе бесплатное. И если за рубежом медицинское образование относится к числу самых дорогих и индивидуально оплачиваемых, то у нас и подготовка врачей до недавнего времени осуществлялась за счет государства. В бесплатной медицине, естественно, есть минусы: длительное ожидание на прием к врачу и ограниченное время у врача на прием больного, низкая зарплата медперсонала, плохое питание в больницах, переполненные палаты, недостаток лекарств и т.д. Но существует и серьезный плюс. Уже в дореволюционной России в отечественной медицине укоренились гуманистические и демократические принципы, внимание к «маленькому человеку».

Итак, первая причина, из-за которой нельзя однозначно утверждать, что медицина оказывает благотворное влияние на здоровье – это политика здравоохранения, направленная на лечение болезней, а не на обеспечение именно здоровья.

Следующее, что хотелось бы отметить – квалификацию медицинского персонала. Подготовка врачей в медицинских вузах идет, как правило, в направлении лечения болезней и все большей специализации на отдельных группах патологии. Но человек не набор органов, а целостная система, в которой все физические составляющие

непрерывно связаны с иными компонентами, многие из которых с позиций современной медицины нематериальны – эмоции, психика, душа, интеллект. Понятно, что, сталкиваясь по преимуществу с нарушениями в «своей» функциональной системе, врач-специалист не видит и не может оценить состояние организма в целом, что не позволяет ему осознать само понятие здоровья, а ориентироваться лишь на рекомендуемые для данной системы медицинские «нормы». То есть официальная медицина пытается оздоровить только физическое тело. Отсюда следует, что врач способен вылечить болезнь только в рамках своей компетенции. Также нельзя забывать и об уровне подготовки врачей в медицинских вузах – насколько хорошо тот или иной врач освоил свою профессию и знаком с тонкостями заболевания. Кроме этого, является важным опыт специалиста, который уверен в последствиях своей деятельности.

Таким образом, вторая причина – это подготовка и опыт врачей. Врач является специалистом в своей узкой области, тогда как человек – это взаимосвязанная целостная система.

За годы развития биоэтики, социологи достаточно полно рассмотрели вопрос ролевых и этических отношений «врач-пациент». В рамках этих отношений стоит обратить внимание на врача как на личность. Личность с определенным набором личностных черт и качеств. Но важную роль играет именно

коммуникативное качество: расположить к себе пациента, повлиять на то, чтобы он безоговорочно выполнял все предписания, при этом оставаться приятным и доброжелательным. Кроме того, врач не должен запугивать или унижать пациента, его задача – объяснить каким образом решить проблему и избежать отрицательных последствий заболевания. Однако, не каждый врач способен к такому поведению. Помимо этого, на врача, как на человека, оказывающего услугу, влияет и заработная плата, которая может оказаться неизмеримо малой и способной отбить всякое желание на предоставлении качественной услуги.

Отсюда вытекает третья причина – так называемый «человеческий фактор», ибо отношения «врач–пациент» – это в первую очередь взаимодействие двух людей, которое может вызывать взаимную симпатию или антипатию.

В последние годы наблюдается рост числа обращений пациентов в министерство здравоохранения, комитеты по защите прав потребителей, судебные органы с исками о возмещении ущерба, причинённого ненадлежащим оказанием лечебной и диагностической помощи, а также морального вреда. С введением медицинского страхования, поток жалоб пациентов направился и в больничные кассы, страховые фонды, количество жалоб возросло в два раза ежегодно [8, с. 54–61]. Этот процесс шел на фоне увеличивающейся асим-

метрии требований пациентов и низких возможностей медицинских организаций в оказании помощи; правового обеспечения в решении спорных вопросов; понижения уровня здоровья и жизни большинства россиян.

Кроме того, мнения врачей и пациентов резко расходятся, когда от рассмотрения принципов равноправия сторон в процессе оказания медицинской помощи мы переходим к обсуждению принципов контроля над оказанием–получением медицинской помощи. Врачи будут чувствовать себя гораздо спокойнее, если в принятии решения примет участие представитель специальной организации. Профессионалы готовы делиться ответственностью, но не согласны с контролем общества. Наибольшую закрытость сообщество врачей проявляет в том, чтобы выносить на всеобщее обсуждение недостатки профессиональной деятельности. Достаточно много пациентов не доверяет врачам и критически оценивает их компетентность. Мнения о некомпетентности пациента или медицинского работника, весьма спорны [7]. Возможно, когда пациенты говорят о некомпетентности медицинского работника, то речь идёт некоторым образом о недоверии, сомнении и страхе. Точно так же, врачу легче считать отказ от вмешательства причиной некомпетентности пациента, а не разобратсья в истинных причинах, и помочь пациенту принять решение на основе дополнительной

адекватной информации. Взаимоотношения врача и пациента в России носят определенно патерналистический характер, основанный на неравенстве в лечебно-диагностическом процессе сторон, безоговорочном подчинении действий пациента предписаниям врача. Использование права дать согласие на лечение или отказа от медицинского вмешательства – это приближение к модели информированного согласия на основе партнёрства. Врачи в этом вопросе склонны отводить пациенту скромную роль.

Это может говорить о четвертой причине – недостаточная законодательная база России в сфере здравоохранения, а уже работающее Российское законодательство несовершенно и неспособно учитывать все особенности отношений в сфере охраны здоровья. Современный пациент, при невысоких требованиях к себе, имеет очень высокие требования к работе медицинских учреждений и медицинских работников. Это происходит из-за того, что нормы поведения медицинского работника институционализированы, а нормы поведения пациента в основном ограничены предпи-

саниями и требованиями врача. Пациенты и врачи часто не находят понимания в процессе лечения, указывая на некомпетентность друг друга.

Таким образом, выделив четыре причины, отрицающие безусловно положительную роль влияния медицинского обслуживания на здоровье, можно говорить о том, что медицина играет важную, но не главную роль в обеспечении здоровья. Для решения данной проблемы необходимо:

проводить не только политику «медицина для лечения болезней», но политику «медицина для создания здоровья»;

при программе подготовки врачей в медицинских вузах опираться на то, что человек – это взаимосвязанная целостная система, а не набор органов;

обращать больше внимания на коммуникативную связь между врачом и пациентом;

совершенствовать законодательную базу России в сфере здравоохранения.

Таким образом, вполне очевидно, что сегодня необходимы исследования для подтверждения и решения данных проблем, с целью получения адекватной

Библиографический список

1. Вайнер, Э.Н. Валеология: Учебник для вузов / Э.Н. Вайнер. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 416 с.
2. Кашапов, Ф.А., Терентьев, О.В., Цейсслер, В.Э. Здоровье как ценность: культура и биоэтика // Вестник ЮУрГУ. – Социально-гуманитарные науки. – 2007. – №24 (96). – С. 107–111.
3. Кашапов, Ф.А., Цейсслер, В.Э., Губайдуллина, М.С. Биоэтика в духовно-нравственном становлении демократической России // Вестник ЮУрГУ. – Социально-гуманитарные науки". – 2008. – №6 (106). – С. 122–123.
4. Красовский Б.П. Взаимоотношения врача и пациента на западе. Социологические исследования. – 2002, №6. С. 122–127.
5. Лисицын Ю.П., Шилинис Ю.А., Адо, А.Д., Заблудовский, П.Е. // Медицина. – БСЭ / Под общей ред. Петровского Б.В. – М., 1978. 934 с.
6. Москвичева, М.Г., Бредихина, Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ) // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. – 2006. – №2 (57). – С. 196–201.
7. Назарова, И.Б. Деформализация закона в системе оказания медицинской помощи. – Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 78–89.
8. Назарова, И.Б. Права пациента и отношение к здоровью // Здравоохранение. – 1999. – № 3. – С. 54–61.
9. Семашко, Н.А. Очерки по теории организации советского здравоохранения: принципиальные основы советского здравоохранения / Н.А. Семашко. – М.: АМН РСФСР, 1947. –124 с.
10. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1999. С. 519–520.
11. Преамбула к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения // URL.: <http://www.who.int/ru/>

УДК 316.7 316.74:7 366

Юдичев Г.И., Сосновских Е. Г.

Взаимозависимость целей потребления искусства и жанровой характеристики

В статье исследуется специфика потребления таких видов искусства, как кино и музыка молодежью. Предложена классификация эстетических потребностей, мотивов потребления искусства и типология слушателей музыки и кинозрителей.

Ключевые слова: потребление, эстетические потребности, цели потребления искусства, типология слушателей, типология кинозрителей.

Юдичев Г.И., студент Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология».

Сосновских Е.Г., доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета

UDC 316.7 316.74:7 366

Yudichev G.I., Sosnovskih E. F.

Interdependence consumption purposes art and genre characteristics

The paper investigates the specifics of consumption of such art forms as film and music by youth. Classification of esthetic requirements, motives of consumption of art and typology of listeners of music and cinema-goers is offered.

Keywords: consumption, esthetic requirements, art consumption purposes, typology of listeners, typology of cinema-goers.

Yudichev G.I., a student of the South
Ural State University.

Sosnovskih E.F., Troshkin E.I., docent
of the sociology department, the South-
Ural state university,.

Рассматриваемая проблема находится в области социологии искусства и социологии потребления. Её актуальность связана с тем, что институт потребления вследствие перехода к постиндустриальному обществу выходит за рамки физического потребления и для него актуальной становится задача удовлетворения новых видов потребностей, в частности эстетических. Важность его изучения также продиктована увеличением роли культуры и искусства в общественном сознании.

В рамках социологии, потребление традиционно рассматривалось как способ удовлетворения базисных человеческих потребностей посредством разового или длительного потребления – «уничтожения» товара. Но сегодня можно говорить о потреблении индивидом произведения искусства, что представляет собой иную форму потребления продукта.

В современном обществе посредником между потребителями искусства и его создателями является глобальный институт «арт-рынка». Спецификой этого рынка является его синтетическая природа, возникающая на пересечении духовно-художественной (нематериальной, прагматически незаинтересованной) и материальной (экономически и прагматически значимой) сфер общественной жизни.

По словам искусствоведа Самсоновой Г.О., любое искусство зарождалось и развивалось именно в то время, когда

потребность в нем становилась максимальной [8]. Популярность каждого направления отражала потребности общества и его настроения. Чтобы выяснить общественные потребности в искусстве и спрогнозировать их дальнейшее развитие следует изучать предпочтения молодого поколения, как носителя ценностей будущего общества.

Данное исследование включает в себя только области музыки и кинематографа, так как они являются самыми популярными, по мнению автора, среди молодежи видами искусства. Кроме того, это исследование является попыткой объяснить популярность некоторых новых течений в музыке и кинематографе.

Потребление – это процесс использования социально-экономических, культурных и природных благ с целью удовлетворения потребностей человека и общества в целом. Потребление реализует воплощенный в продукте проект его использования, однако оно не сводится к простому воспроизведению этого процесса.

По способу удовлетворения потребностей выделяют индивидуальное или производное потребление. Индивидуальное потребление связано с потреблением благ и услуг членами семей и индивидами – продуктов питания, одежды, обуви, жилища, предметов культурно-бытового назначения и т. д. А производственное потребление связано с потреблением рабочей силы и средств производства.

Индивидуальное потребление имеет две формы: физиче-

ское (то есть непосредственно «уничтожение» продукта) и символическое. С помощью символического потребления личность воспроизводит собственную идентичность как представитель определённой социальной группы, страты.

Из вышесказанного следует, что потребление искусства может характеризоваться, как индивидуальное, духовное и символическое. Так как сами продукты культуры потребляются индивидом, а не группой и подразумевают использование символов принадлежности.

Процесс потребления тесным образом связан с удовлетворением человеческих потребностей.

Вопросами классификации потребностей занимались такие классики как П. Бурдьё, К. Альдерфер и И. Герцберг, однако основной сейчас считается классификация, предложенная американским психологом А. Маслоу.

Другую классификацию представил П. Ершов [2], где все базовые потребности делятся на:

- биологические (естественные);
- материальные;
- социальные;
- духовные.

В обеих классификациях представлены эстетические потребности, как основные или базовые, что делает их изучение более актуальным, а в отношении искусства это касается эстетических потребностей.

Потребление, как удовлетворение потребностей является естественной функцией соци-

альных институтов. Также как государство удовлетворяет потребность в порядке, а наука удовлетворяет потребность в знаниях, культура и искусство удовлетворяют эстетические потребности.

Важной чертой личности является потребность в эстетическом наслаждении и в соответствующей творческой деятельности в области того или другого искусства. Как только человек начал заниматься трудом, он стал придавать изготовленным им предметам, орудиям, утвари эстетически приятные формы, украшал их сначала несложным, а затем более и более художественным орнаментом, удовлетворяя, таким образом, уже не естественные, непосредственно необходимые для жизни потребности, а потребность в наслаждении прекрасным [8].

В классификации потребностей по значимости эстетические потребности относятся к второстепенным. Однако не стоит их недооценивать, так как в нынешнем обществе при наличии большинства благ, как раз второстепенные потребности дают о себе знать. Рассмотрим более подробно эстетические потребности.

Потребность в получении эмоций. Каждому человеку иногда не хватает эмоций. В таких случаях он старается получить их от произведений искусства. К примеру, люди, которым в жизни недостает острых ощущений, смотрят фильмы ужасов.

Потребность в получении новых знаний. Практически все

произведения искусства выполняют информационную функцию. Мы можем с уверенностью говорить, что возможность приобретения новых знаний является важной характеристикой для индивида при выборе разновидности искусства индивидом.

Потребность в отдыхе и развлечении. Искусство выполняет развлекательную функцию. Посещая театры, кино или концерты люди расслабляются и снимают стресс.

Кроме того, с эстетическими потребностями связана и социальная идентификация [4], т.к. практически у каждого человека есть кумир, с которого берут пример, стараются подражать ему, в сложных ситуациях спрашивают себя, что бы на их месте сделал он. Также социальной идентификацией понимается ассоциация с какой-либо группой, о чем уже говорилось ранее.

Исходя из потребностей в искусстве, можно определить мотивы и цели индивида в процессе потребления музыки и кино.

Цели слушателей и зрителей, как правило, сводятся к следующему:

Удовлетворение «эмоционального голода». «Эмоциональный голод» возникает тогда, когда человек не чувствует удовлетворения от жизни, регулярно не получает положительных эмоций. Один из источников удовлетворения такого голода – получение эстетического наслаждения при соприкосновении с искусством.

Расслабление и снятие стресса. Оба рассматриваемых

видов искусства выполняют рекреативную функцию, помогают человеку отвлечься от насущных проблем и избавиться от нежелательных мыслей, отдохнуть душой и телом.

Средство досуга. Люди часто ходят в кинотеатры или на концерты для того, чтобы занять время, незанятое работой.

Самоидентификация. Некоторые индивиды увлекаются произведениями кино или музыки ради включенности себя в социальную группу, например, в субкультурах.

Получение социального статуса. Прослушивание популярной музыки или просмотр популярных фильмов возвышает человека в глазах общественности. Например, когда человек просматривает авторское кино, то к нему относятся, как к интеллектуально развитому человеку с хорошим вкусом.

Погружение в определенную атмосферу. Музыка или кино может ассоциироваться индивидом с каким-либо моментом прошлого. Повторное её потребление вызывает у него чувство ностальгии.

Уход от реальности. Погружение в атмосферу потребляемого искусства, заставляет человека забывать реальную жизнь на короткое время.

Желание понять авторский замысел. Режиссеры и композиторы часто вносят в свои произведения личный замысел. Некоторые группы потребителей желают понять этот замысел, мысли автора и его эмоциональное состояние в момент создания произведения.

Создание нужной атмосферы. Часто произведения искусства позволяют создавать благоприятный фон для какого-либо процесса деятельности. К примеру, музыка бывает полезна для создания рабочей атмосферы, в которой труд будет более эффективен или для того чтобы расслабиться перед сном.

Следует также отметить, что потребление, по мнению В. Ильина [3], есть еще и создание наружного впечатления о нас, другими словами то, что мы потребляем, есть текст, который, окружающие будут внимательно читать. В этом смысле потребление является, частью социальной идентификации.

Возникает феномен, который называют социальным конструированием чувства идентичности, принадлежности к той или иной группе. Это конструирование представляет собой процесс использования таких предметов потребления, как одежда, обувь, популярная музыка или занятия определенным видом спорта для обозначения себя как члена той или иной группы или, наоборот – для подчеркивания своего пребывания вне ее.

Индивиды потребляют популярные произведения искусства ради социальной идентификации, т.е. чтобы показать окружающим свои качества или те, какие человек сам хочет в себе видеть.

Важным также является и то, что потребление продуктов музыки и кино молодежью связано с эстетическим вкусом человека, который формируется в процессе социализации, где

эстетический вкус это способность личности к индивидуальному отбору эстетических ценностей, а тем самым и к саморазвитию и самоформулированию.

По ряду концепций [6], становление вкуса происходит в возрастной границе от 13 до 20 лет. В возрасте от 18-25 лет у человека эстетический вкус в большинстве случаев должен быть уже сформирован и его можно только корректировать. В силу того, что эстетический вкус формируется на неповторимых комплексах культурных ценностей и духовных ориентаций, у каждой личности он уникален и становится способом её объективации и общественного самоутверждения.

В формировании и развитии эстетического вкуса молодого поколения важную роль играет музыкальное восприятие. Во-первых, музыкальное восприятие является конечной целью деятельности, на которую направлено творчество композитора и музыканта-исполнителя. Во-вторых, это способ отбора и закрепления различных композиторских приемов, стилистических находок и открытий, которые, в конце концов, становятся частью целостной музыкальной культуры общества или группы. В-третьих, это то, что объединяет все виды музыкальной деятельности – от первых шагов ученика к зрелым авторским произведениям.

Музыкальный вкус формируется с детства, как бессознательный процесс. Людям нравится то, что они уже слышали в детстве. Позже на му-

зыкальный вкус оказывают влияние положительные и негативные санкции со стороны близких людей, а также популярная музыка из телевизионных программ, радио и интернета. Надо отметить, что эстетическое наслаждение индивид получает только от музыки, которая и соответствует его вкусу.

Вкус к кинопроизведениям вырабатывается через инстинкт подражания. Людям свойственно ассоциировать себя с главными героями, делая их своими кумирами, и наблюдать за их действиями, чтобы в подобных ситуациях. При этом формированию вкуса способствует и недостаток эмоций в жизни. Так, например, люди, которым не хватает острых ощущений, смотрят фильмы ужасов [5].

На основании перечисленных особенностей формирования эстетического вкуса и в зависимости от целей потребления музыки и кино можно сформулировать классификацию потребителей.

Наиболее полную типологию дал немецкий философ, социолог и музыковед Теодор Адорно [1] выделив несколько групп слушателей по их отношению к музыке.

Слушатель-эксперт – вполне сознательный слушатель, от внимания которого не ускользает ничего. В каждый конкретный момент отдает себе отчет в том, что слышит. Такой слушатель отчетливо воспринимает все усложнения и хитросплетения данного момента, т.е. сложную гармонию и многоголосие.

Хороший слушатель – слышит не только отдельные музыкальные детали, но и спонтанно образует связи. На основе услышанного высказывает обоснованные суждения – судит не только по категориям престижа или произволу вкуса. Но он не осознает – или не вполне осознает – структурных импликаций целого. Он понимает музыку примерно так, как люди понимают свой родной язык, – ничего не зная или зная мало об его грамматике и синтаксисе, – неосознанно владея имманентной музыкальной логикой.

Образованный слушатель (потребитель культуры) – много слушает, при благоприятных условиях просто ненасытно. Он хорошо информирован, коллекционирует пластинки. Он уважает музыку как культурное достояние, как нечто такое, что нужно знать для того, чтобы повысить свой вес в обществе. Такая позиция простирается от глубокого чувства долга до вульгарного снобизма.

Эмоциональный слушатель – отношение к музыке не такое неподвижное и стороннее, как у потребителя культуры, но он уходит еще дальше от объекта. Слушание музыки становится для него по существу средством высвобождения эмоций, подавляемых или сдерживаемых нормами цивилизации. Представители этого типа особенно охотно обращаются к чувственной, эмоциональной музыке, например, Чайковского; их легко заставить плакать.

Развлекающийся слушатель – музыка для него не смысловое

целое, а источник раздражителей. Всё поглощено и опошлено потребностью в музыке как в комфорте, нужном для того, чтобы рассеяться. Структура такого слушания похожа на структуру курения. Она определяется скорее неприятным ощущением в момент выключения радиоприемника, чем хотя бы самым незначительным чувством удовольствия, когда приемник включен.

Рессантиментный слушатель – это противоположность эмоционального слушателя, в нем нормы цивилизации стали самым ценным содержанием его души, и он готов жертвовать своими костями и плотью, охраняя их неизменность. Ему импонирует статическое слушание музыки, но такое слушание делает его беззащитным по отношению к чьему-либо влиянию, что сочетается у него с ролью агрессора по отношению к самой музыке. У него пропадает восприятие, а сознание руководствуется уже целями какого-нибудь союза. В погоне за соблюдением строго определенной формы содержание пропадает из сферы внимания, это аскетизм автомата в восприятии музыки, идеология союза атрофирует в нем чувство нюансов, отчего рессантиментного слушателя на концерте легко узнать по мазохистски-героическому виду, с которым он слушает музыку.

С точки зрения автора, данную типологию необходимо расширить, так как вследствие усложнения социальной структуры общества редко встречается истинный рессантимент-

ный слушатель, стоит рассмотреть его более развитую форму – *целенаправленный слушатель*. Так, по Орлову [7], перед нами это – любитель музыки или одного из музыкальных направлений. Такой слушатель стремится уйти в узкую компанию, чтобы не слышать и не слушать то, что звучит повсюду. Его интересует определенное направление (джаз, авангард, классика и др.). Он ненавидит популярную музыку и равнодушен к иным музыкальным течениям.

На основании концепции Теодора Адорно и других типологий автором была предложена требующая эмпирической проверки типология кинозрителей:

«Кинокритик» – человек, который смотрит кино и отмечает все малейшие его особенности. Такой человек способен легко определить проблематику, авторский подтекст и оценить актерскую игру. У такого типа обязательно должен быть большой опыт в просмотре кино. Чаще всего это выпускники академий культуры, консерваторий и других подобных высших заведений.

«Заинтересованный зритель» – поклонник культовых фильмов. К таким относят поклонников знаменитых фильмов, таких как «Крестный отец», «Звездные войны», «Гарри Поттер» и другие. Такие зрители буквально одержимы этими фильмами. Стараются воспринимать любой контент о них, будь то саундтреки из самих фильмов или книги, написанные о них. Они имеют интерес только к фильмам похожим на их идеал.

«Эмоциональный зритель» – зрители любящие только один или несколько жанров вследствие недостатка эмоций в обычной жизни. Эти произведения помогают им почувствовать то, чего им не хватает.

«Развлекающийся зритель». Здесь по аналогии с развлекающимся слушателем, существует лишь один стимул – развлечение. Такие люди смотрят обычное незамысловатые фильмы, не требующей особой мыслительной нагрузки.

«Развивающийся зритель» – такие люди смотрят фильмы, чтобы узнать что-то новое, а также фильмы соответствующие их интересу. Часто это фильмы об их профессиональной деятельности, документальные фильмы или фильмы, несущие в себе философский подтекст. Эти зрители не могут смотреть бессмысленные фильмы. В этом они противопоставлены развлекающимся. Если они посмотрят фильм не несущий смысла, они будут считать это время потраченным впустую.

«Случайный зритель» – обычно эти люди не специально становятся зрителями. Они смотрят фильмы вместе с семьей, с друзьями или коллегами. Неце-

ленаправленный просмотр рекламы тоже можно считать случайным потреблением, так как отсутствует желание просмотреть этот рекламный ролик.

Таким образом, целью нашей статьи являлось показать актуальность проблематики потребления в сфере искусства, где мы попытались установить связь между потреблением искусства, удовлетворением эстетических потребностей и целями потребления искусства. Решение данной проблемы позволит нам расширить знания о самих себе, и понять какой логикой мы пользуемся, потребляя объекты искусства.

Однако данный теоретический материал, безусловно, требует эмпирического исследования. И целью такого исследования может быть изучение мотивов потребления с задачей конструирования типов потребителей в соответствии с жанровыми предпочтениями в музыке или кино.

Кроме того, на основе данного материала, мы можем изучать феномен негативного и позитивного потребления искусства, а также создать универсальную типологию его потребителей.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-I № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Библиографический список

1. Адорно, Т.В. Философия новой музыки [Текст]/ Перевод с нем. Б. Скуратова. Вст. ст. – К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2001. – 352 с.
2. Ершов, П.М. Потребности человека [Текст] / П.М. Ершов; Науч. редактор Г.В. Таратынова. – М.: Мысль, 1990. – 364 с.
3. Ильин, В.И. Поведение потребителей: Учебное пособие [Текст] / В.И. Ильин. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. – 224 с.
4. Колчинская, В.Ю. Художественное творчество как способ самоидентификации [Текст] / В.Ю. Колчинская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – № 2. – Выпуск 5. – С. 121–125.
5. Куличиков, И.Л. Публика театра как эстетическая категория [Текст]/ И.Л. Куличиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2005. – № 7. – Выпуск 4. – С. 220–224.
6. Левчук, А.Т. Эстетика: Учебник [Текст] / Под общ. ред. Т. Левчук. – М.: Высшая школа, 1997. – 399 с.
7. Орлов, В.В. «Функции музыки и типы слушателей» [Текст] / В.В. Орлов. – Израиль XXI. – №18. – 2009. – 198 с.
8. Рудик, П.А. Психология: учебник для студ. ин-тов физ. Культуры [Текст] / под ред. П.А. Рудика. – М.: Физкультура и спорт. – 1974. – 512 с.
9. Самсонова, Г.О. Системные психофизиологические механизмы афферентно-эфферентного воздействия музыки автореф. дис. [Текст] / Г.О. Самсонова. – Тула, 2002. – 189 с.

УДК 316.356.2-057.87 378.065

Бредихин Д.С., Нарская Н.В.

Отношение студенчества к фактическому браку

Данная статья посвящена осмыслению проблемы современного состояния социальных институтов брака и семьи, где актуальной видится тема совместного проживания молодежи в форме незарегистрированного брака. Трансформация института семьи, ценностных ориентаций молодежи делает вопросы незарегистрированного брака особо важными. Такая форма отношений часто предшествует официальному браку, и от того, какой опыт будет приобретен в ее рамках, будет зависеть и успешность официального брака.

Ключевые слова: брак, семья, «гражданский брак», студенчество, институт брака, институт семьи, система брачно-семейных отношений.

Бредихин Д.С., студент Южно-Уральского государственного университета

Нарская Н.В., доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета

UDC 316.356.2-057.87 378.065

Bredikhin D.S., Narskaiy N.V.

The ratio of students to the actual marriage

This article is devoted to understanding the problems of the modern state of social institutions of marriage and family, which seems urgent topic of cohabitation of young people in the form of unregistered marriages. The transformation of the institution of family, youth value orientations makes matters unregistered marriage particularly important. This form of relationship often precedes a formal marriage, and what kind of experience will be acquired in its framework, will depend on the success of formal marriage.

Keywords: marriage, family, "civil marriage", the students, the institution of marriage, the family institution, the system of marriage and family relations.

Bredikhin D.S., student of the South Ural State University.

Narskaiy N.V., PhD in Sociology, associate professor on Chair of sociology, South Ural State University, e-mail: bredihina_nataya@mail.ru.

В приведенном ниже разнообразии научных представлений о современном состоянии социальных институтов брака и семьи прослеживается несомненная актуальность данной темы. В рамках социологического подхода, при изучении брака и семьи, несомненно, актуальной видится тема совместного проживания молодежи, незарегистрированного брака.

Используя понятие «гражданский брак» в повседневной жизни, мы, как правило, имеем ввиду союз людей, скрепленный чувствами и совместным проживанием, ведением хозяйства, т.е. не зарегистрированный ни в государственных органах, ни в церковных структурах. В то же время, в научных кругах не существует единой принятой формулировки на этот счет. Так, понятия «незарегистрированный брак», «сожительство» в юриспруденции и «фактический брак» в социологии имеют синонимичное значение, что необходимо учитывать при анализе научных работ.

Семья является объектом изучения различных областей социально-гуманитарного знания. Вопросы происхождения, функционирования семьи, трансформации и трансляции традиций, а также культурных ценностей, здоровья и репродукции, экономических и юридических аспектов касающихся семьи. Экономика и политология, демография и статистика, медицина, психология и юриспруденция – вот далеко не полный перечень дисциплин, изучаю-

щих связанные с браком и семьей проблемы.

Необходимо отметить, что в социологической науке семье посвящена отдельная специальная социологическая теория, которая выделяется во второй половине XX – «социология семьи». Однако, стоит отметить, что изучение семьи в научном разрезе началось примерно в середине XIX века и связано с исследованиями антропологов, демографов, историков, а также социологов.

Известно, что классики социологии О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм уделяли большое внимание в своих трудах изучению семьи.

Так, О. Конт определяет семью или семейные отношения как «нравственно-эмоциональный союз, основанный на привязанности и взаимной симпатии» [10]. Роль семьи в его концепции – «служить посредником между индивидом и родом, воспитывать молодое поколение в духе альтруизма, учить его преодолевать врожденный эгоизм» [10]. У О. Конта семья выступает «либо как спонтанный источник нашего морального воспитания, либо как естественная база нашей политической организации. В первом своем аспекте каждая современная семья подготавливает общество будущего; в своем втором аспекте каждая новая семья продлевает жизнь настоящего общества» [10].

В социологии Э. Дюркгейма институт семьи рассматривается как часть социальной реальности, которая включена в уни-

версальный природный порядок. Согласно его определению, семья – это устойчивое, основательное явление, подчиненное объективным законам бытия. Семья – форма коллективной жизни, форма ассоциации индивидов. основополагающей темой в социологии Дюркгейма является социальная солидарность, без которой теряют устойчивость общество и его институты. Семья, как один из институтов, соответствует определенным потребностям и, как природа, обладает такой же прочностью. В рамках этого представления, семьей нельзя просто так манипулировать, она поддерживается социальной солидарностью. В свою очередь, нарушение социальной солидарности происходит в условиях кризиса социальной системы. Это, несомненно, относится и к семье, как социальному институту.

Г. Спенсер, исследуя семью, делает вывод, что «наивысшее устройство» (cons-fitufion) семьи достигается тогда, когда существует такое согласие между потребностями общества и его членов, старых и молодых, при котором смертность от рождения до репродуктивного возраста падает до минимума, а подчинение жизни взрослых задаче воспитания детей становится наименьшим. Последнее, в свою очередь, обеспечивается, во-первых, продлением периода, предшествующего репродукции, во-вторых, снижением числа рожденных детей, а также возрастом удовольствия, получаемого от ухода за ними и

их воспитания, и, в-третьих, увеличением продолжительности жизни, следующей за прекращением репродукции.

Сегодня в рамках дисциплины «Социология семьи» семья определяется как «основанное на браке и кровном родстве объединение людей, связанное общностью быта и взаимной ответственностью» [17]. Семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, как малой группы, связанной брачными или родственными отношениями [17].

Заслуживает особого внимания строгая трактовка понятия семьи в представлении отечественных авторов. В концепции Антонова А. И., семья - это основанная на единой общественной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родитель-ства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи. Если хотя бы один из элементов уз отсутствует, то правильнее будет говорить о «семейных группах», под которыми понимаются, например, у А.И. Антонова и В.М. Медкова, группа людей, связанных исключительно совместным хозяйством и родством (или супружеством).

Таким образом, в рамках этой концепции, мы можем говорить о том, что молодые семьи, не обзаведшиеся детьми, в строгом понимании семьями не являются, поскольку у них от-

существует институт родительства и родства. Равно как и семьи с взрослыми детьми, где институт родительства атрофировался, тоже не могут считаться семьями в строгом понимании.

Различные взгляды на семью и ее положение в структуре социологического знания сформировали три подхода к ее изучению:

Семья как социальный институт. В социологии марксизма, функционализма, закономерности становления и модернизации семьи рассматриваются вместе с эволюцией общества.

Социология «социальных групп» представляет семью как малую группу, что выражено во взглядах Э. Бержесса на семью как единство взаимодействующих личностей.

Третий подход – интегральный – в социологии рассматривает семью как систему, он вбирает в себя институциональный и микрогрупповой подход. Так Т. Парсонс и К. Дэвис отмечали: "Стабильность семьи зависит одновременно как от внешних социокультурных влияний, так и от внутренних взаимодействий. Согласно Т. Парсонсу, семья это подсистема общества, обеспечивающая стабильность социума, благодаря установлению инструментальных отношений с другими социальными подсистемами и структурами.

В социологии выделяются специфические и общие функции семьи. У каждого социального института есть уникальные функции, определяющие профиль конкретного института и

функции, сопровождающие действия основных функций. Специфические функции вытекают из сущности семьи и отражают её особенности, а неспецифические функции семья вынуждена исполнять в определённых обстоятельствах.

Специфические функции:

- деторождение (репродуктивная функция); малолетние семьи – это семьи с 1–2 детьми, состоит из двух пар, т.е. нет воспроизводства; для воспроизводства нужно примерно 2-5 детей в семье;

- функция содержания и социализации детей – остаётся при всех изменениях общества, но с усилением роли институтов государства в XX веке исторически заметен рост тенденции убывания потребности семьи в детях;

- хозяйственно-бытовая – поддержание физического здоровья семьи, уход за малолетними и престарелыми.

Неспецифические функции:

- экономическая: поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных;

- передача собственности, статуса;

- организация отдыха, досуга;

- первичного социального контроля.

В настоящее время многими исследователями проблем брака и семьи выделяются основные тенденции развития брачных и семейных отношений. Это рост значимости свободы выбора партнерши или партнера, ориентация на совместные интересы и эмоциональные отношения. Изменяется социальная структура се-

мы, ролевое распределение супругов, исследуются гендерные аспекты современных семей, уменьшается количество детей в семьях, увеличение возраста вступления в брак.

Увеличение процента разводов и внебрачных детей ведет к появлению большого количества семей с одним родителем. Одной из ярких и четко прослеживающихся тенденций в современном мире является увеличение брачных союзов незарегистрированных. Особенно заметны такие перемены за последние двадцать лет в России. Эти изменения находят свое выражение в исследованиях, которые принято разделять на две парадигмы: цивилизационную и кризисную. Это две полярные концепции, в рамках которых исследователями-социологами рассмотрены современные брак и семья.

Цивилизационная парадигма представлена такими учеными как С.И. Голод, А.Г. Вишневский, М.С. Мацковский, А.Н. Елизарова и др. Странники этого направления акцентируют внимание на следующих проблемах: переход от закрытой к открытой системе формирования брака, рост независимости, в том числе и материальной, личной свободы каждого из членов семьи, эмансипация женщин. Однако, в целом, в рамках цивилизационной парадигмы, подобные изменения в обществе видятся как естественный позитивный процесс демократизации в семейной сфере, который переключается с общемировыми тенденциями.

Вторая парадигма, *кризисная*. Ее представители: А.И. Антонов, В.А. Борисов, Н.Г. Марковская, В.М. Медков и др. Изменения в семейно-брачных отношениях видятся представителям данного научного направления как выражение глобального семейного кризиса, кризиса семейного образа жизни, упадка семьи как социального института, а также отражением ценностного кризиса в обществе в целом. В структуре личности доминантными становятся вне-семейные ценности. По мнению социологов представителей кризисной парадигмы, семья и брак, родительство как ценности, становятся неконкурентоспособными по сравнению с такими ценностями как повышение социального статуса, уровня образования, карьерного роста, материального благополучия [9].

Переходя от понятия «семья» к понятию «брак», необходимо отметить, что до определенного момента эти два понятия были тождественны, и только с ослаблением общественной морали, переходом от традиционной семье к нуклеарной, они начали отличаться друг от друга. Изучением семьи и брака в современной социологической науке занимались такие ученые, как О.И. Волжина [2], М.С. Мацковский [6], В.В. Солодников [15], А.Г. Харчев [16,17] и др.

Основным отличием брака от семьи, в современном понимании, является правовая обусловленность и формализация отношений, а так же рассмотрение взаимоотношений ис-

ключительно между мужчиной и женщиной, как личностями и гражданами. Государство выполняет в данном случае регламентирующую и регулятивную функцию, обеспечивая регистрацию и поддержку брака. Согласно А.Г. Харчеву, «брак – исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, к детям и обществу» [11].

В рамках объяснения такого понятия, как «незарегистрированный брак», необходимо обратиться к предпосылкам его формирования.

До начала XX века, понятия «брак» в отрыве от брака церковного не существовало, система разводов была необычайно трудной, а жизнь пары вне брака считалась грехопадением и распутством. Влияние церкви и религии на институт брака было необычайно сильным, обуславливая единоразовое вступление в брак на всю жизнь. Фактически, повторный брак был доступен только вдовцам. Вот что пишет по этому поводу О.Ю. Яненко : «Бракоразводными делами до 1917 г. ведала церковь. По существовавшему законодательству развод мог разрешить только Святейший Синод и только по строго ограниченному поводам. Российское законодательство о разводе было намного строже, чем в других европейских странах. Брак мог быть расторгнут только формальным духовным

судом по просьбе одного из супругов на следующих основаниях: 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга; 2) добрачной неспособности к брачному сожитию; 3) в случае, когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на жительство в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ; 4) в случае безвестного отсутствия супруга. Брак не мог быть расторгнут по взаимному согласию супругов» [19].

Подобные ограничения делали брак «выбором на всю жизнь», а учитывая, зачастую, навязанность выбора жениха или невесты со стороны старших родственников, редко когда браки становились действительно счастливыми.

Данная ситуация кардинально поменялась с начала 20-х гг. XX века, после прихода к власти большевиков. Одними из крупнейших социальных изменений, стало изменение роли женщины и развитие новой гендерной роли в новом, молодом государстве. Женщины получили новые права и свободы, пересматривался их статус и общественное положение. Не могли изменения не коснуться и брака. Вот как описывает исторические изменения в семейно-брачном институте той эпохи Мирошниченко М. И.: «К 1920 г. традиционная система брачно-семейных отношений в Советской России уже претерпела революционные изменения. Брак из сферы церковного права стал сферой гражданского

права. Расширилась свобода женщин, были закреплены обязанности мужчин по материальному обеспечению совместных детей после развода. Нормами Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. был введен гражданский брак вместо церковного, представлена широкая свобода разводов» [19]. В данном контексте термин «гражданский брак» используется как брак, не освященный в церкви, но зарегистрированный в органах ЗАГСа. Необходимо отметить, что данная трактовка этого понятия существовала до момента, пока общепризнанным браком не стал брак, зарегистрированный в органах ЗАГСа, т.е. до конца тридцатых годов. Впоследствии, данный термин стал употребляться синонимично термину «сожительство».

В более поздние периоды, отмечались предпосылки, выявленные социологами. Так, С.И. Голод, говорил о том, что «еще в конце 1960-х годов профессор ЛГУ В.Т. Лисовский «засек», скорее неосознанно, начало изменений, происходящих с семьей в нашей стране. Он выяснял «жизненные планы ленинградской молодежи (ЖПМ)», при этом установил в числе прочих «встретить любимого человека (boy/girl friend): среди девушек таких оказалось 40,4% из общего числа опрошенных, среди юношей – 38,9% и «создать семью», соответственно 31,4 и 29,7%. Сопоставление двух ориентаций показало, что

встретить любимого/любимую и создать семью для одних и тех же респондентов – события не тождественные. Еще рельефнее эти различия выступают при сопоставлении первостепенных (по важности для человека) планов: 72,9% молодых людей (независимо от пола) поставили на первое место «встретить любимого(-ую) и только 38,9% – создать семью» [19]. Значит, уже в то время юноши и девушки не видели в каждом партнере будущего супруга/супруги, любовные отношения могли привести к заключению брака, но они ценны и сами по себе.

Само понятие «гражданский брак» было популярно для обозначения незарегистрированных союзов во второй половине XX века в научной и популярной литературе. В трудах русских ученых также встречаются такие понятия как: «пробный брак», «фиктивный брак» обозначая синонимичность данных понятий. Как отмечает Я.В. Беляева: «Отождествление любых сексуальных союзов с браком является попыткой их легитимации, что, по мнению Е.А. Вовк, является значимым показателем уровня культуры. С одной стороны, сожительство выглядит как тот же брак, только «приватизированный» и потому уже не предполагающий официальных свидетельств и брачных церемоний, а граница между браком и сожительством кажется подвижной и абсолютно «прозрачной». С другой стороны, сожительство выглядит как самоценный, альтернатив-

ный браку институт (в ряде случаев «трансформирующийся» в брак, в ряде случаев – нет), а граница между браком и сожительством кажется четко очерченной и довольно «закрытой» [13]. При этом необходимо отметить, что большинство исследователей отождествляет «незарегистрированный брак», «фактический брак», «гражданский брак» с правовым понятием «соительство», приводя его к понятию: «это проживание вместе двух не состоящих в браке людей противоположного пола». В данном случае не ограничивается время совместного проживания, однако некоторые ученые, например А.Р. Михеева, отмечают, что необходимая продолжительность совместного проживания составляет не менее двух лет [8].

Исходя из этих данных, можно заключить, что формирование предпосылок к формам совместной жизни, отличных от канонических – зарегистрированных семейно-брачных – произошло уже в СССР, а с приходом демократии и падением «железного занавеса», ускорением процесса феминизации и вообще стало приближаться к норме.

И в самом деле, сегодня уже никого не удивит тот факт, что молодые люди живут вместе и ведут совместное хозяйство, но при этом не регистрируют официально свои отношения. При этом все чаще подобные ситуации находят себя в среде студенческой молодежи.

Рассматривая особенности незарегистрированного брака в молодежной и студенческой

среде, Т.А. Долбик-Воробей пишет: «Отношение к такого рода семейным сожительством, а особенно среди молодежи, студенчества у ряда ученых неодинаково. По заключению А.И. Левина, сексуальная революция привела к эротизации брака, но одновременно и обесценила его. Половые контакты превратились в своего рода спорт, лишенный личностной вовлеченности. Но снятие запретов, культ секса влечет за собой утрату остроты переживания. То, что общедоступно, не может стать предметом страсти. Ломка традиционных норм сексуального поведения в условиях культа потребления обесценивает близость. В неформальных браках супругов связывают только взаимные чувства и устный договор» [4].

В то же время, цитируя И.С. Кона, Левин отмечает наряду с отрицательными сторонами фиктивного брака (нет прочности положения; нет прочности отношений таких союзов; наблюдается отсутствие социального статуса; невосприятие таких союзов большинством общества; нет защиты имущественных прав супругов и детей в таких браках) его положительные моменты: данные отношения в некой мере позволяют приобрести начальный опыт совместной жизни; такие отношения выгоднее ранних браков, которые в основной массе своей через 5-7 лет распадаются [5].

Немаловажным можно признать тот факт, что на принятие решения о женитьбе влияет и

сам процесс знакомства с партнером. В современном мире огромную часть социального взаимодействия молодежи занимает интернет-пространство. Процедуры общения и знакомства все больше уходят в виртуальную реальность, что накладывает непосредственный отпечаток на их ценностное восприятие. Различные социальные сети и сайты знакомств в сети Интернет создают своеобразный «рынок» людей, который характеризуется мимолетностью знакомств, идеализацией и частичной обезличенностью образов, возможностью осуществлять знакомство со многими людьми одновременно, преследуя одну и ту же цель, что приводит к обесцениванию самого знакомства. Интернет-знакомства не требуют ни физических, ни моральных усилий, они позволяют не бояться отказов и обесценивают тем самым объект знакомства. При этом, традиционные знакомства в реальном мире все больше уходят на второй план, уступая место более простым виртуальным знакомствам.

В дальнейшем, если знакомство после Интернет-общения состоялось в реальном мире и укрепилось, переросло в отношения между двумя молодыми людьми, первоначальные установки все равно не могут не оказывать влияния на восприятие отношений, что приводит к тому, что молодые люди не спешат связывать себя узами официального брака, предпочитая оставаться в «полусво-

бодных» отношениях брака незарегистрированного.

Обращаясь к российскому контексту рассмотрения «фиктивных браков», необходимо отметить их типологию. Так, Л. Шпаковская[13] выделяет три типа «фиктивных браков»:

Как альтернатива официально зарегистрированному браку. Основными показателями этого типа являются четкая выраженная дистанцированность от официального брака, во главу угла ставится качество отношений. Одним из немаловажных факторов также является необходимость собственного жилья. Наиболее распространен этот тип среди молодых людей, а также среди пар, проживших менее двух лет вместе.

Как подготовка к официальному браку. Характеризуется чертами «проверки» отношений на прочность, стремлением приобрести опыт совместного проживания и ведения хозяйства. Партнер оценивается с точки зрения совпадения по жизненным интересам и возможности построения крепких, долговечных отношений.

Как аналог брака. Данный тип характеризуется функциональным совпадением брачных отношений с официальным браком. Происходит более четкое само- и взаимоопределение, так, уже партнер в ситуации представления незнакомому человеку обозначается как муж/жена. Сам союз обозначается как семья. Очень вероятно рождение детей в таком браке.

Различные исследования, проводившиеся в регионах Рос-

сии, выявили особенности фактических браков и отношения к ним молодежи. Так, например, Т.Е. Смирнова [16] говорит о том, что большинство молодежи, проживающей в гражданском браке, не желает заводить детей, опасаясь расставания. Также, выделяется особая группа молодых людей, состоявших в официальных отношениях, но, после их распада, опасаясь повторения неудачи, ставших приверженцами фактических браков. В подобной ситуации, лишь треть из них способна снова оформить официальные отношения, более половины предпочитают сохранять неофициальные отношения.

Среди распавшихся пар выделяются такие характерные черты, как различия жизненных интересов, представления о способах организации досуга, различия в моральных, эстетических нормах, образе жизни.

Согласно исследованиям социолога В.А. Ядова «...во время первого года гражданского брака в официальный брак вступает только 18% пар, второго года - 20%, на третьем году совместной жизни только 17% пар идут подавать заявление в ЗАГС. По разным причинам, пары, живущие гражданским браком, расходятся чаще в первый год совместной жизни (20% пар), во второй — порядка 5 % пар» [18].

В рамках изучения отношения молодежи к незарегистрированному браку, Смирновой было проведено исследование [18] которое показало, что абсолютное большинство молодежи

считает такую форму отношений приемлемой не более чем на два года, что обуславливается представлением молодежи о незарегистрированном браке, как о «репетиции» брака зарегистрированного, также было отмечены такие важные преимущества незарегистрированного брака перед зарегистрированным, как отсутствие обязательств, возможность расставания без развода. В то же время, для брака зарегистрированного плюсами называются юридическая определенность и стабильность.

Одним из исследователей вопросов семьи и брака в России является Т.А. Долбик-Воробей, которая в рамках статьи «Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости» [4] рассмотрела исследования, посвященные незарегистрированным бракам, проводившиеся в конце XX века в России. Согласно данным этих исследований, такая форма брака, как сожительство, распространяется среди молодежи все активнее, и уже 60% среди опрошенных студентов допускают возможность незарегистрированных отношений, если между партнерами установились «тесные духовные отношения» [12]. Однако приоритетным для молодежи остается зарегистрированный брак.

Согласно проведенному Т.А. Долбик-Воробей опросу, 61% студентов зарегистрировали свои отношения, а 39% - так и остались в фактическом союзе. Можно сказать, что фактические браки нашли свою нишу в

представлении молодежи как предварительный этап официального союза, что связывают с более ранним психофизиологическим развитием, отсутствием особых ограничений в трансляции СМИ соответствующих ориентаций, а также с ослаблением сексуального контроля над подростками в семьях.

Подобные факторы обуславливают более раннее вступление в брачные отношения женщин, по сравнению с мужчинами, причем в процентном соотношении эти показатели идентичны как среди официально зарегистрированных, так и среди фактических браков, а также присущи в большей степени студентам. В общем и целом, научным сообществом фактический брак осуждается, по-

скольку, по мнению ученых, затрудняет переход от концентрации на своих делах к потребностям и проблемам других членов семьи, прежде всего детей. Отмечается также, что отсутствие обязательств в несемейном хозяйстве, также может быть перенесено на жизнь в зарегистрированном браке.

В заключение необходимо сказать о том, что трансформация института семьи, ценностных ориентаций молодежи, делает вопросы незарегистрированного брака особо важными. Такая форма отношений часто предшествует официальному браку, и от того, какой опыт будет приобретен в ее рамках, будет зависеть и успешность официального брака. Все это обуславливает необходимость

Библиографический список

1. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек // Пер. с нем. М., 2000. – С. 143.
2. Волжина, О. И. Семья как социокультурная ценность / О.И. Волжина. – М., 2001. – 229 с.
3. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – С.-П., Изд-во «Петрополис», 1998 г. – 287 с.
4. Долбик-Воробей, Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. – 2003. – №11. – С.54–67.
5. Левин, А.И., Левина Л.В. Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу / А.И. Левин. – Курск: Кур. ин-ут соц. образования (фил.) МГСУ, 2001. – 187 с.
6. Мацковский, М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики / М.С. Мацковский. – М., Наука. – 1989. – 345 с.
7. Мирошниченко, М.И. Содержание первой Советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», Т.15 №1. – Челябинск: 2015. – С. 9–12.
8. Михеева, А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты / А.Р. Михеева. – Новосибирск. 2001. – 74 с.
9. Москвичева, Н.Л. Семья // Социологический словарь. Академический научно-учебный центр РАН-МГУ. – М, изд-во Норма. – 2008. – 378 с.

10. Осипов, Г.В. / История западной социологии История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов // Ред.кол.: Г.В.Осипов (отв. ред.), Л.Г.Ионин, В.П.Кулыгин; Ин-т соц.-полит, исслед. РАН. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М, 1999 // URL.: [http://http://socioline.ru/node/354](http://socioline.ru/node/354)
11. Осипов, Г.В. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 481с.
12. Полутин, С.В. Молодежь в системе социального воспроизводства: социол. Анализ / С.В. Полутин.– Саранск: Изд-во Мордовского Университета. – 2000. – с. 125.
13. Практики и идентичности: гендерное устройство. Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 2010. – с. 27–68.
14. Смирнова, Т.Е. Исследование отношения молодежи к гражданскому браку [Текст] / Т.Е. Смирнова, М.В. Данилова // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 1021–1024.
15. Солодников, В.В. Социально-психологическая и социологическая парадигмы в исследовании семьи // Социологические исследования. – 1994. – №4. – С. 32-45.
16. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. – М.: Мысль, 1979. – 234 с.
17. Харчев, А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы / А.Г. Харчев. – М., 1987. – 310 с.
18. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М.: ОМЕГА-Л, 2007. – С. 133–134.
19. Яненко, О. Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», Т.15 № 1. – Челябинск: 2015. – С.21–27.

УДК 94(470)“1808/1809”

Мейер Э. Е., Тимофеев А.А.

Советская историография русско-шведской войны 1808–1809 годов

Рассматривается проблема советской историографии русско-шведской (Финляндской) войны 1808–1809 гг., как отдельного вида источников о войне 1808–1809 гг., самобытного слоя в отечественной историографии, обладающего своими особенными чертами. Проводится анализ ряда научных работ советского периода, предоставляется их краткая характеристика.

Ключевые слова: русско-шведская война 1808–1809 годов, покорение Финляндии, советская историография, советская историческая наука.

Мейер Э.Е., студентка Южно-Уральского государственного университета

Тимофеев А.А., заместитель декана Исторического факультета, кандидат исторических наук, доцент, e-mail: 2679101@mail.ru

UDC 94(470)“1808/1809”

Meye E., Timofeev A.

Soviet historiography of the finnish war 1808–1809

This article raises the problem of Soviet historiography of Russian-Swedish (Finnish) War of 1808-1809, as a separate source of the war of 1808–1809, the original layer in the national historiography that has its own special features. Carries the analysis of the scientific works of the Soviet period, gives their brief characteristics, and determines the object of attention of historians.

Keywords: Russian-Swedish War of 1808–1809, the conquest of Finland, Soviet historiography, Soviet historical science.

Meye E., student of the South Ural State University.

Timofeev A.A., associate professor, History department? South Ural state university. e-mail: 2679101@mail.ru.

Актуальность поднимаемой проблемы Финляндского похода Русской армии 1808–1809 годов обусловлена низким уровнем «известности» данного события. Даже увеличение общего интереса к Наполеоновским войнам, в связи с празднованием двухсотлетнего юбилея почти не затронуло русско-шведскую войну 1808–1809 гг., которой было посвящено несколько статей. Должного внимания эта кампания не получила и тогда, когда отмечалось 75-летие советско-финской войны 1939–1940 гг., такой же «неизвестной». Хотя, можно сказать, что именно во времена этих конфликтов складывается феномен обоюдного взаимодействия народов России и Финляндии, причем война 1808–1809 годов оказала заметно большее влияние на этот процесс. Это влияние выразилось в формировании определенных элементов исторической памяти, которые прочно вошли в самосознание обоих народов, определивших политику обеих стран друг к другу после выхода Финляндии из состава Российского государства в начале XX века.

Научная новизна данной работы состоит в изучении работ советских исследователей покорения Финляндии как отдельного вида источников о войне 1808–1809 гг., самобытного слоя в отечественной историографии, изучении мнения историков об описываемых ими событиях и влиянии их на дальнейшее развитие русско-финских отношений. Поэтому необходимо

определить, на чем они концентрируют свое особое внимание при изучении событий 1808–1809 гг., что позволит в дальнейшем найти ответы на вопрос о причинах «незнаменитости» данного конфликта в советской историографии, его непопулярности в обществе и в научной среде.

После начала Первой мировой войны в 1914 году исследование русско-шведской войны 1808–1809 годов было остановлено, и не возобновлялось вплоть до середины XX века. Некоторые современные историки связывают это падение интереса с отделением Финляндии от России в 1917 году, и со случившимися в самой России переменами, как в политической, так и в научной сфере [3, с.122]. Одним из таких нововведений стало появление мощного идеологического аппарата, под который подстраивалась советская историческая наука. Это накладывало мощные отпечатки на работы историков и круг их научных интересов. Иными словами, в советский период историческая наука была поставлена под контроль особой системы государственного управления, сложившегося в стране [1, с. 9].

Интерес к Наполеоновским войнам в целом и к русско-шведской войне 1808–1809 годов в частности стал «просыпаться» к концу первой половины XX века. Как пример первой работы, посвященной покорению Финляндии, современные исследователи И.Р. Такала, И.М. Соломеш выделяют работу полковника Г. Захарова «Русско-

шведская война 1808–1809 гг.), которая вышла в свет сразу после завершения советско-финской войны 1939–1940 годов и была адресована командному составу РККА. По сути это была переработка труда дореволюционного историка П. Ниве, измененная под новые условия и идеологические рамки, где указывался захватнический характер войны, её империалистический характер и невыгодность для российского общества [7, с. 69]. Появление издания после советско-финской войны 1939–1940 годов дало последующим исследователям повод для сравнения между собой этих конфликтов.

После издания труда Г. Захарова «Русско-шведская война 1808–1809 гг.» наступил второй перерыв в исследовании событий 1808–1809 годов, который продлился до начала издания в конце 1950-х годов цикла статей петрозаводского историка И.И. Кяйваряйнена, посвященных истории Финляндии начала XIX века. Именно с этого момента, как считают некоторые современные исследователи, начался новый период исследования русско-шведской войны 1808–1809 годов [3, с. 122]. Конечно, ученые не выходили за рамки, выставленные идеологическим аппаратом государства. Однако заметно, что статьи, посвященные русско-шведской войне 1808–1809 гг., как и все научные работы советского периода, не подвергался серьезному государственному контролю, который обычно не вмешивался в структуру и внутрен-

нюю жизнь науки, поэтому какой-то определенной восприимчивости к внешнему давлению в работах историков нет [1, с. 9].

В своих статьях И.И. Кяйваряйнен критикует тезисы шведских, финских и советских историков, касающиеся развязывания вооруженного противостояния и его итогов для России и Финляндии. Для аргументирования своего мнения автор использует архивные документы и работы российских дореволюционных и советских исследователей, а также историков из стран Северной Европы. И.И. Кяйваряйнен акцентирует внимание читателя на отсутствие интереса к присоединению Финляндии в российской и советской исторических науках, немногочисленности авторов занимающихся «рассматриванием северных аспектов наполеоновской политики» [2, с. 6].

Примерами критики своих предшественников можно считать опровержение И.И. Кяйваряйненом бытовавших в советских учебниках по истории России и работах финских и шведских авторов тезисов о зависимости российской внешней политики от желания французского императора Наполеона после заключения Тильзитского соглашения 1807 года. Автором также рассматривался вопрос и об отрицательном влиянии на дальнейшее развитие Финляндии её присоединения к России в 1809 году.

При опровержении тезисов о дипломатической зависимо-

сти России перед Францией подмечается смена формата «обуздания наполеоновской агрессии», переход от вооруженной борьбы к «мирной дипломатии» [2, с. 6]. Как доказательство И.И. Кяйваряйнен использует многочисленные факты из взаимоотношений двух государств после заключения Тильзитского договора 1807 года, в частности, касающиеся конгресса в Эрфурте 1808 года. Для аргументирования своей позиции о благотворном влиянии присоединения Финляндии к России для развития Финляндии автор сравнивает довоенное и послевоенное состояние края.

Работы И.И. Кяйваряйнена привлекли внимание советских исследователей к проблеме изучения Финляндской войны 1808–1809 годов. Через десять лет после издания работ И.И. Кяйваряйнена появляются работы других авторов, посвященные русско-шведским отношениям времен Наполеоновских войн.

Одним из них является историк В.В. Рогинский, который начиная с 1975–1976 годов и по настоящее время, написал цикл статей, посвященных взаимоотношениям России и Швеции после Тильзитского договора 1807 года и до нападения Наполеона на Россию в 1812 году, при этом уделяя внимание, в основном, дипломатическому аспекту взаимоотношений двух государств.

В.В. Рогинский, подобно И.И. Кяйваряйнену, утверждает, что отторжение Финляндии от Швеции не повлияло отрицательно на состояние Шведского госу-

дарства, гораздо более серьезным изменением было свержение Густава IV и становление конституционной монархии в Швеции [4].

В статье «Союз России и Швеции перед Отечественной войной 1812 года» он указывает на быстрое изменение настроений в шведском обществе от реваншизма до восстановления дружбы между государствами, выразившееся в сохранении нейтралитета Швеции во время вторжения Наполеоновской армии в пределы России. Для аргументации своих утверждений В.В. Рогинский использует многочисленные описания финских и дореволюционных историков, переписку Карла XIV Юхана с женой, в которой король пишет о несостоятельности и нецелесообразности новой войны с Россией [5, с.161]. При этом подмечается быстрое развитие финляндских земель в составе российского государства после войны.

В.В. Рогинский также провел и анализ серийной публикации «Внешняя политика России XIX и XX века», о взаимоотношениях России и Швеции в период с 1801 по 1815 гг.

В это же время Санкт-Петербург и Петрозаводск становятся своеобразными центрами изучения истории Северной Европы и её взаимоотношений с Российским государством в разные исторические периоды, в том числе и в период Наполеоновских войн. Проводятся мероприятия для популяризации событий 1808–1809 годов в научно-исследо-

вательской среде и проводятся исследования различных аспектов данных событий.

В советский период изучение событий 1808–1809 годов ведется на основе систематизации сформулированных ранее А.И. Михайловским-Данилевским и другими дореволюционными историками подходов. Происходит рассмотрение различных аспектов войны в более узком виде и формируется новый усредненный взгляд на события 1808–1809 годов, основанный на критике различных, ранее изданных работ.

Родоначалником такого взгляда стал уже упоминавшийся петрозаводский историк И.И. Кяйваряйнен. Начиная со второй половины XX века, издается большое количество статей, разбирающих различные аспекты покорения Финляндии и связанные с ним темы с целью более детального рассмотрения северного направления Наполеоновских войн. Однако следует отметить, что отличительной чертой постреволюционного периода в отечественной историографии войны 1808–1809 годов является то, что, несмотря на создание благоприятных условий для изучения темы, мы можем наблюдать практически полное отсутствие исследований, посвященных анализу самой войны непосредственно при создании фундаментальной монографии, написанной историками разных стран с целью более объективного анализа событий 1808–1809 годов [6]. В этот период исследователей стала более заботить не сама

военная кампания, а её влияние на развитие Финского края, на дальнейшие взаимоотношения финского и русского народов.

Очевидно, что материалы советской историографии Финляндского похода 1808–1809 гг. содержат богатейший ресурс для исследователя. Так сопоставляя советскую и дореволюционную историографию, можно проследить определенные тенденции, например, после 1917 года, когда не вышло ни одного описания войны 1808–1809 гг. и когда на смену им пришли научные статьи, поднимающие проблемы, далекие от собственно военных действий.

В настоящее время для более удобного изучения формируются определенные центры исследования истории Финляндии и войн, в частности в этом регионе. Начинается рассмотрение конфликта 1808–1809 гг. через его итоги для Финляндии, России, Швеции и их последующих взаимоотношений. При этом можно заметить явную поляризацию взглядов между сторонниками различных позиций, причем ни одна из сторон не оспаривает героизм русских солдат. Оспаривается лишь «нужность» и «польза» нового приобретения, как для края, так и для России. Для доказательства своих взглядов в научный оборот вводятся новые источники и пересматриваются старые. Несмотря на определенные идеологические рамки, в которых действовали исследователи, они всеми силами стараются прийти к объективному выводу о кампании 1808–1809 гг., и

её влиянии. Этот взгляд, сохранившийся в отечественной историографии и поныне, способен помочь в поисках ответов

на различные вопросы, поднимаемые при изучении темы Финляндского похода русской армии в 1808–1809 годах.

Библиографический список

1. Балакин, В.С. Советская наука в конце XX века: исторические уроки сопротивления и восприимчивости ученых к воздействию внешнего социокультурного фактора [Текст]: статья / В.С. Балакин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», Т.13 № 2. – Челябинск: 2013. – С. 9–12.
2. Кяйвяряйнен, И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 году [Электронный ресурс]: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи) / И.И. Кяйвяряйнен. – Л.: 1965. – 37 с. // URL.: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kyaveryainen.pdf>.
3. Приходько, Н.И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии [Электронный ресурс]: статья / Н.И. Приходько // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции 25–26 апреля 2001 г. – СПб.: 2002. – С. 117–124 URL.: // http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Prihodko_00.pdf.
4. Рогинский, В.В. Россия и Скандинавские государства в 1801–1815 гг. [Электронный ресурс]: статья / В.В. Рогинский // Скандинавский сборник. – 1976 – XXI. – С. 227–235 // URL.: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Roginsky_01.pdf.
5. Рогинский, В. В. Союз России и Швеции перед Отечественной войной 1812 г. [Электронный ресурс]: статья / В. В. Рогинский // Новая и новейшая история. – 1974. – № 3. – С.160–168. // URL.: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Roginsky_00.pdf.
6. Рогинский, В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 года [Электронный ресурс]: монография / В.В. Рогинский. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 173 с. // URL.: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Roginsky_04.pdf.
7. Такала, И.Р., Соломеш, И.М., «Неизвестная война?» Два Века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов [Электронный ресурс]: статья / И. Р. Такала, И. М. Соломеш // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 66–72 // URL.: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Takala-Solomesh.pdf>.

УДК 323.21

Некрасов А.А., Гутенев М.Ю.

Свобода человеческой личности в философии Н. А. Бердяева

В статье рассматривается понимание Н. А. Бердяевым понятия свободы человеческой личности. Н. А. Бердяева в основе философии видит не Бытие, а Свободу. Основные понятия его философии – это Свобода, Личность, Творчество. Исследуются понятия, которые лежат в основе мироощущения Н. А. Бердяева. Свобода по Н. А. Бердяеву исходна и она является определяющей реальностью всего существования Человека.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, философия, свобода, творчество.

Некрасов А.А., студент, Южно-Уральского государственного университета

Гутенев М.Ю., доцент кафедры политологии, Южно-Уральский государственный университет, кандидат философских наук. Область научных интересов: философия, политическая философия, теория шахматной игры E-mail: m.gutenev@mail.ru

UDC 323.21

Nekrasov A. A., Gutenev M.Y.

Freedom of the human personality in philosophy N. A. Berdyaev

The article deals with N. A. Berdyaev's understanding of the notion of freedom of the human person. N. A. Berdyaev the philosophy sees not Being, and Freedom. The basic concepts of its philosophy is Freedom, Identity, Creativity. The articles describes the concepts that underlie attitude N. A. Berdyaev. Freedom by N. A. Berdyaev is source and it is the defining reality of all of Human existence.

Keywords: N.A. Berdyaev, philosophy, freedom, creativity.

Nekrasov A. A. student of South Ural State University

Gutenev Maxim Yurevich, Associate Professor of the Department of the Political Science, South Ural State University, Candidate of Philosophical Science. Research interests: philosophy, political philosophy, theory of chess game, E-mail: m.gutenev@mail.ru

Одной из главных проблем, которую ставит Н. А. Бердяев в своей философии – это смысл существования человека и связанный с ним смысл бытия вообще. По мнению Н. А. Бердяева, решением данной проблемы может служить только антропоцентрический подход, то есть смысл Бытия вообще можно обнаружить только через познания смысла собственного существования Человека. При этом такое осмысленное существование можно достичь только через истину, которую Человек постигает через бегство от мирского, а также через творчество, посредством которого человек перестраивает мир культурой.

Н. А. Бердяева можно назвать сторонником индивидуалистических ценностей. Он говорит в своих работах о персоналистическом характере своей политической философии. По его мнению, философия должна решать проблемы реальности и свободы только через проблему личности и только на основе её решения. Для Н. А. Бердяева личность не является частью общества, а наоборот, общество представляет собой один из аспектов содержания личности. Даже космос не содержит в себе личность, а является лишь её частью. Не смотря на то, что вышеназванный тезис характерен для многих философов-экзистенциалистов, у Н. А. Бердяева этот тезис носит не характер трагедии человеческого существования. Его интересует свобода личности Человека и

его Творчество[12]. Вообще, свобода у Н. А. Бердяева первична. Она первичнее Бытия. Своеобразие философии Н. А. Бердяева состоит в том, что он в основе философии видит не Бытие, а Свободу. Основные понятия его философии – это Свобода, Личность, Творчество. Именно эти понятия лежат в основе мироощущения Н. А. Бердяева[6]. Свобода по Н. А. Бердяеву исходна и она является определяющей реальностью всего существования Человека. Свобода не из чего не выводится и нельзя этого сделать. В ней лишь можно пребывать с Начала. Свобода – иррациональная величина, она появилась из Ничего, это первичный принцип. Человеческая свобода существовала уже тогда, когда не было ни Бога, ни мира.

Кроме того, Н. А. Бердяев поднимает проблему соотношения зла, существующего в мире с существованием всемогущего Бога. Данная проблема тесно связана с понятием свободы. При этом Н. А. Бердяев считает, что трудно соотнести зло с Богом. Данный тезис Н. А. Бердяев считает обоснованием того, что Бог не создавал свободу, а она появилась до него. Свобода появилась в каком-то первоначальном источнике, ключе Бытия, из которого течет вечный поток. Именно в этом потоке происходит Богорождение. Таким образом, Бог появился из свободы и действует только через неё.

Этим объясняется наличие зла в мире, а также определяется свобода человека и по отно-

шению к миру, и по отношению к Богу. Как мы видим, данная концепция трудно соотносится с пониманием Бога как всемогущего и абсолютного существа. Так как Бог не создавал свободу, то он и не обладает властью над ней. Свобода одинаково соотносима как с добром, так и со злом, что обуславливает одинаковую возможность свершения и добра, и зла. И если Бог-Творец всемогущ над бытием, но, при этом, не обладает властью над свободой, его создавшей. Зло является порождением первичной свободы, свободы, существовавшей до появления Бога. Н. А. Бердяев отвергает христианскую идею о том, что источник зла содержится в самом человеке. У Н. А. Бердяева добро и зло являются порождением первичной свободы, которая абсолютна и одинаково отделена и от Бога, и от Человека. Всё вышесказанное открывает путь гармонизации бытия через творчество. При этом Н. А. Бердяев творчество также выводит из свободы. Основой новой эпохи, о которой будет сказано ниже, является противоборство творчества и зла[11].

Если брать не религиозную, а общефилософскую сторону учения Н. А. Бердяева, то он считает, что субъективное (личность) всегда находится в состоянии противоборства с общим и объективным. Вообще, личность восстает против объективированного общего. В связи с этим Н. А. Бердяев использует понятие объективации. Под этим термином можно понимать трансформацию духа в Бытие,

Вечности во Время, субъекта в объект, то есть порождение искусственного мира явлений, где результаты духовной деятельности человека приобретают осязаемую форму пространства и времени и, соответственно, начинают подчиняться причинно-следственной связи законам формальной логики. Из этого можно заключить, что объективной реальности не существует. Это просто иллюзия сознания, результат объективации реальности. Объект является порождением субъекта. Сущность реальности познается только через субъект, то есть экзистенциален лишь субъект.

Как уже говорилось, у Н. А. Бердяева свобода первична по отношению к бытию. Бытие же вторично, оно вынужденно, то есть является уже объектом. Объективацию Н. А. Бердяев сравнивает с грехопадением – отчуждением человека от Бога, в результате чего происходит падение субъекта в зависимость от объекта. Если мир находится в падшем состоянии, то это не результат способа познания, проблема лежит глубже, в глубинах Бытия. Происходит процесс разложения и отчуждения субъективного мира. Объективация проходит не только в сфере познания мира. Она происходит, прежде всего, в самом бытии. Объективация порождается не только познающим субъектом, но и субъектом бытийствующим (грубо говоря, живущим). В результате объективации нам кажется первичным то, что на самом деле является вторичным, объективиро-

ванным. Результатом объективации является также то, что человек начинает сомневаться в том, что реальность может быть нерациональной, первичной, то есть необъективированной. Именно эта первичность и её осознание является у Н.А. Бердяева главной задачей философии, так как именно творчество, являющееся составной частью первичности и является ключом к решению проблемы свободы человека.

Н.А. Бердяев говорит о том, что необходимо свергнуть власть объективации, разрушить природную необходимость, освободив тем самым субъект (личность) и прийти к иному, духовному, миру. Это явление Н.А. Бердяев называет персоналистической революцией [4].

Свобода же у Н.А. Бердяева трагична, так как она составляет сущность человека, то есть является его обязанностью. Фактически человек является рабом свободы. Н. А. Бердяев считал, что свобода является скорее бременем, чем благом. Поэтому у человек несет ответственность за свои поступки и за происходящее в мире в целом. Свобода человека независима изнутри и является элементом, определяющим личность. При этом свобода не представляет собой выбор между добром и злом, она является созидающим фактором по отношению и к добру и к злу. Чувство выбора у отдельного человека создает угнетенность человека и иллюзию несвободы. Освобождение от этого чувства наступает, когда он делает выбор в пользу творче-

ского (Божественного) пути. Мы можем видеть, что свобода представляет собой большую трудность для человека. Даже в случаях обычного политического выбора или выбора поступков и убеждений возникает огромная ответственность, тяжелая и неприятная обязанность. Отчуждение от любой свободы и создаёт легкость. И если любая свобода приносит страдание, то отказ от неё приносит радость. Люди отказываются от своей свободы во имя облегчения своей жизни.

Н.А. Бердяев считал, что Бог требует свободы от человека, а не наоборот. Именно в этом заключается идея богоподобия человека у Н. А. Бердяева. В свете вышесказанного можно сказать, что большинству народа не нужна свобода, они её не добиваются. Она нужна лишь меньшинству, поэтому свобода аристократична, она удел избранных.

Обобщая взгляды Н.А. Бердяева на свободу личности, можно сказать, что личность выступает центром мироздания, который люди находят через осознание независимости и бесконечности человеческой иррациональной природы, через всеобъемлющий дух конкретного человека. Но сама свобода неоднозначна. Её даёт человеку и Бог в виде просветленной, доброй свободы через прекрасное, красоту, истину, вечность. С другой стороны свободу даёт и надбожественное ничто, содержащее возможность отказа от Бога и перехода к злой неправедной свободе.

Вообще у Н.А. Бердяева философия свободы тождествен-

на философии богочеловека. Идея богочеловека характерна для русской философской мысли. В основе её лежит идея о единстве божественного и человеческого в Иисусе Христе. Например, у Соловьёва это отражено в «видении целостности, всеединства мира, божественного космоса, в котором нет отделения частей от целого, нет вражды и раздора, нет ничего отвлеченного и самоутверждающегося» [3].

В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьёв отмечает, что основа христианства – это не просто, даже не столько, вера в Бога, сколько раскрытие сущности божественного в человеке [8]. Н.А. Бердяев этот тезис связал с творчеством. Вообще, творчество тесно связано у Н.А. Бердяева с идеей богочеловека, даже является частью основной темы христианства. Идея Бога является величайшей идеей человека и наоборот. Человек желает рождения в нем Бога. Бог также ждет рождения в нем человека. Это очень смелая мысль Н. А. Бердяева, учитывая что согласно ей Бог нуждается в человеке, в его ответе на себя и в его творчестве. Но без этой идеи пропадает всякий смысл концепция Богочеловека. Именно Иисус Христос прекратил всеобщий диктат Бога, так как он призван на Небо для участия в Божественной жизни, будучи наполовину человеком, хотя и наполовину Богом. То есть управление бытием становится богочеловеческим[1]. Таким образом, мировой процесс развития состоит из творче-

ства, то есть из воссоединения человека с Богом, то есть развитие это творческий процесс, постоянно развивающийся, а не ведущий к изначальному положению.

Для преобразования и обожествления есть только один путь – достижение полной свободы, но с сохранением любви к Богу. Но такое преобразование невозможно совершить принудительно. Свобода также предполагает свободную любовь к Богу от человека. В связи с этим Н. А. Бердяев называет христианство религией свободы. Как и у Соловьёва, у Н.А. Бердяева вера в Бога – это не почитание и соблюдение церковных канонов, а стремление к божьему царству на Земле и лишь ради этого нужно чтить заветы Иисуса Христа и соблюдать церковные каноны, всё это ведет к духовной свободе человека. Для достижения Царства Божьего, как уже говорилось, необходимо творчество. Последний этап истории перед Пришествием будет этапом творчества. Это будет эпоха Духа. Именно в ней христианская религия обретет всю свою силу и станет подлинной религией Богочеловека. Эпохой Духа эпоха будет называться из-за того, что полное соединение Бога и Человека возможно только через проникновение Святого Духа в культуру и историю[1].

В связи с вышесказанным есть вопрос, связанный с индивидуальной судьбой в вечности. Для Н. А. Бердяева растворение личности в безликом Боге – это невозможность и прямое проти-

вопоставление идее христианства. Тайна христианства это тайна Богочеловека, тайна столкновения двух природ с их соединении, но не растворении одного в другом. Человек, как индивидуальная личность, не исчезает, он оставит себе свою человечность и в вечности.

Вышеописанный путь к Божественному через творчество и ведет к утверждению свободы личности[3]. Но при этом, человечество, оторванное от Бога и отвергшее Христа, перестает быть человеческим и перерождается в бесчеловечных существ.

Концепция христианства Н. А. Бердяева антропологична, основой её является идея богоподобия человека и очеловечивание Бога. Через Христа человек призван к участию в творчестве Бога, а, в связи с этим, история человека становится продолжением сотворения мира Богом. В этом таится возможность познания божественного плана истории, но при этом не гасится возможность полной индивидуальности человека.

Персоналистическая революция, которую мы упоминали ранее, имеет свои корни в творчестве, базовой становится идея о том, что человек продолжает миротворение совместно с Богом. Вообще христианский творческий антропологизм получил своё развитие и развёрнутое выражение в работе «Смысл творчества», в основе которой лежит идея о творчестве как задачи человека по отношению к Богу и религии.

В этом произведении Н. А. Бердяев ставит вопрос соотно-

шения творчества с грехом, с искуплением, а также вопрос оправдания человека творческого и посредством творчества. Н. А. Бердяев считает, что творчество оправдывает человека. Начало человеческого творчества – это третий этап развития, после него следует творческий религиозный этап. Это Третье откровение после Ветхого и Нового Заветов. Нынешнее христианство умирает также, как мертвел Ветхий Завет после прихода Христа. При этом третье откровение не придет само, его совершит сам человек, это станет результатом развития его свободы в творчестве. Целью творчества является поиск смысла Всего, который всегда находится вне доступной человеку области. В этом случае творчество само становится религией, а не должно искать оправданий в религии. Именно через творчество нужно прорываться к зачаткам смысла через бессмысленность. Смысл сам по себе является огромной ценностью, в связи с чем всякое стремление к творчеству ценно. Творчество являет собой особый мир, он продолжает сотворение мира, уподобляет Человека Богу и делает человека подлинным Богочеловеком.

По мнению Н.А. Бердяева, вся прелесть творчества состоит в том, вся его идеальность – это замысел Творца по использованию первозданной свободы человеком. Свобода есть в каждом существе, созданном по образу и подобию Божьему. В этом заключается полное совершенство плана творения Бо-

жьего и человеческого [1]. Богоподобие человека состоит в том, что он способен творить.

Но также отдельно оговаривается тот момент, что творческая деятельность выполняется не по желанию человека, это великая обязанность человека. Бог ищет в творческом акте человека ответа на собственный творческий акт сотворения человека. О творчестве человека можно сказать тоже, что и о его свободе, то есть она абсолютна. Свобода человека является собой требование Бога от человека и это требование является благодарностью и обязанностью человека по отношению в Богу [2].

Очевидно, что эти вещи взаимосвязаны и творчество невозможно без свободы. Для творчества человек должен иметь осознанную собой свободу. Творчество нельзя оторвать от свободы. Даром творчества может овладеть лишь овладевший свободой и осознавший свою свободу. Необходимость порождает за собой лишь эволюцию, творчество рождается только из свободы.

В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной

этики» (1931) Н.А. Бердяев утверждает, что не только этика искупления, но также этика творчества есть путь в царство небесное. Смысл сотворения Человека Богом Н.А. Бердяев видит именно во творчестве. Ввиду того, что христианство представляет собой религию спасения, спасение это возможно только через творчество.

Творчество представляет собой творчество из ниоткуда, из ничего, то есть из свободы. Но, очевидно, что творчество не может твориться в нематериальном мире. Человеку доступен лишь материальный мир, но он не должен этим миром ограничиваться. Свободу в творчестве Н.А. Бердяев видит как творческий акт, в котором его итог не ограничивается материалом, данным этим миром, а в нем присутствует нематериальная новизна, которую нельзя увидеть или почувствовать через органы осязания нашего мира. Именно это и является свободой в творческом акте, то есть признаком подлинного творческого акта. Свобода, входящая в этот акт не определена ни Богом ни миром. То есть подлинное творчество это и есть свобода чело-

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Русская идея \ Судьба России \ Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: Сварог и К, 1997. – 615 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: Сварог и К, 1997. – 542 с.
3. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев, М.: Наука, 1990. – 224 с.
4. Бердяев, Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии/, М. Канон+, 1998. – 218 с.
5. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев, М.: Канон+, 1998. – 480 с.
6. Бердяев, Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – Харьков, ЭКСМО-Пресс, 1998. – 336 с.
7. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. - Харьков: ИМАпресс, 1990. – 125 с.
8. Соловьев, В.С. Чтения о богочеловеке Сочинения/ В.С Соловьёв // Сочинения в двух томах. – М.: Русская философия, 1988. – т. 2 – с. 160- 215
9. Нерсесянц, В.С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М; Норма, 1999. – 456 с.
10. История политических и правовых учений/ под ред. В.С. Нерсесянца, М.: Высшая школа, 1998. – 381 с.
11. Лосев, А.Ф. Русская философия/ Лосев А.Ф., М., 1991. – 460 с.
12. Лосский, Н.О. История русской философии. / М.: "Высшая школа", 1991. – 380 с.
13. Философская энциклопедия. / под редакцией В. Кемерова. - М.; Панпринт, М.;1998 г. – 860 с.
14. Новикова, М.В. Бердяев о православном персонализме / М.В. Новикова // Человек. – 2003. – №4. – С. 123–127.
15. Кузнец, А.М. Россия в поисках национальной идеи / А.М. Кузнец // Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 177–179.
16. Жуков, Н.А. Николай Бердяев о свободе как источнике творческой активности / Н.А. Жуков // Философские исследования. – 2008. – № 3. – С. 133–148.
17. Глимак Е.Г. Русская идея Бердяева как наследие русской интеллигенции / Е. Г. Глимак, Т.Е. Собурова // Вопросы философии. – 2006. – №9. – С. 84–101.
18. Ушинский, К.Д. Н.А. Бердяев: духовность как нравственная основа личности / К.Д. Ушинский // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 77–82.

УДК 94(470)

Цыбуля К.В., Батурин Л.М.

Политический портрет Екатерины второй в контексте антропологической идентичности

Екатерина II была довольно сложной и незаурядной личностью, сочетавшей в себе разнообразные интересы и увлечения. В статье рассматриваются особенности политического портрета Екатерины II, российской императрицы, показана роль домашнего воспитания, которое сформировало многие черты ее личности. После приезда в Россию, Екатерина II продолжила совершенствовать свое образование, начав изучать русский язык, историю России, православие, а также русские традиции и культуру. Опираясь на приобретенные знания и личные качества, Екатерина II показала себя тонким психологом и прекрасным знатком людей. Она умело подбирала себе помощников, отличалась огромной работоспособностью, силой воли, и наряду с этим хитростью и неограниченным честолюбием, что позволило ей длительное время возглавлять российский престол.

Ключевые слова: политический портрет, фаворитизм, физическая антропология, психологический портрет, деспотизм, законодательные и административные реформы, «екатерининская эпоха».

Ксения Цыбуля - студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Политология».

Батурин Леонид Михайлович, кандидат исторических наук (1987), доцент, кафедра политологии, Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: мировая политика, международные отношения, российско-германские отношения. E-mail: leo-pol@inbox.ru.

UDC 94(470)

Tsibulya K.V., Baturin L.M.

Political Portrait of Catherine II in the Context of anthropological Identity

The article deals with the peculiarities of the political portrait of the Russian empress Catherine II and the role of her home upbringing, which formed many of her traits. It is described that Catherine II had a very complicated and outstanding personality combining different interests and passions. After arriving in Russia, Catherine II went on improving her education studying Russian, Russian history, Orthodoxy as well as Russian traditions and culture. Guided by the obtained knowledge and personal qualities Catherine II distinguished herself as a delicate psychologist and showed wonderful skills in judging character. It is also noted that she was good at choosing her helpers, worked hard, had a great will-power along with cunning and unlimited ambition, which allowed her to stay on the Russian throne for a long time.

Keywords: political portrait, favoritism, physical anthropology, despotism, legislative and administrative reforms, "Catherine's epoch".

Ksenya Tsybulya - a student of the South Ural State University, department of Political Science.

Baturin Leonid Mikhailovich is a Candidate of Historical Science (1987), an associate professor of the Department of Political Science of South Ural State University. Research interests: world politics, international relations, Russia-Germany relations. E-mail: leo-pol@inbox.ru.

Екатерина II как политик, как интересная личность всегда привлекала, привлекает и будет внимание политиков, дипломатов, историков. В истории редко можно встретить женщину, столь способную к управлению делами государства.

Екатерина II соединяла в своем лице два мелких княжеских дома Германии, а если быть точнее, то северо-западной Германии. Эта Северо-Западная Германия представляла в 18 веке очень любопытный уголок Европы. Здесь средневековый немецкий феодализм донашивал тогда сам себя, свои последние династические регалии и генеалогические предания. По отцу Екатерина принадлежала к ангальт-цербстскому роду, по матери – голштейнгот-торпскому, одному из многочисленных княжеских родов Северной Германии. Отец Екатерины, Христиан Август, был на службе полковым командиром у прусского короля, комендантом, а потом губернатором города Штеттина, неудачно баллотировался в курляндские герцоги и закончил свою службу прусским фельдмаршалом, возведенный в это звание по протекции русской императрицы Елизаветы. 21 апреля 1729 года у него родилась в Штеттине Софья-Августа, в будущем наша Екатерина Великая.

Екатерина Алексеевна родилась в скромной обстановке прусского генерала из мелких немецких князей и росла резвой, шаловливой, даже бедовой

девочкой, любившей попроказить над старшими и щегольнуть отвагой перед мальчишками. Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами. Екатерина могла только благодарить судьбу за то, что мать редко бывала дома: в воспитании детей штеттинская комендантша придерживалась простейших правил. Екатерина потом признавалась, что получила от матери пощечины за какой-нибудь промах.

Однако, несмотря на это, именно в Германии в Екатерину прочно были заложены основы бытовой культуры, благодаря которым ее на протяжении всей жизни воспринимали как человека, воспитанного в лучших западных традициях, отмечая ее хорошие манеры и вежливость. Что, по мнению историков, оказало плодотворное влияние на русское высшее общество. Уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется, чужой. Позднее она откровенно признается в своих записках, что русская корона ей больше нравилась. В январе 1744 года из Петербурга ее матери пришло приглашение приехать с дочерью в Россию. Екатерина уговорила родителей решиться на эту поездку, и уже в феврале они представились Елизавете Петровне в Москве. Сразу же как приехала Екатерина, ей назначили учителей закона божия, русского языка и танцев. Эти предметы были основными предметами высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы.

Екатерина повторяла, "как попугай", составленное для нее исповедание веры, хотя еще даже не освоилась с русским языком, а заучила всего несколько фраз. Но уже через 5 месяцев, как только Екатерина II приехала в Россию, она громко и внятно, нигде не запинаясь, произнесла на обряде присоединения к православию исповедание в дворцовой церкви. Сразу же как приехала Екатерина, ей назначили учителей закона божия, русского языка и танцев. Эти предметы были основными предметами высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы. Екатерина повторяла, "как попугай", составленное для нее исповедание веры, хотя еще даже не освоилась с русским языком, а заучила всего несколько фраз. Но уже через 5 месяцев, как только Екатерина II приехала в Россию, она громко и внятно, нигде не запинаясь, произнесла на обряде присоединения к православию исповедание в дворцовой церкви. Именно тогда курляндская принцесса получила православное имя Екатерины Алексеевны, и была назначена невестой великого князя Петра Федоровича (Петр III) с которым и обвенчалась в 1745 году.

Свергнув с помощью гвардии Петра III, Екатерина в 1762 году вошла на престол. В период ее правления значительно окрепли русский абсолютизм и сословные привилегии дворян. Преемственность политики в отношении дворян императри-

ца подтвердила указом 3 июля 1762 года, повелевавшим крестьянам находиться в таком же беспрекословном повиновении помещикам, как и прежде. Отметим, личные воззрения Екатерины на крепостное право вступали в вопиющее противоречие с ее законодательством, т. е. практическими мерами, не ослаблявшими, а усиливавшими крепостной гнет. Преемственность политики проявилась и в подтверждении Екатериной нормативных актов предшествующего царствования: она оставила в силе указ Петра III о запрещении владельцам мануфактур покупать крестьян и его же указ об упразднении Тайной розыскных дел канцелярии.[9]

Оба указа затрагивали интересы немногочисленной прослойки населения. Первый указ ущемлял мануфактуристов, но их в стране насчитывалось несколько сотен, и их протест можно было игнорировать. Что касается Тайной розыскных дел канцелярии то ни Петр III, ни Екатерина не уничтожали орган политическое сыска, а всего лишь изменили его наименование — отныне политическими преступлениями стали вестись Тайные экспедиции при Сенате и при Сенатской конторе в Москве. Полная преемственность карательных учреждений подтверждается тем, что штат Тайной экспедиции был укомплектован сотрудниками Тайной розыскных дел канцелярии во главе с кнутабойцем Шешковским. Наконец, Екатерине II довелось «расчищать» еще один завал, оставленный ей в

наследие Елизаветой Петровной, опубликовавшей в 1752 году манифест о проведении в стране межевания земель. Манифестом 1765 г. Екатерина отказалась от проверки владельческих прав на землю и руководствовалась принципом оставления за помещиками земель, которыми они владели к 1765 году. Следовательно, все земли, ранее захваченные у казны, однодворцев и соседей, передавались помещикам в безвозмездное пользование. Главная цель Екатерины II состояла не в подтверждении или развитии законодательных инициатив своих предшественников и, в особенности, супруга, а в доказательстве никчемности законотворчества Петра III. Надлежало опорочить его царствование, убедить подданных, что страна в его правление катилась в пропасть, и единственное спасение состояло в низложении опасного для судеб нации монарха. В частности, надлежало определить будущее двух важнейших нормативных актов шестимесячного царствования Петра III: манифестов о вольности дворянства и о секуляризации церковных имений.

Пребывая на престоле, Екатерина II отличалась огромной работоспособностью, силой воли, целеустремленностью, храбростью, хитростью, лицемерием, неограниченным честолюбием и тщеславием. В общем, всеми чертами, характеризующими «сильную женщину». Она могла подавлять свои эмоции в угоду развитому раци-

онализму. А также ей был присущ особый талант завоевывать общие симпатии.

В изображении современников императрица, с одной стороны, предстает в виде умной, образованной, энергичной, мягкосердечной, милосердной и доброй государыни, проявлявшей незаурядный талант в управлении такой огромной империей, как Россия: она достойно представляла интересы страны в международных делах, умела общаться со своими сподвижниками, проявляла превосходные знания менталитета русского человека и ловко использовала в интересах дела достоинства и недостатки человеческой природы. Вместе с тем она была наделена и множеством недостатков, которые, хотя и не затмевали ее достоинств, но накладывали тень на ее личность. К числу этих недостатков можно отнести любопытство, любовь к лести, внешнему блеску, увлеченность делами, которые она не стремилась довести до конца и которые бросала, с такой же увлеченностью принимаясь за другие, оставляя их тоже незавершенными, чтобы взяться за третьи. История правления императрицы Екатерины II – история блестящих благих пожеланий и их весьма умеренного и искаженного осуществления. Из Екатерины не получился мудрец на троне: в России не ослабли самодержавие и крепостное право, во многом они даже усилились. Но в те же десятилетия была проведена колоссальная законодательная и администра-

тивная работа, превратившая Россию из наспех сколоченного государства Петра I в европеизированную державу. Армия и флот доставили немало славных побед России. Историки неоднозначно оценивают екатерининскую эпоху: в то время просвещение и деспотизм оказались неразрывно, неразделимо связанными между собой.

34-летнее царствование Екатерины II оставило яркий след в истории России. При Екатерине высокого уровня стали издаваться первые журналы, появились писатели, чьи произведения звучат актуально и в наши дни, крупных успехов достигла историческая наука. Екатерина энергично и постоянно законодательствовала, ее перу принадлежат такие важнейшие акты царствования, как Наказ Уложенной комиссии, Учреждения о губерниях, Жалованные грамоты дворянству и городам, и многие другие. Но Екатерина сочиняла не только указы, манифесты и инструкции. Она оставила колоссальное эпистолярное наследие. По ее признанию ей было совершенно недоступно стихосложение, она не понимала музыки, но охотно сочиняла пьесы, водевили.

Как бы то ни было, историческое значение екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что в эту эпоху были подведены итоги предыдущей истории, завершились исторические процессы, раньше развивавшиеся.

Современники отмечали, что Екатерина была роста среднего, стройного стана, отличной

красоты, следы которой не истребились до самой ее кончины. На голубых глазах изображались приятность, скромность, доброта и спокойствие духа. Говорила тихо, с выжимкою, несколько в горло; небесная улыбка обворожала, привлекала к ней сердца. Приближенные расставались с нею преисполненными преданности и удивления. Сколь ни старалась она скрывать важность своего сана, но необыкновенно величественный вид вселял уважение во всяком; не видавший ее никогда, признал бы императрицу и среди толпы. Екатерина была спокойной, веселой, но одновременно тихой, а в противоположность всему этому даже и вспыльчивой. Она легко могла разгневаться от досады, от недовольства чем-то, а потом расхаживала по комнате, засучив рукава и попивая воду. Но она никогда сгоряча не принимала каких-либо решений. В том ее и мудрость. Кто может располагать собой, тот достоин повелевать вселенной.

Оплошность, медленность и недогадливость своих служивых людей Екатерина прощала, относились к этому снисходительно, и при необходимости упрекала с кротостью, с равнодушием, как мать воспитывает своих детей. Никто не слышал от нее ни одного грубого слова, милость с нежностью управляла ее устами. В ее правилах были приветливость, ободрение и доставление приятностей. Милостивый взор этой государыни с улыбкою, тихий вопрос с простосердечием, ответ с благо-

склонностью влекли к ней сердца. Она обладала превосходным мастерством придавать изящные оттенки своей речи, всякому своему движению, и даже взгляду. Ничто не терялось, ничто напрасно не делалось, все имело свою особую цену. И такое различие было размером уважения или холодности. Она кланялась, принимала вельмож не одинаково, но смотря по достоинствам, годам, заслугам: Ивана Ивановича Неплюева, Василия Ивановича Суворова целовала в щеку, пред графом Минихом, графом Разумовским, фельдмаршалом князем Голицыным, графом Румянцевым, князем Шаховским вставала со стула. Такие особы, как блестящие планеты вокруг солнца, озаряли многих, могли спокойно обратиться к Екатерине, и она оставляла дела, чтоб не заставлять их ждать. Они говорили с ней смело, откровенно, и на время как будто выходили из круга подданных.

Мы находим в ней некое чудесное привлечение, чему остались еще свидетели. Животные любили ее. Чужие собаки, прежде незнакомые, прыгая бежали, ласкались к ней, оставляли хозяев, и потом повсюду за ней следовали. Екатерина II была тонким психологом и прекрасным знатоком людей, она умело подбирала себе помощников, не боясь людей ярких и талантливых. Именно поэтому екатерининское время отмечено появлением целой плеяды выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей, художников, музыкантов. В

общении с подданными Екатерина II была, как правило, сдержанна, терпелива, тактична. Она была прекрасным собеседником, умела внимательно выслушать каждого. По ее собственному признанию, она не обладала творческим умом, но хорошо улавливала всякую дельную мысль и использовала ее в своих целях.

За все время царствования Екатерины II практически не было шумных отставок, никто из вельмож не подвергался опале, не был сослан и тем более казнен. Поэтому сложилось представление о екатерининском царствовании как «золотом веке» русского дворянства. Вместе с тем Екатерина была очень тщеславна и более всего на свете дорожила своей властью. Ради ее сохранения она готова пойти на любые компромиссы в ущерб своим убеждениям. Екатерина выросла с мыслью, что ей самой надобно прокладывать себе дорогу, делать карьеру, вырабатывать качества, необходимые для этого, а замужество доставило ей отличную практику такой работы, не только указало цель ее честолюбию, но и сделало достижение этой цели вопросом личной безопасности. И она умело повела свою работу. Ее трудно было застать врасплох; она всегда была в полном сборе; частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации, и в житейских столкновениях она легко направляла их против людей и обстоятельств. В обращении она пускала в ход бесподобное умение слушать, терпе-

ливо и внимательно выслушивать всякий вздор, угадывать настроение, робкие или не находившие слов мысли собеседника и шла им на подмогу. Это подкупало, внушало доверие, располагало к откровенности; собеседник чувствовал себя легко и непринужденно, словно разговаривал сам с собой. К тому же наперекор обычной склонности людей замечать чужие слабости, чтобы пользоваться ими во вред другим, Екатерина предпочитала изучать сильные стороны других, которые при случае можно обратить в свою пользу, и умела указать их самому обладателю. Усвоенная ею манера обхождения с людьми сослужила ей неоценимую службу в правительственной деятельности. Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу. Своим обхождением она облагодарила жизнь русского двора, в прежние царствования походившего не то на цыганский табор, не то на увеселительное место. Заведен был порядок времяпровождения; не требовались строгие нравы, но обязательны были приличные манеры и пристойное поведение. Вежливая простота обхождения самой Екатерины даже с дворцовыми слуга-

ми была совершенным новшеством после обычной грубости прежнего времени. Только под старость она стала слабеть, капризничать и прикрикивать, впрочем, всегда извиняясь перед обиженным с признанием, что становится нетерпеливой. Но она больше привыкла работать над своими манерами и над способом обращения с людьми, чем над самой собой, над своими чувствами и побуждениями; потому ее манеры и обращение с людьми были лучше ее чувств и побуждений. В ее мышлении было больше гибкости и восприимчивости, чем глубины и вдумчивости, больше выправки, чем творчества. Екатерина пишет про себя в записках, что у нее ум и характер, несравненно более мужской, чем женский. У нее были две страсти, с годами превратившиеся в привычки или ежедневные потребности, – читать и писать. За свою жизнь она прочитала необъятное количество книг. Она много писала по-французски и даже по-русски, хотя с ошибками, над которыми подшучивала. Обойтись без книги и пера ей было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка. Очень большое место в своей писательской деятельности Екатерина отводила драматургии. Она была главной поставщицей репертуара для театра в своем Эрмитаже, где она собирала избранное общество. Она писала пословицы или водевили, комедии, комические оперы.

Императрица Екатерина II прославилась не только благодаря своим политическим успе-

хам, но и как русская красавица. Ее жизнь – редкий пример самовоспитания путем глубокого образования и строгой дисциплины. История царствования Екатерины II продолжает оставаться одним из объектов исследований. Многогранную личность Екатерины II нельзя подвести под определенный стереотип: для одних Екатерина II – просвещенная государыня, для других – тиран, а для кого-то – любвеобильная особа, сбившаяся в счете любовников. В итоге

можно сказать, что как бы ни оценивалась деятельность Екатерины II, ее историческая значимость неоспорима.

Екатерина II Великая сыграла в истории очень большую роль. Но уже сама история это доказала. Не зря вторая половина 18 века была названа «екатерининской эпохой». Волею судеб на российском престоле оказался в это время человек яркий и незаурядный, а ведь у России мог бы и быть другой альтернативный путь развития в слу-

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле .- СПб.: "Норинт", 1998. – 416 с.
2. Бердышев С.Н. Екатерина Великая / С.Н. Бердышев. – М.: Мир книги, 2007.
3. Заичкин И.А. Русская история от Екатерины Великой до Александра II / И. А. Заичкин. – М.: Мысль, 1994.
4. Калугин В.К. Романовы. Триста лет на российском престоле / В.К.Калугин. – СПб.: Культ-информ пресс, 2005.
5. Евгеньева М. «Любовники Екатерины». – М.: «Воля», 1989. – 62 с.
6. Сумароков П.И. Внешность и черты характера Екатерины II. – М., 1832.
7. Энциклопедия российской монархии». – М.: Изд-во Эксмо, 2002.
8. Виноградов В.Н. Век Екатерины II. Дела балканские. – М.: Наука, 2000.
9. Елисеева О.И. Екатерина Великая / О.И. Елисеева. – М.: Молодая гвардия, 2010.

УДК 323.21

Екимова Е.Р., Докучаева С.В.

И.В. Сталин

В современном российском обществе протекают процессы, в основе которых лежит кризис системы, экономическая и социальная неопределенность, неуверенность людей и страх перед будущим. В подобной ситуации крайне опасны идеи о возрождении былого величия России, а также стремление к порядку и стабильности любой ценой. И.В. Сталин был неординарной личностью и политиком. И интерес к его политической фигуре обуславливается множеством факторов. Однако в последнее время в России наблюдается резкий всплеск ностальгических настроений, связанных именно с личностью данного политика, что может являться достаточно тревожной тенденцией. Необходимо объективно и всесторонне изучать личности таких политиков, как Сталин и показывать населению разные стороны его жизни без отрыва от политики, которую он проводил, так как влияние внутренних психических процессов на деятельность политика такое же, как и на деятельность любого человека, и жестокий, правитель, без нравственных ценностей никогда не сможет дать своей стране развитие и расцвет, так как достижения только в одной или двух сферах забирают все ресурсы системы и она начинает деградировать.

Ключевые слова: психологический портрет, антропологический портрет, внутренний мир, реальный мир, способ взаимодействия с миром, личностные особенности политического лидера, система ценностей.

Екимова Е.Р. Студентка третьего курса Южно-Уральского Государственного Университета, Исторического факультета, направление подготовки «политология»

Докучаева С.В. старший преподаватель кафедры политологии Исторического факультета, Южно-Уральского Государственного Университета.

UDC 323.21

Ekimova E.R., Dokuchaeva S.V.

J.V. Stalin

Now we can see a system crisis in modern Russian society. People live in the situation of uncertainty and fear of the future. In such a situation is extremely dangerous ideas about the revival of Russia's former greatness, and the desire for order and stability at any cost. Stalin was an extraordinary personality and a politician. And interest in his political figure is determined by many factors. But recently in Russia there has been a surge of nostalgic sentiments related to the personality of this policy that can be a very worrying trend. It is necessary to objectively and comprehensively to investigate the identity of such politicks, like Stalin and to show the populace different aspects of his life without separation from politics. It is necessary because the influence of internal mental processes on the activities of the policy is the same as on the activities of any person. And we should understand, that cruel, without moral price values leader will never be able to give their country the development and prosperity so as to achieve just in one or two areas take all system resources and it starts to degrade.

Keywords: psychological portrait, anthropological portrait, inside world, actual world, way of interact with the world, the personal characteristics of a political leader, system of values

Ekimova E.R. student of the third course
South-Ural State University, History faculty,
specialization political science.

Dokuchaeva S.V. senior lecturer, Department of political science, Historical faculty, South-Ural State University.

Иосиф Сталин является одной из самых неоднозначных политических фигур XX века. С одной стороны, в течение его правления Советский Союз стал играть одну из ведущих ролей в мировой политике, стал промышленной державой с мощным военно-промышленным комплексом, а с другой стороны это было осуществлено средствами, использование которых вряд ли может оправдать какие-либо цели.

В последние несколько лет интерес к Сталину как к личности и политику вновь обострился, и мы полагаем, что это связано с процессами протекающими в современном российском обществе: неопределенность ситуации в различных сферах социальной жизни, пропаганда возрождения имперского величия России, желание порядка и стабильности и т.д.

Однако идеализация образа этого политика крайне опасна для общества, так как является показателем некоторых тенденций, которые могут впоследствии привести к негативным результатам, а именно оправдать жесткие меры современной политической элиты по отношению к своим гражданам, и стать препятствием для формирования демократии и гражданского общества в России.

Поэтому в своей работе мы решили предпринять попытку создать политический и антропологический портрет Иосифа Джугашвили, чтобы рассмотреть его личность с различных точек зрения и показать степень влияния внутриличностных осо-

бенностей политика на выстроенную им модель общества и выбранные методы управления государством.

Политическая карьера Сталина началась в условиях подпольной борьбы и ссылок, и постепенно, выполняя различные задания и заявляя о себе, он продвигался к высшим партийным органам, все увеличивая объем своих полномочий и власти.

Современники отмечали его угрюмость, замкнутость и недоверие к людям, переходящее в мнительность. В своих высказываниях и критике он был груб и прямолинеен, чем вызывал недовольство своих политических оппонентов, но в то же время при необходимости он мог вести себя с людьми обходительно, чтобы получить желаемое.

Мы считаем, что его основными чертами как политика были честолюбие и жестокость. При этом в соответствии со своим типом восприятия и обработки информации, поступающей из окружающего мира, у Сталина преобладало системное логическое мышление и стремление преобразовать окружающий мир в соответствие со своими представлениями, что выражалось в стремлении к власти и умении применять силу в необходимых для решения проблемы объемах.

Силовые методы решения различных вопросов были основой выстраиваемой Сталиным политической системы. А сила подразумевает страх как базовое чувство у людей, которые находятся в подчинении.

Это можно объяснить тем, что другие методы взаимодействия с людьми были Сталину непонятны, он не умел ими пользоваться достаточно хорошо, и поэтому применял ситуативно, в основном действуя проверенными методами.

Еще одна отличительная черта Сталина как политика – это умение использовать именно свои сильные стороны и качества, а также умение представить свои негативные качества как достоинства.

Сталин понимал, что его интеллектуальных способностей и знаний не хватит, чтобы с помощью них получить максимально возможный объем власти, но он понимал также и то, что если правильно выстроить систему контроля за ключевыми элементами политической системы и возглавить ее, то прийти к власти будет уже не трудно. Именно на это Сталин сделал ставку – он создал систему контроля за партией по поручению партии и автоматически получил контроль за происходящим внутри нее.

Конечно процесс прихода к власти занял много времени, но этому помогли такие качества Сталина как терпение, настойчивость, упорство и сила воли.

Сами по себе эти качества очень важны для политика, однако в случае Джугашвили они были направлены на то, чтобы постепенно создавать режим личной тирании в структуре тоталитарного политического режима.

Основным средством под-

держания авторитета собственной власти для Сталина был массовый террор, который он также организовал в логически выверенную эффективную систему – ГУЛАГ.

Практицизм Сталина как руководителя государства заключался в том, что он создавал политическую реальность, в которой были военная и промышленная мощь страны, развитое сельское хозяйство, наука, образование, жилье для представителей всех социальных слоев, возможность работать, но все это было ограничено личными представлениями Сталина, в которых не было уважения к людям, ценности человеческой жизни, доброты, доверия и т.д. Сталин как бы воспроизводил в политике картину своего внутреннего мира, наполненного обидами детства, страхом, желанием отомстить, наказывать, доказать, что он не хуже других (интеллигентных и образованных).

Все что создавалось, создавалось во имя идеалов коммунизма, но не для того, чтобы людям стало легче, свободнее, радостнее жить.

В политике Сталина не место было свободе, потому что сам он не знал, что такое свобода, уважение, любовь.

И тут необходимо обратиться к антропологическому портрету вождя и проследить его личную историю и черты характера.

Иосиф Джугашвили родился 21 декабря 1879 года на окраине Гори, недалеко от Тифлиса в семье полуграмотных крестьян. По воспоминаниям соседей

он был очень привязан к матери и испытывал неприязнь к отцу, который часто проявлял агрессию к жене и к сыну.

Можно предположить, что именно жестокость со стороны отца и чувство собственного бессилия от невозможности избежать проявлений этой жестокости, сформировали мстительности Иосифа и недоверие к миру и к людям.

После смерти отца он с матерью бедствовал, и скорее всего это заложило в нем основы ощущения социальной несправедливости и желание изменить ситуацию для себя лично.

По воспоминаниям современников в детстве Иосиф был активным, смышленным и энергичным. «Близкий друг Сосо Иремашвили, вспоминая приятеля, как худого, но крепкого мальчика, с упорным безбоязненным взглядом живых тёмных глаз на покрытом оспинами лице, с гордо откинутой головой и внушительным, дерзко вздёрнутым носом» [2].

По некоторым данным известно, что мать Джугашвили внушала ему, что его ждет необычное будущее, что ему предстоит многого достичь [1].

По настоянию матери Иосиф поступил в духовное училище, где учился хорошо, а после него пошел в семинарию, но там его успехи были значительно меньше, кроме того, именно в этот период он увлекся идеями марксизма. Он часто нарушал дисциплину, стал замкнутым, много времени посвящал самообразованию. Считается, что в период обучения в

семинарии и сформировалась его феноменальная память, позволившая ему впоследствии помнить имена практически всех работников своего аппарата [1].

В мае 1899 г. Джугашвили исключили из семинарии и он профессионально занялся пропагандой, целью которой было свержение существовавшего строя [4].

Грузинское происхождение также играет значительную роль в жизни Сталина по нескольким направлениям: во-первых, в его окружении были люди его национальности (Орджоникидзе, Берия), которые были его соратниками; во-вторых, он считал, что его национальность отделяет его от русских и его всегда будут воспринимать как чужого, и есть вероятность того, что именно этот комплекс послужил причиной жестокости по отношению к народностям и национальностям при переселении, как попытка доказать, что он не принадлежит к другой нации, что он выше этих различий.

Вообще изучая личностные проявления Сталина, его манеру общения, отношения к близкому окружению и своим сторонникам, можно сделать выводы о том, что он был очень закомплексованным человеком, с болезненной самооценкой, во всем видящий для себя угрозу (своей власти, влиянию и т.д.).

Сталин был логиком, но его рассуждения не обладали глубиной и разносторонностью. Он обладал склонностью к упрощению и стандартизации.

Критика Сталиным не воспринималась ни в каком виде, и

допустимо было только хвалить его решения, способности и качества [3].

Все, что могло обратить внимание на его недостатки уничтожалось, признавалось ложным, бесполезным, опасным.

В 1927 г. Сталина обследовал Бехтерев, который на консилиуме (Сталин на нем не присутствовал, но там был человек, который должен был все передать Сталину) вынес заключение о наличии у вождя классической паранойи [1]. Судьба Бехтерева и его семьи после вынесения этого диагноза сложилась трагично, но компетентность Бехтерева не подвергается сомнению, и поведение Сталина во многом объясняется заболеванием, которое у него было и с течением времени прогрессировало.

Необходимо также отметить и внешность Сталина и его «сухую» левую руку (это произошло в результате заражения крови в подростковом возрасте). Сталин был низкого роста, и по этому поводу также комплексовал, его лицо было покрыто оспинами, что также только усиливало его собственное чувство неполноценности.

Известно, что на одной из своих дач в Абхазии Сталин специально сделал тайный ход из своей спальни, чтобы к нему могли приходить женщины. Этот ход выходил к посту охраны, и что потом происходило с этими женщинами не известно.

Также Сталин не любил ходить на пляж, где его могли увидеть и по его мнению, посмеяться над его телом.

При этом Сталин очень лю-

бил роскошь и это проявлялось в мельчайших деталях быта и жизни. К примеру, на одной из его дач, окна были застеклены французским хрусталем, а пол сделан из 38 ценнейших пород дерева в мире.

Для себя лично Сталин устранил социальную несправедливость, но в его системе все было основано на несправедливости и лжи.

Сталин считал себя одиночкой, который борется против всех, и что в мире выживает сильнейший, который может запугать и подавить остальных. По свидетельствам очевидцев Сталин рисовал в задумчивости волчи головы, что также позволяет предположить, что он отождествлял себя с волком, а мир с волчьей стаей.

Таким в общих чертах можно обрисовать антропологический портрет Сталина.

Очевидно, что между политическим и антропологическим портретами имеется тесная взаимосвязь, так как личные особенности политика напрямую влияют на его политические взгляды, поведение, на то, какие цели политик перед собой ставит, какими средствами стремится их достичь.

И трагедия заключается в том, что психически нездоровая личность Сталина, в течение более 30 лет создавала реальность по образу его внутреннего мира.

Созданная им система была жестока и бесчеловечна по своей сути, она была несправедлива и основывалась на лжи и манипуляции сознанием и поведе-

нием людей.

То, к чему привык с детства Сталин, он воспроизводил снова и снова вокруг себя, обосновывая это логически и заключая в жесткие рамки государственно-аппарата.

Сила его личности, упорство и настойчивость обусловили потенциал, заложенный в созданную им систему. Кроме того, социально-политические условия, в которых находилась в период в 1917 г. Россия, способствовали созданию тоталитарного режима, так как люди жили в состоянии полной неопределенности и страха, и они хотели порядка. И в государстве бы наведен порядок, правда политическая, социальная, культурная, экономическая цена этого порядка оказалась непомерно высокой для страны и для ее населения.

И ситуация, в которой оказалась Россия в настоящее время также несет в себе некоторые

тенденции из прошлого, и важно понимать, к чему может привести стремление к безопасности и определенности без осознания того, какую цену придется за это заплатить, если к власти придет политик, стремящийся реализовать свои личные амбиции с помощью безграничной власти, данной ему якобы для наведения порядка и обеспечения стабильности и величия государства.

Поэтому необходимо объективно и всесторонне изучать личности таких политиков, как Сталин и показывать населению разные стороны его жизни без отрыва от политики, которую он проводил, так как влияние внутренних психических процессов на деятельность политика такое же, как и на любого человека, и жестокий, правитель, без нравственных ценностей никогда не сможет дать своей стране развитие и расцвет, так как достижения только в одной или двух сферах забирают все ресурсы

Библиографический список

1. Анискин И. Сталин. Большая книга о нем / И. Анискин. – М.: АСТ. – 2014. – 800 с.
2. Роберт Т. Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность: перевод с англ. / Т.Роберт. – М.: «Прогресс». – 1991.
3. Чернобаев А.А. Сталин Иосиф Виссарионович / Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь / А.А. Чернобаев. – М.: Большая Российская энциклопедия. – 1993.
4. Чернявский Г. Когда на самом деле родился Сталин и почему это важно. // Каскад, – № 210, – 26. 03.2004.

УДК 323.21

Храмцова Е. А. , Хвощев В.Е.

Харизматическая личность: роль и место в политике

В статье рассматривается феномен харизмы, излагаются основные социологические и политологические теории и концепции харизматической личности, на основе их анализа выявляется роль такой антропологической характеристики как харизма в политике.

Ключевые слова: харизма, харизматическая личность, политическое лидерство, легитимность.

Храмцова Е. А. , студентка Южно-Уральского государственного университета, направление «Политология»

Хвощев В.Е., заведующий кафедрой политологии Южно-Уральского государственного университета, e-mail: vek@susu.ru

UDC 323.21

Khramtsova E. A., Khvoshchev V.E.

Charismatic personality: the role and place in politics

The article deals with the phenomenon of charisma, sets out the basic sociological and political theories and concepts of charismatic personality, based on their analysis reveals the role of such anthropological characteristics as the charisma in politics.

Keywords: charisma, charismatic personality, political leadership, legitimacy.

Khramtsova E. A., a student of the South Ural State University, department of Political Science.

Khvoshchev V.E. is the head of department of political science of South Ural state university, e-mail: vek@susu.ru.

 феномен харизмы до сих пор чётко не определён и имеет множество трактовок. Однако с фактом её наличия у индивидов спорить не приходится. История знает множество великих личностей, обладавших яркой индивидуальностью и незаурядными способностями, которые влюбляли в себя массы и с лёгкостью вдохновляли народы на великие свершения. Такие личности являлись не только философами, полководцами или людьми искусства, но и политиками – императорами, вождями, партийными руководителями, президентами. Почему же народ так вдохновенно и восторженно следовал далеко не за каждым руководителем, а лишь за единицами? Ответ кроется в такой характеристике, как харизма.

Харизматические лидеры в политике появляются регулярно. Практически весь XX век был соткан из правления харизматиков в разных странах. Такие лидеры появлялись, как правило, в кризисные для государств моменты и трансформировали общество в соответствии со своими идеями.

Политические харизматические лидеры оказывают колоссальное влияние на общество и государство, в которых они существуют, и, безусловно, имеют огромное влияние на политику как национальную, так и международную. В этой связи изучение такого феномена, как харизма, весьма актуально.

В данной статье рассматриваются ключевые теории хариз-

матического лидерства с целью определить степень влияния феномена харизмы в сфере политики.

В качестве объекта исследования выступает феномен политического лидерства. В рамках статьи рассматриваются харизматические характеристики политических лидеров и их влияние на политику.

Разработкой различных теорий харизматической личности занимались такие исследователи, как К. Фридрих, Т. Эммет, С. Московичи, Т. Парсонс, М. Вебер, В. Фридланд, Э. Вилнер, Э. Шиллз и др.

Аналізу концепцій харизматического лидерства посвятили свои труды Н.В. Фрейк, М.М. Волобуева, В.И. Кравченко, Е.Б. Шестопал, Р. Итвел, Ю.Н. Давыдов и др.

Как уже отмечалось выше термин «харизма» не имеет устойчивого определения. Люди зачастую представляют это понятие довольно абстрактно, не в силах подобрать чёткой формулировки, а исследователи дают различные трактовки этого понятия.

М.М. Волобуева связывает этимологию термина «харизма» с древнееврейским словом «хэсэд», означающим благодать, и греческим «харис», переводящимся как милость, доброта или радость [2].

Ефремова даёт следующее определение харизмы: наделённость авторитетом, основанном на исключительных интеллектуальных, духовных или каких-либо иных качествах личности.

Н.Н. Крадин говорит о харизме как о «способности внушать

последователям веру в сверхъестественные способности» [3].

В социологических концепциях термин был впервые применен Э. Трельчем и М. Вебером, который наиболее полно и точно определил харизму в своём труде «Харизматическое господство». Он предлагает понимать харизму как «качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Она рассматривается как посланная богом или как образец» [1].

Как бы ни были различны все трактовки, они сходятся на обладании личностью каких-либо исключительных, необычных качеств и её способности влиять на других людей.

Религиозная трактовка харизмы намного опередила социологическую. Именно религия сформировала базовое понимание харизмы как благодати, божественной милости, дара, сфокусировавшись на сверхъестественном её смысле.

Харизматическая личность, то есть личность, наделённая особой благодатью, возникла ещё в первоначальном христианстве. Но как самостоятельное явление харизматическое лидерство существовало ещё до христианства.

Религиозного харизматического лидера можно определить как личность, обладающую сверхъестественными качества-

ми по причине своей особой принадлежности или контакта со сверхъестественной силой и применяющую эти качества для утверждения своей лидирующей позиции.

Правом на харизматическое лидерство, как правило, обладал глава родоплеменного сообщества, характеризующийся как тотемический лидер.

Н.В. Фрейк выделяет несколько основных положений, на которых строятся религиозные концепции харизмы:

Подразумевается, что харизматический лидер действительно обладает особыми экстраординарными качествами, дарованными ему «свыше»/

Проводится весьма четкое разделение «обладателей» харизмы в зависимости от последствий их лидерства для общества. Подлинные харизматики в сфере политики в высшей степени моральны и религиозны, что отличает их от «псевдохаризматических» [4].

Истинный харизматик, согласно религиозным концепциям, во-первых, обладает особой способностью вдохновлять, т.е. оказывать большое влияние на людей и мобилизовать их на экстраординарные усилия и действия. Во-вторых, его внутренние качества отличаются высшей моральностью и духовностью. В-третьих, лидер в первую очередь стремится «разбудить» мораль других людей, а не стать объектом слепой преданности и послушания.

Концепция М. Вебера, безусловно, оказала огромное влияние на понимание фено-

мена харизмы и харизматической личности не только в рамках социума, но и в системе политики.

Как уже отмечалось выше, харизмой М.Вебер предлагает называть «качество личности, признаваемое необычайным».

Вебер резко противопоставляет харизматическое господство двум другим типам, называя его «внеобыденным», в то время как остальные «обыденные» [1].

Бюрократическое (легальное) господство рационально, связано правилами, в то время как харизматическое – иррационально и свободно от правил.

Традиционное господство основано на событиях прошлого, и поэтому ориентировано на правила, харизматическое же – разрушает прошлое (внутри своей области), и поэтому специфически революционно.

Значимости харизмы определяется признанием подчинённых, получаемым изначально посредством чуда. Такое признание, как правило, рождается из склонности подчинённых к почитанию героев, из их упования на вождя. Однако одарённость харизмой нуждается в доказательстве, а именно действиях, решениях харизматика [1]. Харизматический лидер, по Веберу, формирует собственный управленческий штаб, в который состоит не из специалистов-чиновников, а людей, выбранных лидером на основе их харизматических качеств. Штаб вождя предан именно его личности и миссии; подчинение основано на вере, что вождь

внутренне призван руководить людьми.

Харизматическое господство легитимно лишь до тех пор, пока личная харизма, подкреплённая доказательством, находит признание и используется доверенными людьми, учениками, последователями только до тех пор, пока имеется доказательство [1].

Вебер представляет харизму как великую революционную силу в связанных традициями эпохах. В отличие от революции как таковой, действующей извне (через изменения жизненных условий и проблем), харизма может быть преобразованием изнутри, рожденным из нужды или воодушевления. Она приводит к изменению главных направлений мышления и действия, а также полной переориентации всех жизненных установок

Вебер проводит существенное различие между харизмой подлинной и рутинизированной, т.е. трансформированной в более «стабильные» формы. Истинная харизма – врождённое и экстраординарное качество, не включенное в нормативный порядок. Но в чистой форме харизматическое господство оказывается нестабильным, так как его характер изначально чужд повседневным, рутинным структурам. Все модификации подлинной харизмы, в основном, имеют один и тот же мотив: обеспечить себе безопасность [4]. Следствием этого является рутинизация харизмы, её возвращение к повседневности через легализацию либо традиционализацию.

Н.В. Фрейк отмечает, что Вебер использовал понятие «харизма» в двух совершенно разных смыслах: с одной стороны, Вебер утверждает, что истинная харизма есть экстраординарный феномен, существующий вне установленных порядков; с другой стороны, он часто использует это понятие при обсуждении институциональных порядков, доказывая, что истинная харизма увековечивается (хотя и трансформируясь) в институтах

В настоящее время распространена концепция так называемой «псевдохаризмы», сторонники которой говорят о несовместимости «истинной харизмы» с самой сущностью современного общества. Основой является концепция Вебера, которая считается исторически ограниченной. Так, если истинная харизма обладает такими чертами как иррациональность, радикальность (революционность) и личностная природа, то в современном обществе – рациональном, безличном и массовом – появление истинной харизмы практически невозможно. К тому же, становится преобладающей тенденция создания бюрократическими структурами харизматического лидера, который изначально лишён качеств харизматика. То есть, то, что в современном обществе мыслится как харизма, всего лишь её видимость. По сути, это сфабрикованная псевдохаризма, т.е. опосредованная, неревolutionная, рационально созданная.

В социологии широко распространён функциональный подход к харизме.

Одним из ярких представителей этого подхода является Т. Парсонс. Его идеи оказали непосредственное влияние на функциональную трактовку проблематики харизмы.

Классическим примером функционального подхода является концепция Вильяма Фридланда.

По Фридланду, господство имеет место тогда, когда миссия, выраженная харизматиком, значима для общества, когда лидер формулирует призывы, совместимые с нуждами масс. В противном случае действия и идеи лидера воспринимаются как странные, преступные или безумные [4].

Фридланд и сторонники его концепции воспринимают харизму в качестве некой «остаточной категории» веберовской типологии господства. То есть, харизматическими становятся все варианты господства, которые не являются традиционными или легальными. Это приводит к тому, что все лидеры становятся харизматическими.

Стоит обратить внимание на концепцию политической харизмы Энн-Рут Вилнер. Основной идеей концепции является идея о том, что харизматическим лидера делает не обладание особыми качествами, а их восприятие таковыми в глазах последователей.

Согласно Вилнер, лидер становится харизматическим, если:
- обращается к важным куль-

турным мифам;

- совершает поступки, воспринимаемые как героические или экстраординарные подвиги;

- проецирует качества с таинственной или могущественной аурой;

- обладает выдающимися риторическими способностями [4].

В последнее время, отмечает Н.В. Фрейк, получила разработку проблематика «трансформационного лидерства». Феномен харизмы рассматривается сквозь призму трансформационного и героического лидерства теми исследователями, которые считают, что харизматические лидеры появляются в обществах и организациях, претерпевающих сильнейшие кризисы. При этом харизматический (трансформационный) лидер предстает как идеальный руководитель, способный вывести организацию (общество) из кризиса, поскольку он обладает редкими организационными способностями.

Существует также плюралистический подход к харизме, для сторонников которого точкой отсчета также служит веберовский анализ харизматического господства, однако они стремятся к расширению идей Вебера.

Так, Э. Шилз полагает, что помимо «интенсивной», «концентрированной» харизмы, не меньший интерес представляет харизма «ослабленная», «дисперсная». Если первая осуществляет функцию инновации, то вторая поддержания порядка. При этом считается, что обе харизмы сосуществуют в лю-

бом типе общества, поскольку каждая из них связана с определенной универсальной человеческой потребностью [4].

Склонность к харизме рассматривается как «функция потребности в порядке», т.е. харизма «прикрепляется» к индивидам и институтам, которые удовлетворяют потребность в порядке или обещают это сделать.

В плюралистическом подходе усилены элементы харизмы, связывающие ее с установленными порядками. Иными словами, рутинизированная форма харизмы используется как ее общее качество. Благодаря этому харизма воспринимается как трансцендентная символическая сила, «вызывающая преклонение центральность», приносящая любому господству и представляющая связь господства с гарантиями порядка. Харизма предстает компонентом любого действия добровольного послушания установленному господству, а следовательно, она уравнивается с центральной властью и легитимностью.

Лидер обладает способностью объединять группы, социальные слои, нацию в целом. Действуя на массы, лидеры способны воодушевить и мобилизовать их на реализацию сложнейших задач.

Но для того, чтобы внушать доверие большой массе населения и, более того, воодушевлять и мобилизовать граждан, необходима яркая индивидуальность, специфические особенности личности лидера, иными словами, харизма. Без этого качества лидер не будет отли-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-I № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

чатся от рядового чиновника и, соответственно, не будет внушать восхищения. Если следовать концепции Вебера, лидер, не обладающий харизмой, не

будет легитимирован, либо, в случае отсутствия её доказательства, потеряет легитимность в глазах народа, а за этим и власть.

Библиографический список

1. Вебер М. Харизматическое господство // Социол. Исслед. – 1988. – № 5.
2. Волобуева М.М. Философия харизматического лидерства и её имплицитность в поле гуманитарного знания.
3. Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М., 2004.
4. Фрейк Н.В. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. – Том 1. – № 1. – 2001.
5. Фрейк Н.В. Политическая харизма: версии и проблемы // Социол. исслед. – 2003. – № 12.

УДК 37.035.6 + 172.15

Ларионова С.С., Пеннер Р.В.

Тебя спроси: «Кто герой?» – что ты ответишь? К вопросу об осмыслении образа героя

Данная статья посвящена осмыслению проблемы патриотизма, связанной с подменой образов реальных героев вымышленными, героями из комиксов. Сегодня мы можем наблюдать манипуляцию коллективным сознанием, искажением отечественного менталитета. Решение данной проблемы можно обнаружить в популяризации образов реальных героев Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: война, герой, подмена, комикс, патриотическое воспитание, коллективное бессознательное.

Ларионова С.С., студентка Южно-Уральского государственного университета.

Пеннер Р.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета

UDC 37.035.6 + 172.15

Larionova S.S., Penner R.V.

You were asked: "Who is the hero?" – what would you say? About the meaning of the hero in the patriotic education

This article is about the understanding of the problem of patriotism, which is associated with the substitution the real heroes of images from the comics. Today we can see the manipulation of the collective consciousness, the distortion of the national mentality. The solution to this problem can be found in the promotion of real heroes of the Great Patriotic War.

Keywords: war hero, substitution, comics, patriotic education, the collective unconscious

Larionova S.S., student of the third course South-Ural State University

Penner R.V., associate professor of the South Ural State University, Candidate of Philosophical Science.

Сегодня особой популярностью среди молодежи пользуются образы супергероев из комиксов компаний «Marvel» и «Detective Comics». Это всем известные Супермен, Бэтмен, Спайдермен, Чудо-женщина, Флэш, Сорвиголова и еще дюжина «людей» в обтягивающих костюмах.

Культуролог Дарья Дмитриева в своей книге «Век супергероев: Истоки, история, идеология американского комикса» рассматривает основные черты супергероя. По мнению автора, к этим признакам относятся:

1. Необычные способности или навыки (умение летать, огромная сила, необычное оружие). Эти способности могли быть получены супергероями различными путями:

А) по происхождению (например, Супермен – инопланетянин, Чудо-Женщина – греческая полубогиня);

Б) магическим путем (волшебное кольцо Зеленого Фонаря или скарабей Синего Жука);

В) с помощью научного открытия или неудачного научного эксперимента (сыворотка суперсолдата Капитана Америки, химическая таблетка Человека-Часы, молния и химикаты Флэша);

Г) При помощи денег, инвестируемых в научно-технические разработки (Бэтмен или Железный Человек не обладают физическими преимуществами, но при помощи огромного состояния могут себе позволить новейшие фантастические разработки: летающую броню или Бэтмобиль).

2. Борьба со злом в его конкретном проявлении. Каждый герой берет на себя функцию по восстановлению справедливости, когда полиция и закон оказываются бессильны. Супермен с равной заинтересованностью снимает с дерева котенка и борется за спасение целого города. Супергероям важны не столько «все», сколько «каждый».

3. Твёрдые моральные принципы, включая готовность рискнуть собственной жизнью ради добра, не ожидая награды.

4. У каждого супергероя присутствует своего рода мотивация в борьбе с преступностью: такая как чувство ответственности (Человек-паук), формальное призвание (Чудо-женщина), личная вендетта против преступников (Бэтмен) или сильная вера в справедливость и служение гуманиста (Супермен).

5. Предыстория, объясняющая при каких обстоятельствах персонаж обрёл свои способности, а также причины, побудившие его или её стать супергероем. Во многих историях происхождения присутствуют трагические элементы и / или аномалии, вылившиеся в развитие способностей героя [2].

Основы «философского» знания, передающие мораль супергероев-самосудцев (что показано на примерах персонажей Каратель и Бэтмен), были, по сути, сформулированы много веков назад Аристотелем: люди, обладающие превосходящей добродетелью и самообладанием, непременно выходят за границы внешней человеческой бюрократической системы.

«Есть люди, – писал Аристотель, – столь богоподобные, столь исключительные, что они естественно, по праву их необычайных талантов, не подлежат никакому моральному суду или конституционному контролю. ... Для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон» [1].

Но если еще раз посмотреть на черты супергероев, то можно провести аналогию с героями Великой Отечественной войны. В истории нашей страны действительно есть люди, которых можно сравнить с, казалось бы, нереальными суперлюдьми.

Возьмем, например, Супермена. К его способностям относятся: умение летать, суперсила, ледяное дыхание. Главный враг – Лекс Лютор. Вы спросите: «И с кем же можно сравнить неподражаемого Супермена?» А сравнить его можно с Иваном Кожедубом – летчиком-асом времен Великой Отечественной войны, трижды Героем Советского Союза. У Ивана Никитовича тоже есть суперспособности: это умение летать, суперволя и суперсмелость. А главный враг – фашисты. Этот человек совершил 320 боевых вылета, сбил 62 самолета противника.

Вторая параллель – Бэтмен. Брюс Уэйн решил бороться с преступностью своими силами, сконструировав Бэтмобиль и в совершенстве овладев многими боевыми стилями. И Мария Октябрьская решила бороться с фашистами своими силами. На собственные деньги построила танк Т-34 – «Боевая подруга» – и стала его механиком-

водителем. 17 января 1944 года в районе станции Крынки Витебской области у танка «Боевая Подруга» была подбита гусеница. Механик М. Октябрьская пыталась под огнем противника устранить повреждения, но разорвавшаяся поблизости мина опасно ранила ее в левый глаз. 15 марта 1944 года Мария Октябрьская скончалась во фронтовом госпитале в Смоленске. Звание Героя Советского Союза Марии Васильевне Октябрьской присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1944 года (посмертно).

Еще один ярчайший пример Зеленая Стрела – супергерой, обладающий природным даром стрельбы из лука. В большинстве своем этот персонаж списан с Бэтмена. Оливер Квин, как и Брюс Уэйн искусно владеет многими боевыми стилями, а так же имеет свою фирменную машину – Стреломобиль. Стрела, как и многие супергерои, борется с преступностью. Аналогичен ему герой Советского Союза Василий Зайцев. Человек, который обладал поразительной меткостью, чутким слухом, выдержкой, выносливостью и хладнокровием. За время Сталинградской битвы Василий Григорьевич убил 225 солдат и офицеров немецкой армии и их союзников, включая 11 снайперов.

Следует отметить, что приведенные аналогии несут крайне отвлеченный характер и не претендуют на научную объективность. Но раз в истории нашей страны так много настоящих,

реальных героев, почему мы восхищаемся теми, кого нет в реальности? Это проблема патриотизма. Вымышленные герои вытесняют реальных, и, как следствие, проблема отечественного патриотизма актуализируется.

Происходит подмена образа настоящего героя. Данная манипуляция относится к коллективному бессознательному, она формирует наше сознание. Из-за этого мы забываем, что среди нас жили настоящие герои, которые не были одарены бо-

жественными способностями, но именно эти люди действительно спасли мир. Но общество упорно следует навязанным «стандартам», так называемому мейнстриму, забывая, что наши отцы и деды – вот, кто настоящие герои, о которых стоит слагать легенды и снимать фильмы.

Решение данной проблемы можно найти в пропаганде и популяризации образа героя Великой Отечественной войны путем создания медиапродукта,

Библиографический список

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] // URL.: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol3.html> (дата обращения: 12.05.2015).
2. Дмитриева, Д.Г. Век супергероев: Истоки, история, идеология американского комикса / Д.Г. Дмитриева. – М.: Изотека, 2015. – 320 с.
3. РолеWiki – энциклопедия ролевого движения [Электронный ресурс] // URL.: <http://rolewiki.org/%D0%A1%D1%83%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 21.04.2015).
4. Юнг, К.-Г. Концепция коллективного бессознательного: Психология бессознательного / К.-Г. Юнг. – М.: Канон+, Реабилитация, 2013. – 320 с.
5. Pikabu: Популярность супергероев [Электронный ресурс] // URL.: http://pikabu.ru/story/populyarnost_supergeroev_1814523 (дата обращения: 22.04.2015).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-L № 2 2015
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

- экспертное заключение для открытой печати
- рекомендация к публикации

Требования к срокам подачи статей:

- до 20 марта в первый номер года
- до 20 октября во второй номер года

Требования к содержанию статей:

- социально-политическая и гуманитарная направленность
- комплексный и междисциплинарный характер

Требования к форме статей:

редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1 пт., красная строка 1 см, поля 2х2х2х2 см

Требования к структуре статей:

УДК, название, список авторов, аннотация, ключевые слова, текст статьи (не более одного авторского листа – 40 тыс. знаков), концевые сноски (единая нумерация на всю статью)

Требования к языку статей:

- статья может быть предоставлена на любом языке
- название, список авторов, аннотация, ключевые слова повторяются на русском и английском языках, а также на языке оригинала статьи

**REQUIREMENTS
CONCERNING THE PUBLICATION**

Requirements concerning the enclosed information:

- expert's decision on public print
- recommendation for publication

Requirements concerning the dead-line for submitting the articles:

- March 20 – for the first issue of the year
- October 20 – for the second issue of the year

Requirements concerning the content of the articles:

- social and political focus
- complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the article's form:

MS Word, font of Times New Roman, size 12, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the article's structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, abstract, keywords, the article's text (no more than one author's sheet – 40 thousand characters), endnotes (single numbering for the full article)

Requirements concerning the article's language:

- The article can be presented in any language
- The title, the authors, the abstract, keywords are represented in Russian and English languages, as well as the language of the original article